

Сергей Борисов

Берег мистера Мапа

16+

Сергей Борисов

Берег мистера Моро

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Борисов С. Ю.

Берег мистера Моро / С. Ю. Борисов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Все началось с того, что на старт трансатлантической регаты яхтсменов-одиночек среди других участников вышли русский и американец - Андрей Горбунов и Говард Баро. Причем у каждого из них есть пятна в прошлом - светлые и темные, их предавали, обманывали, преследовали, пытались запугать, купить... Так что участие в парусной гонке для них еще и своего рода бегство. И так случилось, что в шторм яхты Андрея и Говарда затонули, и два яхтсмена оказались на одном плоту в сотнях миль от ближайшего берега... Им оказался остров, а на острове люди, почти невероятным образом связанные с прошлым Горбунова и Баро. А дальше... Злодеи, кровожадные рыбы, доктор с садистскими наклонностями, вредный карлик, безжалостный бандит, снадобье от наркомании, плен, бегство, стрельба на поражение, взрывы, огонь, вертолеты спецназа... Такие они - настоящие приключения!

© Борисов С. Ю., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Через сорок дней...	5
Часть 1	6
ВОДА	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	55
Глава 7	68
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Через сорок дней...

Пулемет замолчал.

Он отсоединил магазин, заменил его полным.

Еще очередь. Пули ударили в бруствер, но тот был надежной защитой. До поры, естественно. Пока загонищики сорят очередями, опасаться нечего. С капитана, правда, станется снова поднять своих головорезов в атаку. Ну, положит еще двух-трех среди камней, так невелика печаль. Но вернее другое: прикажет сгонять за гранатометами, тем более что этого добра у них на складах навалом, и накроет беглецов с пары выстрелов. И ведь накроет: не осколками, так камнями посечет, а то и завалит каменюками по самую маковку – ни вздохнуть, ни шевельнуться. Бери тепленькими. Или холодненькими. Это как карта ляжет.

Он выглянул из-за бруствера. Загонищики попрятались. Ему показалось, что у дерева, будто отпрыгнувшего на десяток метров от опушки, топорищится что-то пестрое, может, пола армейской куртки, а может, штанина. Он прицелился, выстрелил и промахнулся. Пятнистый клоч шустро скользнул за толстый ствол.

Ответные пули запели над головой. Он опустил на колени, прижался спиной к нагретому камню. Постепенно очереди стали короче и раздавались все реже. И тут сбоку грохнул выстрел. Видимо, напарник тоже присмотрел цель и, судя по огорченному лицу, тоже промазал, лишь спровоцировал новый огневой шквал.

По счастью, недолгий. Когда установилась тишина, он снова выглянул из-за камней. Опушка была пуста. Совсем. Ни шороха, ни звука. Загонищики отошли.

Он благодарно погладил приклад пулемета: хорошая машинка, только куда с ней против гранатомета! Потом посмотрел на вздымающуюся над ними гору, на черную дыру пещеры. Может, туда податься? Ну, допустим. И что дальше? Не с первого выстрела и не со второго, но с десятого или двадцатого внутрь обязательно залепят гранату, которая расплющит их по стенам так, что отскребай – не соскребешь. Или того проще, без затей: имальнут по скале над входом, та рухнет и замурует беглецов на веки вечные. И не придется капитану мучиться вопросом: хоронить убиенных по-христиански или так бросить? Впрочем, подобные нравственные терзания его вряд ли беспокоят, в слюнявом гуманизме его никак не заподозришь.

Короче, в пещеру им ход заказан. Что же тогда? Биться до последнего патрона? И пасть смертью храбрых? Да, это мы можем, это нам запросто. Одна беда: еще пожить охота. Такое вот скромное желание. Жаль, обстоятельства не располагают.

Господи, а как красиво все начиналось!

Море, яхты...

Часть 1

ВОДА

Глава 1

У оператора были железные нервы. Телекамера ощупывала лицо убитого медленно, с профессиональной тщательностью.

Спекшаяся кровь стянула щеки. Рот распахнут в предсмертном крике. Глаза закатились, только мутные белки узкой полоской подчеркивают веки. Лоб разворотило выстрелом; он покрыт чем-то напоминающим плесень.

Андрей поставил стакан на стол. Пить расхотелось.

Нехотя отодвинувшись, объектив жадно пошарил по сторонам и впился в еще одно искромсанное пулями тело.

В голосе комментатора за напускным бесстрашием слышалось нечто вроде удовлетворения – не столько от хорошо поданной новости, сколько от уверенности, что подобные безобразия возможны где-то там, где-то далеко, но не у нас, до нас не докатятся, у нас это невозможно!

«Волна насилия захлестнула страну. Полиция беспомощна. Отлично вооруженные банды терроризируют население. Введен комендантский час. К столице и портовым городам стянуты части национальной гвардии. Невзирая на крайние меры, не приходится надеяться, что ситуация в этой центральноамериканской республике в скором времени стабилизируется... А сейчас, – комментатор лучезарно улыбнулся. – Трансатлантическая гонка яхтсменов-одиночек¹. Репортаж из Плимута. Завтра старт».

На экране появилась заставка: парусник на голубом фоне и буквы по кругу.

Андрей снова взял стакан, отхлебнул ледяного апельсинового сока и чуть не поперхнулся, увидев перед собой собственное лицо. Что ж, поглядим...

Это раньше, до первой съемки, он наивно полагал, будто при любых обстоятельствах сумеет вести себя достойно. Питерские телевизионщики избавили его от этого заблуждения, показав во всей красе: нелепым, угловатым, косноязычным.

Как выяснилось, слово «мотор» напрочь выбивает у него почву из-под ног. Когда месяц спустя интервью все-таки пробило в эфир, Андрей чуть со стыда не сгорел. Что за убожество? Сашка, правда, успокаивал: мол, все было на уровне – говорил связно, идиотским вопросам, типа «Вы не боитесь?», не удивлялся.

Друг его миловал, хотя мог бы и казнить. Андрей это понимал, потому и наказал себе строго-настрого: чтобы в следующий раз без сучка, без задоринки!

«Мистер Горбунофф, – отутюженный хлыщ в псевдо-адмиральской фуражке и клубном пиджаке смягчал «в» и сдваивал образовавшуюся «ф». – Вы, безусловно, отдаете себе отчет, что не можете рассчитывать на победу. Даже в подгруппе. Ваши предшественники и соотечественники, мистер Конюхофф и мистер Языкофф, были в более выгодном положении. Зачем же пускаться в плавание, не имея ни единого шанса на выигрыш? Сказывается национальная гордость? Для славян это так характерно».

Андрей поморщился и одним глотком допил сок. Точно так же поморщился он и на экране – как от зубной боли.

«Я построил «Северную птицу», чтобы пересечь океан. К этому добавить нечего».

¹ Проводится раз в четыре года. Первая состоялась в 1960 г.

«Но вы русский! – не унимался репортер. – А русские...»

«Борт о борт со мной датчанин, – перебил Андрей. – За ним – француз, японец, румын... А вон американец. Эй, Говард! – Камера дернулась, выхватив фигуру в звездно-полосатых шортах. – Ты плывешь во славу Соединенных Штатов?»

«Боже, спаси Америку! Я бегу от кредиторов», – парень засмеялся, но глаза его оставались серьезными, так что было неясно, шутка это или у него и впрямь не все ладно с финансами.

«Атлантика укроет вас, мистер Баро! – развязно ухмыльнулся репортер, показав два ряда ровных, точно фасолиты, зубов, и вновь повернулся к Андрею.

Расстреляв обойму каверзных вопросов и огорченный, что русский не только цел и невредим, но еще и дает сдачи, репортер сказал, меняя тему и предлагая ничью:

«Мистер Горбунофф, у вас отличное произношение. Как у лондонского денди прошлого века».

На мировую с нахалом Андрей идти не собирался:

«Это заслуга моих преподавателей. В России, да будет вам известно, по-прежнему дают прекрасное образование. А что, вам будет понятнее, если я начну изъясняться на кокни? Или вы предпочитаете пиджин-инглиш²?»

Репортер хохотнул, вынужденно отдавая должное ответу:

«Уж не стрела ли это в мой адрес?»

Андрей на экране протестующе прижал руки к груди. Поверить в его искренность было невозможно.

Андрей перед телевизором довольно прищурился: не такой уж он и валенок! Да и чего тушеваться? Не на приеме у королевы.

«Что ж, счастливого плавания, – стал прощаться репортер и вдруг выпалил: – Раша, карашо!» – и заулыбался, обнажая белоснежную металлокерамику. Последнее слово осталось за ним!

Замелькали кадры рекламы. Андрей окинул взглядом скромное гостиничное пристанище. Вообще-то, не мешало бы поспать. И тут же отбросил эту еретическую мысль. Дел невпроворот. Так всегда! Сколько ходит под парусом, столько диву дается: как ни вкалывай, а все равно до самого старта впору вертеться волчком – и то надо, и это, и это тоже. И ничего удивительного, ведь яхта – она как дом, которому постоянно требуются забота и внимательные руки хозяина, а то крыша потечет, половицы провалятся... Впрочем, почему «как дом»? Это и есть дом. Его дом. Его крепость! Так что, если по совести, это еще посмотреть надо: то ли яхта при нем, то ли он при ней, то ли он ведет ее, то ли «Птичка», милостиво несет его... куда ей вздумается.

Андрей прошел в ванную. Умылся. Пригладил волосы, чтобы не так заметна была ссадина у виска. Лишние вопросы ему ни к чему.

* * *

Два часа назад, направляясь в отель, Андрей встретил в припортовом квартале Говарда Баро, увешанного сумками и пакетами, как новогодняя елка игрушками.

– Помочь?

– Сам виноват, самому и отдуваться. Тяжела доля сладкоежки. И ноша тоже.

– Запас карман не тянет.

– Что?

– У нас так говорят.

– Резонно. А что у вас говорят насчет пива? – американец показал глазами на неоновую вывеску паба, неброско мерцающую в нескольких метрах от них. – Зайдем?

² Кокни – слэнг лондонских грузчиков; пиджин-инглиш – изувеченный индусами английский

Андрей хотел было отказаться, памятуя о куче отложенных «на потом», то есть на последнюю минуту дел, но подумал, что побывать в Англии и не промочить горло в настоящем пабе – это непростительно! Товарищи не поймут, никто не поймет. А-а, гори все огнем...

– Согласен, – сказал он.

Заведение было скромным, хотя и с некоторой претензией: массивные деревянные столы, рыбацкие сети на стенах и всюду гравюры в рамках: парусники стремительно режут морскую гладь.

В пабе никого не было. Почти. Только лысый бармен за стойкой, листающая журнал мод официантка и уронивший голову на руки пьяница в углу.

Говард свалил поклажу на стул, сел и выдохнул облегченно:

– Два горького!

Официантка с видимой неохотой оторвалась от новинок сезона и принесла высокие оловянные кружки.

Пиво было неплохим, хотя, признаться, Андрей ожидал большего. Того же мнения оказался и американец.

– Не «Будвайзер», – произнес он после изрядного глотка, – но пить можно.

Они лениво перебрасывались словами, сбрасывая с себя усталость тяжелого дня. Когда-то еще доведется посидеть вот так, в благодушном безделье?

Заказали еще по одной. Но этот заказ официантка выполнить не успела, потому что дверь распахнулась, и в помещение ввалилась компания хулиганистого вида подростков.

– Пива! – распорядился парень годом-другим постарше, бывший, очевидно, за главного. Затянутый в черную кожу, перепоясанный массивной хромированной цепью, он тем не менее не выглядел устрашающе. Типичный акселерат-переросток. Корчит из себя крутого, а у самого подбородок в прыщах. Астеник. Хлюпик. Так что бляхи, шипы, заклепки, прочее железо – это все от необходимости: чтобы ветром не унесло.

С шумом и гамом компания разместилась за соседним столом. Прыщавому, задержавшемуся у стойки, места не хватило, что вызвало робкие смешки его приятелей. Один из них стал приподниматься, но Прыщавый шагнул к Андрею и Говарду.

– Позвольте? – с кривой усмешкой спросил он, и, не дожидаясь разрешения, взял стул за спинку и скинул покупки Говарда на пол. Свита одобрительно заржала.

Андрей посмотрел на Говарда. Тот промокнул салфеткой губы, встал и направился к успешному усесться Прыщавому.

– Не позволю, – спокойно сказал американец и выдернул стул из-под тощего зада.

Парень скрылся под столом. Компания зашлась от смеха, но тут же примолкла. Над столешницей появились спутанные волосы, потом искаженное злобой лицо. Дергая щекой, Прыщавый разомкнул цепь. Обернул конец вокруг запястья...

– Говард! – негромко предупредил Андрей.

Американец едва заметно кивнул, продолжая укладывать пакеты на стул. Прыщавый размахнулся, но Говард сделал шаг в сторону, и цепь просвистела мимо, с грохотом врезалась в стол и смела с него кружки с недопитым пивом.

Официантка завизжала. Бармен дернулся к телефону.

Прыщавый снова замахнулся, и попытался ударить похитрее – не сверху вниз, а под углом, увеличивая зону поражения. Говард отскочил, и все же цепь задела его плечо.

– А вот это напрасно, – сказал американец и ударил Прыщавого под ложечку. Парень согнулся и встретился подбородком с коленом американца. Зубы Прыщавого клацнули, глаза закатились, и он рухнул на пол.

Андрей стал подниматься. До того он находился в роли наблюдателя, потому что помощь Баро явно не требовалась. Но сейчас, когда стая ринулась на выручку жожаку...

– Лучше не надо, – посоветовал американец.

Шпана не вняла предупреждению. И это было ошибкой. К старшим стоит прислушаться. У них за плечами опыт, иногда – боевой.

Схватка была короткой. Отхаркивая осколки зубов и утирая сочащуюся из расквашенных носов кровь, хулиганье потянулось на улицу.

– Заберите свое чучело! – Говард пошевелил ногой распростершегося на полу Прыщавого. Опасливо косясь на Андрея и американца, жоака подхватили под руки и выволокли из паба. Штаны у Прыщавого были мокрыми – от пива; кожаные, изнутри они не промокали.

– Профессионально, – сказал Андрей, высоко оценив навыки американца.

– Иппон³! – кратко резюмировал тот. – Взаимно.

Андрей ответил полупоклоном, принятым среди мастеров восточных единоборств.

Еще когда Говард уклонился от удара цепью, он понял, что перед ним человек умелый. Боец. И во время схватки Баро вел себя, исповедуя принцип разумной достаточности: он останавливал, но не калечил, хотя без труда мог переломать нападавшим руки-ноги-ребра. Лишь раз американец провел прием с полной отдачей, но на то имелись веские основания: один из подростков имел неосторожность вытащить нож. Андрей был уверен, что пареньку теперь не миновать больницы и какое-то время придется баюкать руку в гипсе.

Отобранный нож покоился на ладони Говарда, и тот водил подушечкой большого пальца по лезвию.

– Вот и сувенир на память. Бедная старая Англия! Во что ты превратилась? Никакого почтения к гостям. Слушай, у тебя кровь!

Андрей коснулся виска. Смотри-ка, зацепили, а он и не понял кто и когда.

– Заживет.

К ним подошел бармен. По его потной лысине бегали «зайчики» от неоновых ламп. Не было похоже, что он хоть сколько-нибудь переживает по поводу случившегося. Напротив, он лучился довольством, однако все же посчитал нужным сказать: «Надо бы полицию вызвать», – дав понять, что до телефона так и не добрался.

– Полицию?

Говард и Андрей переглянулись. Потом посмотрели по сторонам. Особого ущерба заведению драка не нанесла. Порванная сеть на стене, но в ней и так дыра на дыре. Расколотая цепью столешница. Разбитые стеклянные бокалы и помятые оловянные кружки. Ну, еще граюра слетела со стены, рамка лопнула, стекло пошло трещинами.

– Во сколько вам обойдется учиненный этими хулиганами... – Баро сделал многозначительную паузу, – разгром?

– У меня страховка, – влажные губы бармена сложились в улыбку.

– А все-таки?

Бармен закатил глаза и назвал сумму. На взгляд Андрея – астрономическую. Он хотел возмутиться, но американец жестом остановил его. Вытащил бумажник. Выудил из него кредитную карточку.

– Половину. Но сейчас.

Бармен запричитал, а рука уже тянулась, пальцы уже шевелились. Взяв карточку, он поспешил к компьютеру у кассы, мимоходом потрепав по щеке глотающую слезы официантку. Та разревелась еще пуще.

Проверив платежеспособность клиента, бармен провел необходимую операцию по переводу денег, вернул карточку и предложил, мстительно потирая руки:

– А может, стукнем в участок? Пусть заловят. Давно пора проучить мерзавцев.

– Не стоит, – отмахнулся американец. – И так хорошая наука.

– Тоже верно, – кивнул бармен. – Как насчет пива за счет заведения?

³ Чистая победа (яп.)

Они не стали отказываться, и через минуту получили по полной кружке.

Официантка успела не только прийти в себя, но и подкраситься. Она восхищенно взирала на победителей и, похоже, была не прочь завести знакомство с возможными последствиями. Она усердно крутила бедрами, а когда устанавливала кружки на стол, наклонилась так, что стали видны внушительных размеров прелести, упрятанные под блузкой с низким вырезом.

Баро не проявил к обладательнице роскошного бюста ни малейшего интереса. Андрей тоже остался индифферентен. В данный момент пиво – лучше. Даже если оно уступает «Будвайзеру», а по мнению Андрея и «Балтике №6».

Опустошив кружки, они поднялись. Пресекая возражения, Андрей взял три сумки, Говард – все остальное, и они вышли из паба.

Недавние сумерки сменила подсвеченная рекламными огнями ночь. Накапывал дождь.

– К чему нам это? – искоса взглянув на спутника, сказал Баро. – Полицейские везде одинаковы – что у вас, что у нас, что в Англии. Что? Как? И не превысили ли вы, господа, степень необходимой самообороны? Начнем объясняться – время потеряем. А если журналисты пронохают, такое начнется, хоть святых выноси. Тебе это нужно, Андрей? Мне – нет.

– И мне. Но бармена ты зря ублажил. Можно было и скостить.

– Зачем? Что я, немец какой, чтобы торговаться? Да и деньги небольшие.

«Это для тебя небольшие», – подумал Андрей.

Они вышли на площадь, находившуюся метрах в ста от ворот, ведущих в гавань Плимута. Отсюда было видно, какая там царит суматоха. Мелькали люди, шныряли грузовички с яркими надписями на бортах. До самой последней минуты сюда будут что-то привозить, скидывать на асфальт причала, бережно передавать из рук в руки. По правилам соревнований никто посторонний не должен ступить на борт яхты-участницы до самой Америки, равно как ничто не может быть принято яхтсменом: ни новый парус, ни запасной аккумулятор, даже кусок хлеба, и тот под запретом. А примешь – прощайся с гонкой: выбываешь! Вот и запасаются люди.

– Спасибо, Андрей. Разгружайся. Тут я сам.

Говард переместил пакеты в подмышки, ухватил сумки:

– До встречи!

– Увидимся!

Американец, кособочась, двинулся к гавани. Андрей проводил его взглядом.

* * *

Как ни приглаживай, все равно видно. Андрей достал из походной аптечки бактерицидный пластырь телесного цвета и укрыл под ним ссадину. Подумал без сожаления: «Правильно, что проучили. А то сю-сю-сю, ай-ай-ай, не хорошо делать людям бо-бо. Иногда необходимо! Потому что есть детишки, которые слов не понимают. А еще правильно, что полицейских в известность не поставили. Баро прав, они все одинаковые. И везде. Одинаково въедливые. Даже лучшие из них».

Еще до армии Андрей имел возможность убедиться в этом.

* * *

Лейтенант устало горбился над обшарпанным столом. Посмотрел скучающе:

– Значит, это ты его.

– Я.

– Зря.

– Почему?

Лейтенант откинулся на спинку. Он сделал это слишком резко, стул качнулся, и милиционер приложился затылком к стене.

– Потому что надо знать, кого бить, когда и где.

– Я место не выбирал. Время тоже.

– И как. До крови-то зачем?

– Сам виноват. Я его водкой не поил, на девчонку не затаскивал и юбку ей рвать не помогал.

– Ну, кто виноват, это мы разбираться будем.

– А вы, похоже, уже разобрались.

Лейтенант коснулся рукой затылка и поморщился:

– Значит, ты шел через парк. Услышал крик. Потом увидел, как незнакомый тебе гражданин выясняет отношения с незнакомой тебе девушкой.

– Он пьяный был. Он ее изнасиловать хотел!

– Ну, это еще доказать надо – хотел или она его подзадоривала, а потом раздумала, сопротивляться стала. В общем, как честный человек, ты вмешался, решил успокоить мужчину. Он успокаиваться не захотел, стал нецензурно выражаться и попер буром. Тогда ты к его физиономии и приложился. Но не рассчитал силы, и в результате сломал гражданину челюсть. Правильно излагаю, не путаю?

– Правильно. Так все и было. Да вы у девчонки спросите, она подтвердит.

– Ничего она не подтвердит.

– То есть как?

– Так. Отказалась она заявление писать.

– Почему?

– Ну что ты заладил: как да почему? Опытная, видать, не хочет неприятностей.

– Теперь-то какие неприятности? Все позади.

– Э-э, – протянул лейтенант. – Пацан ты совсем. Все еще впереди! Допросы, суд, не дай бог, экспертизы. Ей такая слава ни к чему. Да и мужчина этот не вечно будет в больнице лежать, выйдет, начнет претензии предъявлять, а не он сам, так дружки его. Те ждать не станут, завтра и заявятся. Короче, заявления нет и не будет. И показаний она не даст. Как сейчас твердит, так и будет твердить: знать ничего не знаю, оставьте меня в покое, иначе я жаловаться буду! Других свидетелей тоже нет, а патруль только к шапочному разбору явился.

– Но ведь это я милицию вызвал! Что же, я сам себе враг, что ли?

– Так получается, – лейтенант снова коснулся затылка и снова поморщился. – Потому что нет у нас ничего и никого, кроме двух фигурантов происшествия, причем у одного травма средней тяжести, жена, дети, положение и незапятнанная репутация, а другой здоров, как бык, цел, невредим и молод. А молодым только дай кулаки почесать.

Андрей восхитился:

– Выходит, я еще и виноват. Ну, извините тогда, что помешал девчонку изнасиловать. Больше не повторится.

– Опять задираешься. Обидно?

– А вы как думаете?

– Думаю, еще и тошно. А теперь давай без гонора и соплей. Прищучить этого мерзавца мы не сможем, это я ответственно заявляю. Что нам по силам, это прочистить ему мозги и припугнуть малость, чтобы он к тебе ненароком не полез. Что касается тебя, то... иди себе с миром. И выпей при случае за Алексея Петровича Божедомова.

– За кого?

– Да за меня.

– Не буду.

– Не потребляешь, что ли?

– Не злоупотребляю.

– Зря. Помогает. Если в меру. Слушай, Горбунов, – лейтенант понизил голос, – Тебе же в армию идти через пару месяцев, так? Вот и наплюй на все. Иди и не оглядывайся.

Андрей направился к двери. Взялся за ручку, взглянул на лейтенанта и сказал:

– Спасибо.

– Пожалуйста. Может, еще и свидимся, хотя мне лично этого не хотелось бы.

– Спасибо, – повторил Андрей и повернул ручку в твердой уверенности, что Божедомову нет нужды беспокоиться: пути их в будущем вряд ли пересекутся.

* * *

Зарекалась ворона дерьмо клевать.

До отхода из Питера оставалась неделя. Андрей дневал и ночевал на яхте, готовя ее к переходу в Плимут. Лишь изредка он выбирался в город, чтобы получить очередную бумажку, без которой в наши времена о беспрепятственном передвижении по морям-океанам не может быть и речи. С той же нерегулярностью он заезжал в магазины, подкупая необходимое для дальнего плавания.

Прежде, перед выходом в море, он бывал неизменно бодр, шутил, суетился. Сейчас все было по-другому. Он был мрачен, говорил мало, отрывисто и обрывал знакомых, заглядывавших на яхту, чтобы высказать ему слова поддержки. В сочувствии он не нуждался. Как-то не до этого, когда ждешь, что вот сейчас, в следующую минуту, за тобой придут. Или через час. Или через день.

– Горбунов? Андрей Георгиевич?

Андрей отложил гаечный ключ, которым подтягивал болты крепления новенького штурвала. Смахнул с лица дождевые капли.

– Можно к вам подняться?

– А вы кто, собственно, такой?

– Моя фамилия Божедомов. Я из милиции.

Трап поскрипывал, когда человек шел по нему. Оказавшись на борту, остановился перед хозяином яхты, прищурился:

– Узнали?

– Не сразу. Вы изменились, Алексей Петрович.

– Так ведь сколько лет прошло. Давно не лейтенант и работаю в другом месте. – Божедомов достал красную книжечку удостоверения, открыл. – Теперь ясно, откуда я?

– Теперь ясно.

На самом деле Андрею ничего не было ясно. Эта-то контора здесь с какого бока?

– Чем обязан? – спросил он.

– Многим.

– А именно?

– Ну, как же, – улыбнулся гость. – Если бы я тогда не вразумил вас, гражданин Горбунов, то неизвестно, чем бы та история закончилась. Знаете ведь, как бывает. Шел человек, споткнулся, упал, угодил в больницу, не попал на экзамен, не получил диплом, не стал доктором наук, не сделал открытие, не прославил себя и Родину. Вот и получается, что если бы некий лейтенант не остерег вас в свое время, то не было бы у вас, гражданин Горбунов, этой яхты и не ждал бы вас впереди атлантический вояж.

Андрей наклонил голову:

– Могло сложиться и по-другому: у меня была бы яхта в два раза больше этой и готовился бы я уже к кругосветке.

– Тоже вариант, – согласился Божедомов. – Но все сложилось, как сложилось. Прошрое, увы, а может, и к счастью, нам не подвластно. В отличие от будущего.

Метрах в двадцати от пирса протарахтел дизелем старый буксир. Поднятая им волна плавно приподняла яхту. Божедомов покачнулся и схватился за релинг⁴.

– Послушайте, Андрей Георгиевич, пригласили бы в каюту, что ли. Чего здесь мокнуть? Да и любопытно, как там у вас все устроено.

⁴ Ограждение из стальных трубок на носу и корме яхт с натянутыми между ними тросами-леерами

– Проходите.

Они спустились под палубу. Божедомов огляделся:

– Тесновато.

В каюте и впрямь было не повернуться: тюки, ящики... Андрей снял с бокового диванчика несколько коробок, положил их на штурманский стол.

– Я о будущем говорил, – напомнил Божедомов, усаживаясь. – А говорил я это к тому, что не очень-то мы о нем заботимся. Иногда сделаем что-нибудь по зову сердца, из потребности души, а потом удивляемся, отчего все наши планы рушатся и вообще все наперекосяк. Согласны?

Андрей не ответил.

– Вижу, что согласны. Да и как не согласиться? Вот пример. Вы, конечно, знаете о недавнем взрыве.

– Каком взрыве? У нас много взрывают.

– Не прикидывайтесь. Я говорю о Кудре.

– Каком Кудре? Что за Кудря?

Божедомов едва заметно повел плечом:

– Значит, такую линию выбираете.

– Не говорите загадками, Алексей Петрович. Кто такой Кудря? И что за взрыв?

– Два дня назад в Комарово взорвали катер известного криминального авторитета Николая Евгеньевича Кудреватых по кличке Кудря.

– Так бы и говорили. Конечно, слышал. По радио. И по телевизору показывали.

– Что можете об этом сказать?

– Ничего не могу.

– Можете, Горбунов. Можете, но не хотите.

– Я вас не понимаю.

– Все понимаете! Потому что имеете к этому взрыву непосредственное отношение.

– Я? Докажите.

– Запросто. Вот маленький штришок: спортсмен, долгие месяцы метавшийся в поисках денег, которые ему нужны для участия в неких престижных и финансово емких соревнованиях, вдруг становится человеком настолько состоятельным, что переводит весьма значительную сумму в Фонд помощи воинам-инвалидам. Подозрительно. Будит воображение. Заставляет задуматься. Как так: был беден и вдруг богат. С какой такой стати? Непорядок.

– Вы за мной следили?

– Что вы, Андрей Георгиевич, мы не испытываем недостатка в источниках информации. А пускать за вами «топтунов» и накладно, и нерационально.

– Ну, допустим, перевел. Что это доказывает?

– Опять вы о доказательствах! Ничего я доказывать не собираюсь. И вообще, я не затем пришел, заметьте, один пришел, без ОМОНа и группы захвата, чтобы убедить вас явиться с повинной. Мне это не нужно.

– А кому-нибудь? Это вообще кому-нибудь нужно?

– В принципе, это нужно закону, но, думаю, в данном случае закон перетопчется. Мне известно, что побудило вас решиться на такой шаг. Вы потеряли друга. Разумеется, я против самосуда. Суд Линча – это, знаете ли, не наш метод. С другой стороны, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Сейчас многие полагают, что без наследия мистера Линча нам не обойтись. Лично я придерживаюсь иной точки зрения, однако игнорировать мнение общественности было бы тактической ошибкой. Поэтому я здесь, хотя взрывом в Комарове и не занимаюсь. Он в ведении других людей, причем, должен заметить, достаточно компетентных. Уверяю вас, не сегодня, так завтра они разберутся что к чему, и тогда вам придется долго и

обстоятельно объясняться с представителями органов правопорядка. Короче, готовьте алиби. Или...

– У меня есть выбор?

– Выбор есть всегда. Помнится, когда-то я дал добрый совет одному романтически настроенному юноше – идти и не оглядываться. Не пожалею совета и сейчас: уходите в море! Чем быстрее вы окажетесь в нейтральных водах, а там и в какой-нибудь западной стране, тем лучше. В этом деле без признательных показаний не обойтись, а без них у следствия не будет достаточных оснований потребовать вашего ареста и экстрадиции. Главное – избежать допроса по «горячим следам». И у вас есть такая возможность.

– Не совсем. Дата отплытия согласована с пограничниками, таможенниками...

– Отправляйтесь немедленно и получите новые бумаги.

– Это не так просто. Вы же знаете нашу бюрократию.

– Заверяю вас, Андрей, что вы будете приятно удивлены готовностью чиновников оказать вам самую оперативную помощь.

– Вы и об этом позаботились. – Андрей пристально посмотрел на собеседника. – Алексей Петрович, зачем вы это делаете?

– Во-первых, из человеколюбия, из гуманистических, так сказать, соображений. Во-вторых, в заботе о будущем. Я же говорил вам, что, в отличие от прошлого, в наших силах задать ему нужный вектор.

– Значит, я вам для чего-то нужен. Когда вернусь, все уже быльем порастет. А если не забудется, можно и не возвращаться. Я и за рубежом пригожусь. Так? Или не так?

Божедомов рассмеялся:

– Эка накрутили! Прямо роман с продолжением. Конфетка в обертке. Эх, Андрей Георгиевич, сами подумайте, какие у вас могут быть передо мной обязательства? Что я от вас могу потребовать? Каких услуг? Я что, заставляю вас расписку писать? Вербую? Да если на то пошло, это вы меня всегда к стенке прижать сможете – за разглашение служебной тайны и содействие в бегстве подозреваемого. Не тем вы голову забиваете! Проблемы надо решать по мере их поступления. Сейчас самое важное для вас – уцелеть. Вот о чем стоит подумать. А впрочем, уговаривать я вас не собираюсь. – Божедомов поднялся: – Да-а, тесновато тут у вас. Почти как в камере. Хотя в камере по любому хуже. Ладно, пошел я. А вы думайте, Горбунов, думайте.

На палубе, у трапа, он протянул руку, и Андрей пожал ее.

– Счастливого плавания.

– Спасибо.

– Да, кстати, хочу вас просветить вот на какой счет. При взрыве погибли несколько человек и среди них одна примечательная личность. Киллер! Причем из лучших. Талант! Его бы умение да в нужное русло... Таких, как он, мы ассенизаторами называем, потому что они своих же отстреливают – втихую, естественно, чтобы все шито-крыто, чтобы передел не начался с разборками. Но это я все так, к слову. Интереснее другое. Кудря-то уцелел. Отбросило его взрывной волной, покалечило, но жить будет.

– Не может быть! – Андрей спохватился, попытался исправить положение: – В газетах писали, что погибли все.

Божедомов взглянул укоризненно:

– Что им было велено, то они и напечатали.

– Всех подмяли, да?

– И телевидение тоже. По-другому не получается, мы пробовали. А вообще, приходится констатировать очевидное: негодяям иногда фантастически везет. Поэтому я от души советую вам поторопиться. Николай Евгеньевич Кудреватых умеет думать, считать и высчитывать. Не хуже оперов из розыска, которые, между нами, представляют для вас, Андрей Георгиевич,

куда меньшую опасность. Они ведь по службе стараются, а у Кудри личный интерес. Так что думайте, как решите, так и будет. До свидания.

Божедомов говорил о свободе выбора, но свободы в принятии решения у Андрея, похоже, не было. Все было решено за него, и ему не оставалось ничего, как подчиниться – обстоятельствам и Божедомову.

Как тот обещал, так и случилось. Там, где раньше Андрей тратил дни и недели, сейчас обошлось часами. Чиновники шуршали и шустрили, как электровеники, и к вечеру все документы были у него на руках.

Родители устроили скандал, но Андрей сказал, что ожидается шторм, и с выходом в море он торопится исключительно из соображений безопасности. Это примирило с неожиданной новостью маму, но не отца, который поглядывал на сына с подозрением, однако от дальнейших вопросов воздержался. Андрей был ему за это благодарен.

На следующий день, около полудня, он запустил мотор и вышел из гавани. Через час «Северная птица» уже скользила под парусами по тихой глади Финского залива.

* * *

Телевизор вновь завершал музыкальной заставкой выпуска новостей, и Андрей, вздрогнув, оторвался от разглядывания своей физиономии. Вернувшись в комнату, он убрал в сумку аптечку, покидал туда же кое-какие вещи, затянул шнуровку. Ну что, присядем перед дорожкой?

По телевизору опять демонстрировали кадры с трупами и гвардейцами, тщетно пытающимися навести порядок в далекой центральноамериканской республике. Потом опять пошел репортаж из Плимута. Андрей выключил телевизор.

Замурлыкал мобильник.

– Андрей? Это Алексей Петрович.

– Я вас узнал.

– Это приятно. Похоже, вы не удивлены. Вот что значит роуминг по всему миру!

– Я вас слушаю.

– Знаете, Андрей Георгиевич, а мне ведь действительно есть, что вам сказать. Так вот, вы поступили правильно, прислушавшись к моему совету. Вами не только гордятся близкие и поклонники парусного спорта, вами интересуются и другие люди.

– Кто?

– Не только мои коллеги. Но обойдемся без конкретики. Разве сказанного – мало?

– Достаточно.

– Тогда еще раз позвольте пожелать, как говорит моряки, семь футов под килем. Надеюсь, скоро увидимся.

– Это зависит не от меня.

– Да, конечно, Атлантика только с борта лайнера всегда хороша. Если вы это имеете в виду. Но вы уж там поосторожнее, не рискуйте понапрасну. Помните, как вы нам дороги. Очень дороги.

Божедомов отключился. Погас сиявший изумрудным светом экранчик телефона. Андрей вернул его к жизни, пробежавшись пальцами по клавишам.

– Мам, это я... Да, завтра. Не волнуйся, все будет хорошо. Дай папу... Пап, привет. Меня кто-нибудь спрашивал?... По телефону? Как представились?... Значит, не очень нужен. Ты имей в виду, что бы ни спрашивали, ты – сторона... Нет, у меня все нормально. Честное слово. Это я на всякий случай. А?... Что?... К черту!

Андрей сунул телефон в карман. Значит, звонили. Не соврал Алексей Петрович, интересуются. А вот кто? Из милиции? Это вряд ли. Божедомов наверняка постарался, чтобы в данном направлении следствие уперлось в стену. Значит, отморозки Кудри. Хотя что у них есть против него? Ничего. Тем более что смерти Кудри желали многие и желали давно. Пока еще

всех прошерстишь. Нет, бандиты тоже – вряд ли. Наверное, это кто-нибудь из старых заказчиков по яхт-клубу, из тех, кто не знает о его участии в гонке. Так что же получается? Лукавит Алексей Петрович! Понимает, что сделать сейчас с господином Горбуновым ничего не может, вот и нагоняет страху. Впрок.

Вывод успокаивал, и все же кожа на лбу собралась в хмурые складки. Под пластырем защищало. Может и шрам остаться. Ну, это не страшно, шрамы для нынешнего мужчины, как серьга в носу у папуаса. Украшение!

Соглашаться с этим утверждением или оспаривать его никто не стал, поскольку рядом с Андреем не было ни одного телепата, способного читать чужие мысли. Вообще никого не было – ни дать, ни взять разминка перед ожидающим Андрея одиночеством.

– Пора! – сказал он, хлопнув себя по коленкам, встал и с тоской посмотрел на кровать, обещающую покой и сладкий сон. Подхватил сумку и шагнул к двери, за которой были коридор, лифт, портье, пустынные ночные улицы Плимута. А дальше – гавань, выстрел стартовой пушки, паруса, ветер, волны.

Чем встретит его океан?

Глава 2

– Что так быстро?

– А что в отеле делать? – русский потянулся, как кот на солнцепеке. – Спасибо, конечно, устроителям, побеспокоились о крыше, но сегодня как-то не до сна. Так чего тянуть кота за хвост?

– Пожалел животное?

– Когда-то я был юным натуралистом. Кормил морских свинок и растил цыплят.

– А потом?

– Свинки умерли, а цыплята выросли, и из них сварили суп.

– Вкусный?

– Съедобный. Правда, потом стошнило. Как твое плечо?

– Терпимо.

– Цепь надо было прихватить. Не только нож.

– И ее на память об Англии?

– О ней, старушке.

– Таких сувениров везде навалом.

– Как и прыщавых олигофренов.

– Это точно. Как голова?

– В порядке, – русский коснулся пластыря на виске. – До свадьбы заживет.

Говард достал из кармана стеганого жилета пачку «Мальборо» и массивную зажигалку с золотой насечкой. Протянул сигареты Горбунову. Тот покачал головой:

– Не балуюсь. А я думал, в Америке теперь никто не курит.

– Здоровый образ жизни. – Говард крутанул колесико, прикурил от высокого пламени. – Диетическая «кола» и три гамбургера. Совсем с ума посходили. А я... Добро пожаловать в страну «Мальборо». – Говард затыкнулся. – У меня все не как у людей.

– Смотри-ка, у меня те же проблемы, – русский махнул рукой и скрылся в каюте «Северной птицы».

Говард посидел, покурил, потом ввернул окурочек в пепельницу, закрепленную у румпеля⁵, и стал протирать фланелевой салфеткой приборную доску.

⁵ Рычаг, предназначенный для поворачивания руля

Разводы высохшей соли исчезали один за другим. Наводя чистоту, Говард вспоминал перипетии недавнего приключения.

Выдергивая стул из-под прыщавого недоноска, он понимал, что за этим последует, и не боялся драки. При всей наглости, эти сосунки никудышные бойцы. Но их было много, они были в стае, так что пришлось бы посуетиться.

Признаться, он не ожидал, что Горбунов вмешается. Этот парень, с которым они оказались соседями по пирсу, с самого начала произвел на него приятное впечатление. Но одно дело – помочь отрегулировать авторулевой⁶, и совсем другое – стать напарником в бою. И пусть не бой это был – с такими-то ублюдками! – поступок русского следовало оценить по достоинству. Тем более что Горбунов ничуть не похож на русских мафиози из глянцевого голливудских боевиков. Не играет мускулами, не сверкает глазами из-под бровей. Чуть выпирающие славянские скулы, светлые волосы... Лишь одна отличительная черта – изуродованное левое ухо. А вообще таких парней девяносто на сотню. Но сколько на сотню тех, кто встанет против нахлеставшихся пива, а может, обкурившихся травой подростков? Правда, похоже, русский ничем особенно не рисковал – его ёко-гэри⁷ был не очень ловок, но все же хорош. И тем не менее...

Протерев приборы, Говард смахнул испарину с пластиковой обшивки кокпита⁸, облокотился о румпель и, запрокинув голову, подставил лицо каплям дождя.

Тучи сбились над гаванью в стаю косматых зверей, готовых ринуться вниз и жрать, давить все и всех, не страшась пропороть брюхо о мачты сотен прижавшихся друг к другу яхт. Спасибо прожекторам: стегая светом по заросшим шерстью бокам, они заставляли хищников держаться на расстоянии.

Говард нырнул в каюту. Здесь было тепло и не прибрано. Лампа дневного света выставляла напоказ завал из пакетов, коробок, банок. Говард вздохнул, опустил на корточки и приступил к сортировке.

Руки справлялись сами: продукты – сюда; краску – туда; сигареты, батареи, болты, гайки... Он думал о Горбунове и стычке в пивной. О Нельсоне Хьюэлле и дотошных английских полицейских. Он думал о матери и, конечно, о Кристи.

* * *

Его решение участвовать в трансатлантической гонке яхтсменов-одиночек стало для матери очередным потрясением. А она еще не оправилась от предыдущих.

Благополучие сына рушилось у нее на глазах, и она не могла предотвратить катастрофу. Именно как бедствие, сродни стихийному, воспринимала она перемену, происшедшую с ним два года назад.

– Это чьи-то происки!

– Если и происки, то мои собственные, – отвечал он.

Это была правда. Никто не понуждал его оставить работу в банке. Напротив, его уговаривали остаться, предлагая и новую должность – более высокую, и новый оклад – весомей прежнего. Начальство всячески выказывало ему свое расположение и в конце концов уверилось в том, что тут не все чисто. Этот Баро что-то скрывает! Хочет уйти «в никуда», отдохнуть, пожить в свое удовольствие? Нет, их не проведешь. Наверняка нашел другое место или задумал открыть собственное дело. А что? С его способностями финансиста, аналитическим умом, с такой невестой, наконец, ему вполне по силам замахнуться на что-нибудь эдакое. Уж не собрался ли он увести с собой часть клиентов?

Между тем Говард прилежно заливал бензином разгоравшееся пламя. Он отказался уплатить очередной взнос и автоматически выбыл из элитарного клуба «Эльдорадо», членства

⁶ Устройство, удерживающее яхту на курсе без участия человека

⁷ Удар ногой (яп.)

⁸ Углубление в палубе для рулевого и команды

в котором напрасно добивались многие его знакомые. Разумеется, дело было не в сумме годовой выплаты, и тем нелепее казалось окружающим его поведение.

– Зачем? Ты можешь сказать – зачем? – добивалась мать.

Бедная мама! Он привычно оставлял ее в неведении – не из сердечной скупости, а потому лишь, что объяснить ей причины своего поступка все равно бы не удалось. Ведь тогда он должен будет рассказать ей о Кристине... К тому же, человек в состоянии понять лишь то, что способен услышать. А она не хочет слышать, наверное, она уже давно не в состоянии услышать!

Всю жизнь мать руководствовалась лишь долгом перед родителями, семьей, мужем, детьми, отгородившись от всего прочего непроницаемой стеной. Чужая боль, чужие беды ее не трогали и не волновали. Все, чем она дарила окружающих, не входивших в узкий круг ее друзей и близких, это вежливое внимание и ни к чему не обязывающее сочувствие.

– Проклятый Чикаго! Город сводит людей с ума. Тебе не надо было уезжать из Вермонта!

Ну как, не обидев, рассказать ей, что в школьные годы он грезил лишь об одном: как бы вырваться из этого захолустья! В их большом скучном доме царил раз и навсегда заведенный распорядок, который Говарду и Кристи не позволялось нарушать даже в малом. Отец не терпел своеволия, и если на Кристи руку не поднимал, ограничиваясь невыносимо длинными нравоучительными беседами, то из сына выбивал его ремнем. «Ты будешь ходить в воскресную школу! Будешь! Будешь! – приговаривал он в такт ударам. – Ты будешь следовать слову Божию! Будешь! Будешь!» Говард стискивал зубы, чтобы не заплакать, и все-таки плакал от боли и беспомощности. А в воскресенье – в черном сюртучке и начищенных ботинках – шел в церковь, пел в хоре и слушал бесконечные проповеди, ерзая по жесткой скамье исполованной задницей. На него, такого прилежного, чистенького, указывали восхищенные мамыши, вразумляя своих шалопаев. Как же Говард боялся этих похвал, как заливался краской от презрительных взглядов хулиганистых мальчишек, которым его ставили в пример и свободе которых он мучительно завидовал.

Кристина сбежала из дома, в оставленной записке высказав все, что думает об отце и матери. С тех пор имя сестры Говарда в семье Баро не произносилось. Будто ее и не было.

Говард был уверен, что родители не играют в беспамятство. Истовые пуритане, они действительно не вспоминают о предавшей их дочери. А вот он часто вспоминал сестру. А их разговор вечером, накануне ее исчезновения, он помнил дословно.

– Ты спишь, Говард?

Он вздрогнул, потому что не слышал, как открылась дверь.

– Нет.

– Мне надо тебе кое-что сказать. Только не зажигай свет.

Сестра скользнула в комнату и присела на край его кровати.

– Слушай, Говард. Завтра меня здесь не будет.

– Ты уезжаешь? Куда? Зачем?

– Молчи и слушай. Я больше не могу. И я больше не хочу! Не хочу терпеть, ждать, надеяться неизвестно на что. Я не хочу быть такими, как мать и отец. Мне душно с ними, понимаешь? Мне душно в этом доме, в этом городе! Я знаю, они не будут искать меня. Они меня забудут. Но я хочу, чтобы ты помнил меня. Ты!

– Кристи...

– Помнишь, как мы ходили на речку? Ты измазался в тине, ободрал колени о камни, и отец тебя выпорол. Ведь это я подбила тебя устроить маленький пикничок, а ты не выдал меня, ты даже не сказал, что мы были вдвоем. А я... Я не вступилась за тебя. Я стояла за дверью, слушала, как ругается отец, как поддакивает мать, и не могла войти в комнату. Меня будто связали и кляп забили в рот. Я проклинала себя, но ничего не могла с собой поделать. Мне было страшно! Но по-настоящему страшно мне стало потом, когда я поняла, что еще совсем-

совсем немножко, и я сломаюсь. Еще чуть-чуть, и я стану такими же, как они. Холодной! Равнодушной!

– Ты не такая.

– Пока не такая. Но мне не избежать этого, если я останусь здесь. Люди ко всему привыкают, когда их лишают выбора, а привыкнув, смирившись, начинают уверять себя, что по-другому и быть не могло, что именно эта жизнь, их жизнь – единственно правильная. Мне не нужна такая судьба. Поэтому я уезжаю.

– Снежинка!

– Мне нравится это прозвище, спасибо тебе за него. Но все решено. Я еду в Чикаго. В большой город. А ты останешься. Один. Без меня. Так что держись, Говард! Не сдавайся. Конечно, уступить легче, но ты терпи. Ты сильный, ты сможешь. И помни, что у тебя есть сестра, которая очень любит своего брата. Слабая сестра, напуганная, но ведь это ничего, верно? Ты меня тоже любишь, а значит – простишь. За все. Я ведь не буду писать. Тебе все равно не позволят получать от меня письма. Поэтому ты не будешь знать, где я и что со мной. Но ты будешь помнить меня, правда?

Говард заплакал.

– Ты плачешь? Не надо! Ну, пожалуйста, не надо. А то я тоже заплачу. А я должна быть сильной, теперь я должна быть сильной.

Сестра стала гладить его по голове, и когда он перестал всхлипывать, сказала:

– Прощай, Говард.

Дверь закрылась беззвучно. Говард остался один.

* * *

Кристина оказалась права. Родители даже не пытались ее найти. Знакомые, интересовавшиеся, куда и надолго ли уехала Кристина, слышали в ответ, что дочь их совершеннолетняя и вольна сама собой распоряжается. Предваряла ответ долгая пауза, какая бывает, когда люди не могут сразу сообразить, о чем или о ком их спрашивают. Нежелание говорить о дочери было настолько очевидным, что напрочь отбивало охоту у собеседника упорствовать в своем любопытстве.

Что касается Говарда, то жизнь его изменилась к худшему. Казалось бы, родители должны были сделать выводы из случившегося, и они их сделали, но совсем не те, которые можно было ожидать. За ним была установлена форменная слежка. После ужина отец устраивал ему допросы: «Куда ходил? С кем говорил? О чем говорили?» – и читал нотации: больше туда не ходи, с этим не общайся, об этом не рассуждай. Была бы такая возможность, отец с радостью залез бы к нему в голову, чтобы выяснить, сколько мусора в ней хранится, а потом запустил бы туда мать с пылесосом.

Говард не перечил, но когда в очередной раз дело дошло до ремня, так взглянул – словно ожег, что отец растерянно опустил руку, чтобы больше уже никогда не поднять ее на сына.

Родители старели. Мать стала носить свитера с высоким воротом, чтобы скрыть дряблую шею. Лицо отца сморщилось печеным каштаном, сердце его все чаще сбоило, так что приходилось ставить капельницу. Врачи советовали больше времени отводить отдыху и меньше – работе. Это они говорили отцу, а в разговоре матерью были более откровенны: «Миссис Баро, любой стресс может свести вашего мужа в могилу».

Прежде Говард ждал, считал дни и годы, когда сможет уйти. Теперь он не мог уйти...

Послушно наклонив голову, Говард выслушал родительское напутствие и отправился поступать в тот же университет, который в свое время окончил отец. И поступил. И стал одним из лучших студентов, чтобы, получив диплом, вернуться домой и продолжить семейный бизнес.

Отец умер утром теплого осеннего дня. Во время похорон Говард оглядывался, ожидая увидеть Снежинку. Этого не могло быть: он не знал, где живет Кристина, и потому не смог сообщить ей о смерти отца, и все-таки оглядывался...

Через два дня огласили завещание, в котором мистер Баро ни словом не упомянул о дочери, все свое состояние оставив сыну. Наутро Говард объявил матери, что продает дело, вырученные деньги помещает в банк на ее имя. Процент от вклада ей будет более чем достаточно для обеспеченной жизни, она может ни в чем себя не ограничивать. Мать пыталась протестовать, но Говард остался тверд и ничего объяснять не стал. Бесполезно! Его не услышат...

Вернувшись в университет, он еще несколько месяцев ходил на лекции, сдавал экзамены, а потом записался добровольцем в армию. Это было его второе самостоятельное решение. Самому вершить свою судьбу, пусть с ошибками и безумствами, поминутно оступаясь, но самому! Какое удовольствие с этим сравнится?

Мать рыдала и заламывала руки, снова требовала объяснений и снова их не получала. Успокоилась она лишь тогда, когда по истечению трехлетнего контракта сын взялся за ум, завершил образование и получил место в солидном чикагском банке.

За несколько лет Говард получил все, чего только может желать прогрессивно мыслящий американец. Он вкалывал, но не угодничал, зарабатывал банку деньги, но не топтал конкурентов, и поразительно быстро поднимался по лестнице успеха. Впереди его ждало безоблачное будущее: собственный дом – куда больше нынешнего; два автомобиля – лимузин и что попроще; совещания под его председательством; костюмы от «Бриони» и туфли «Ллойд»; официальные рауты с обязательным набором из магнатов, политиков и кинозвезд; жена... Потому что у добропорядочного гражданина должна быть жена. И дети. Потому что дети тоже должны быть, и не меньше трех. Но, Господи, как скучно, как тошно, когда даже количество детей определяют традиция, статистика и демографическая ситуация.

– Мэри, ты со мной согласна?

– Нет.

Говард вдруг испугался, что его не поймут, и не сказал больше ни слова. Может, что-то еще изменится. Не исключено, в конце концов у него выработается иммунитет...

И все-таки наступил день, когда он ушел, бросив все, догадываясь и все же не веря, что бросят и его.

Он ушел, потому что не мог не уйти.

Как это сделала его сестра Кристина, его Снежинка.

Только она ушла дважды: сначала – из родительского дома, потом – из жизни.

* * *

Говард убрал в шкаф с продуктами коробку шоколадок «Кэббери» и стал прикидывать, куда засунуть двухкилограммовую упаковку жареного арахиса. В этот момент тяжелого раздумья по палубе кто-то протопал. Вот и повод, чтобы прерваться. Говард бросил упаковку с арахисом на прежнее место – на пол, и стал выбираться из каюты. Неловко повернувшись, он задел плечом за переборку, и тело пронзила острая боль: удар цепью, что бы он ни говорил Горбунову, не прошел бесследно.

На пирсе несколько человек жестикулировали и говорили взволнованно и громко, но все же недостаточно громко, чтобы Говард мог уяснить, о чем идет речь.

Он перешагнул через релинг. Места в гавани было в обрез, марина⁹ тоже была забита, и яхты стояли борт о борт. Поэтому, прежде чем попасть на берег, Говард вынужденно побывал на «немце» и двух «англичанах».

Оказавшись на причале, он приблизился к группе людей, продолжавших размахивать руками и что-то горячо обсуждать.

⁹ Специальная стоянка, предназначенная для прогулочных судов

Грузный норвежец, чья яхта стояла рядом со «Снежинкой» и чьи шаги, судя по всему, слышал Говард, компенсируя причиненное беспокойство, просветил американца:

– Какие-то подонки пытались подложить взрывчатку в поплавок «Мелинды».

Суперсовременный бело-оранжевый тримаран¹⁰, носящий это имя, считался безусловным фаворитом гонки. Обещания его капитана Рольфа Дженкинса победить с рекордным временем были не беспочвенными: его яхта представляла собой сплав новейшей инженерной мысли, передовой технологии и неограниченной финансовой поддержки. «Мелинда» была настоящим гоночным аппаратом, рассчитанным на достижение максимальных скоростей.

Конкуренцию английскому тримарану могли составить разве что «Дух земли» и «Зеленый пояс», ведомые французами Нуартье и Сола. Эти только что сошедшие со стапелей Гавра катамараны¹¹ отличались прекрасными ходовыми качествами в слабые ветра. Проигрывая «Мелинде» в площади парусности, они имели шансы на победу лишь в том случае, если не сбудутся предсказания синоптиков. Те утверждали: ближайшую неделю над Атлантикой будут властвовать непривычные для северных широт сильные восточные ветры. А свежий попутный ветер катамаранам ни к чему, это для тримарана милое дело. И все же французы бодрились, а некоторые их высказывания в адрес Дженкинса и его яхты были настолько вызывающими, что походили на оскорбления.

Капитан «Мелинды» игнорировал нападки и воздерживался от комментариев, чем разительно отличался от английской публики, разгоряченной газетами и телевидениями. Ведь на карту поставлен престиж страны!

Все ждали рекорда, молились о рекорде, именно на это делались ставки у взмысленных букмекеров. Находились, конечно, рискованные игроки, которые ставили на то, что «Мелинда» сойдет с дистанции, и борьба за лидерство развернется между двумя близнецами-катамаранами, но говорить об этом вслух никто не отваживался. Какой же ты британец, если ставишь на французов?

В общем, как ни посмотри, без «Мелинды» гонка теряла львиную долю своей привлекательности пусть не для поклонников парусного спорта, но уж точно для поклонников азартных игр.

– Кто такие? – спросил Говард. – Экстремисты?

– Пока ничего не известно, – норвежец пожал широченными плечами. – Их сейчас допрашивают.

К ним подскочил итальянец со столь подвижным лицом, что тонкие усики под хрящеватым носом, казалось, отплясывали джигу. Заговорил быстро и возбужденно:

– Да какие они экстремисты! Один в истерике бьется, другой нюни распустил, домой просится. А ведь у них не только взрывчатка, у них у каждого по револьверу было! Могли бы посolidнее держаться. Хотя сейчас раздобыть «пушку» легче легкого. И стоит недорого, рынок-то переполнен. Сэкономил на школьных завтраках, купил и стреляй – хочешь, по голубям, а хочешь, по людям.

– Да, оружия все больше, – произнес кто-то за их спинами, – и оно все доступнее.

Говард обернулся на голос. Это был Горбунов.

– У вас в России та же картина, Андрей?

– Копия.

– А у нас есть города, ну, не города – городки на Юге с тысячью-другой населения, там отсутствие оружия у граждан считается правонарушением. А сколько среди этих законопослушных граждан скрытых психов, готовых палить по малейшему подозрению, кто выяснял?

– Психов везде хватает, – подытожил норвежец.

¹⁰ Судно, состоящее из центрального корпуса и поплавков-аутригеров по бокам

¹¹ Судно из двух параллельных корпусов, соединенных балками

Русский покачал головой:

– Ладно бы психи. Негодяев много. Вменяемых. Они страшнее.

– Русская мафия покруче сицилийской будет, – подергав усиками, с нотками потаенной обиды заметил итальянец.

– Бандиты везде одинаковые, – отрезал Говард.

Итальянец удовлетворенно дернул усиками: равным быть лучше, чем вторым.

– С другой стороны, что такое оружие? – глубокомысленно проговорил норвежец. – Тот же револьвер? Мертвый кусок металла. Пока из него не выстрелили.

– Лучше вообще не стрелять! – запальчиво воскликнул итальянец.

– Иногда можно и выстрелить, – не согласился Горбунов. – И убить можно. Даже нужно. Только надо быть уверенным, что тот, в кого стреляешь, иного не заслуживает.

– Вы, русские, всегда были агрессорами. Ваш Сталин...

Говард не стал ждать конца филиппики – вмешался:

– А как насчет вашего Муссолини?

Итальянец обиженно фыркнул и удалился с гордо поднятой головой.

– Зря ты так, – сказал Горбунов. – У него как яхта называется? «Дуче». Ты ему в самое больное место угодил.

– Политика, – неодобрительно произнес норвежец. – Грязное ремесло. Разводит людей по углам.

Оглашая окрестности воем сирены, по эспланаде промчалась полицейская машина.

– Хорошо, что никто не пострадал, – скандинав извлек из кармана короткую изогнутую трубку. – А то была бы Робертсу компания.

Дину Робертсу, улыбчивому великану с катамарана «Три звезды», сейчас точно было не до веселья. Какой-то мерзавец пытался подложить в подмачтовую балку его яхты канистру с кислотой, а когда Дин в буквальном смысле схватил его за руку, тот плеснул кислотой яхтсмену в лицо, и в поднявшейся суете благополучно скрылся.

Робертса отвезли в больницу. Врачи обещали спасти глаза, но об участии в гонке Дин отныне мог только мечтать. Преступник, таким образом, добился своего, выведя из строя если не катамаран, так рулевого.

Ходили упорные слухи, что Робертса шантажировали дельцы от подпольного тотализатора. Дин якобы отказался участвовать в их грязных играх, вот его и хотели наказать – и наказали-таки, преподав наглядный урок другим упрямам. Как бы то ни было, в официальную версию про маньяка-одиночку никто из яхтсменов не поверил.

Через неделю была предотвращена еще одна диверсия. Причем не было сомнений, что вновь дал о себе знать ускользнувший из рук Робертса «маньяк». Потому что в деле опять фигурировала канистра с кислотой! Но на этот раз не только она...

Вообще было очевидно, что преступник отлично знаком с романами почитаемого всеми моряками Сэма Льюеллина, поскольку действовал он в точности, как описано в детективах английского писателя.

Кислота из открытой канистры при качке должна была выплеснуться и разьесть синтетику сотовой конструкции опорной балки, что неминуемо привело бы к катастрофе. Это у Робертса. А на почтенного возраста одноклассника¹² голландца Петера Ван Воода – часть обшивки корпуса. А еще преступник заменил титановые болты крепления руля на алюминиевые. Через пару дней после выхода в море болты переломились бы, и яхта Ван Воода лишилась бы управления.

¹² Яхта водоизмещением в одну тонну, соответственно есть четвертьтонники и полутонники

По счастью, Петер присутствовал при спуске судна на воду. До того однтонник двое суток простоял в эллинге¹³, где его корпус покрыли ядосодержащей краской, препятствующей обрастанию днища водорослями. Когда яхта, установленная на салазки, была уже готова пока- титься по рельсам к мутной глади бухты, Ван Воод заметил, что головки болтов крепления руля не четырехгранные, как было, а шестигранные. Так все и открылось. Потом была обна- ружена и канистра.

Что удалось преступнику, так это вывести обычно сдержанного голландца из себя. Ван Воод ругался как старый боцман, требуя от устроителей гонки извинений за неумение организовать охрану арендованных ими помещений, а также официального разбирательства. Конечно, извинения последовали, а полицейские рьяно взялись за поиски злоумышленника, однако какими-либо успехами пока похвастаться не могли.

Если после трагедии с Робертсом участники гонки находились в замешательстве, больше похожем на шок, то после происшествия с Ван Воодом многих охватила паника, без устали подогреваемая прессой. Сохраняли присутствие духа лишь те яхтсмены, чьи не претендующие на призовые места суденышки были преступникам явно неинтересны.

На причалах перед гранд-яхтами появилась охрана. На борт перестали пускать не только любопытствующих, что практиковалось ранее, но и журналистов. Те в отместку мило развлека- лись, предсказывая скорые несчастья то одному паруснику, то другому: дескать, вполне воз- можно, что где-то что-то лежит и, дай срок, рванет, полыхнет, протечет, расплавит...

Случится ли что-нибудь в этом роде на пути к Америке, а если случится, то с кем именно, не ведал никто, так что подобные пророчества разумнее было бы пропускать мимо ушей. Однако спортсмены народ суеверный, и потому их взаимоотношения с представителями средств массовой информации и прежде не безоблачные, вконец ухудшились. Это подвигло последних на недостойные выходки, вроде обвинений в трусости, нежелании смотреть правде в глаза, а то и просто дешевые подначки.

Будь на то их воля, яхтсмены вообще послали бы пишущую и снимающую братию куда подальше. Сглазят еще! Увы, обязательства перед рекламодателями принуждали гонщиков к беседам с журналистами и все, что они могли, это держаться с холодком и подпускать ответные шпильки зарвавшимся «сухопутным крысам».

– Ну, грызуны, накликали беду! – зло проговорил Говард.

– Не зря, значит, охрану выставили, – заметил скандинав, в чашечке трубки которого наконец-то появился малиновый огонек.

– Не зря, – кивнул Горбунов. – Интересно, для кого они старались, взрывники эти? Не верится, что сами по себе были.

– Об этом мы узнаем в море. – Говард тоже полез за сигаретами. – Не завтра, так после- завтра. В полиции с ними миндальничать не станут. Выпотрошат до доньшка.

Норвежец пыхнул едким дымом крепчайшего «морского» табака:

– Пора, пожалуй. Пойду. До завтра!

– До сегодня, – поправил его русский.

Говард огляделся. На пирсе остались он и Андрей. Как ни были взбудоражены спортс- мены попыткой взрыва тримарана, а предстартовые заботы звали их на свои суда.

– Наверное, все же надо было сообщить в полицию об этой шантрапе из паба, – неуве- ренно проговорил Говард.

– Думаешь, они причастны к тому, что произошло на «Мелинде»? – нахмурился Горбу- нов.

¹³ Место на берегу для ремонта и укрытия яхт или катеров

– Нет, конечно. Но после подобных историй особенно хочется порядка. Из таких оболтусов сплошь и рядом вырастают самые настоящие громилы, для которых что яхту взорвать, что человека убить – все едино.

– Не скажи. Кто из нас не хулиганил в детстве? Ничего, пообтесала жизнь.

– Я был пай-мальчиком, – признался Говард.

– Да? Никогда бы не подумал. А я был настоящий сорви-голова. Ох, и доставалось же мне и от отца, и от соседей! А сейчас сделай замечание какому-нибудь разгильдяю, тебя же потом с грязью смешают. О подзатыльник и не говорю, и вовсе дело подсудное.

Говард затянулся сигаретой:

– Думаю, по сравнению с нынешними подростками, ты был милым шалуном.

– Что ж, давай заявим. Бармен подтвердит и официантка, что не мы начали.

Говард поискал глазами урну, не нашел и зло швырнул окурок под ноги. Ему не понравилось, что русский взваливает бремя ответственности за принятие решения на его плечи. Говард предпочел бы обратное.

– С другой стороны, – сказал он резко, – даже если ты чист, как стекло, с полицией лучше не связываться. Особенно перед гонкой.

Горбунов ответил пристальным взглядом:

– Тогда молчим.

Вопросительный знак в конце предложения отсутствовал, и Говард понял: русский просто хотел определенности, интересуясь его мнением, но имея и собственное. Вероятно, ему уже приходилось сталкиваться с копами и приятных воспоминаний эти контакты после себя не оставили.

Говард улыбнулся:

– В Штатах приглашаю на ужин. С пивом!

– Принимается. Можно с десертом из рукопашной.

– Это у нас запросто.

– Так уж и запросто?

– Само не выйдет, так организуем. Ну что, до встречи?

– На том берегу!

Впереди у них было больше трех тысяч морских миль, штормы и штили, а они договаривались о дружеской пирушке, точно выходили в море погоняться на швертботах ¹⁴.

Перед тем, как вновь спуститься в каюту, Говард снова посмотрел на небо. Грязное, мокрое. Господи, как же неуютно тебе там, наверху!

Говард подумал о Кристине. «И тем, кто рядом с тобой», – добавил он.

Глава 3

Утро выдалось ненастным. Шквалы с дождем морщили серую гладь залива, обещая разогнать вскоре приличную волну. Андрей сидел в кокпите и наблюдал, как маневрируют изготовившиеся к гонке суда.

Ровно в 10.00 с мачты королевской яхты упал сигнальный флаг, громыхнула холостым зарядом старинная пушка, и первые соревнующиеся пересекли стартовый створ.

«Северная птица» была отнесена к четвертой группе, в которую организаторы собрали яхты наименьших размеров. Им предстояло ждать еще шесть часов.

Мера эта была вынужденной. В 1960 году, когда состоялась первая трансатлантическая регата яхтсменов-одиночек, старт давался для всех судов одновременно. Потому что их было пять. Четыре года спустя число участников выросло втрое. Еще через четыре года их было уже

¹⁴ Яхта с выдвигной доской-швертом, опускаемым в воду из корпуса судна

тридцать шесть. Раз от раза желающих бросить вызов стихии, собственным силам и друг другу становилось все больше, пока не перевалило за сотню. Во избежание неразберихи и столкновений, чреватых взаимными обвинениями в нарушении правил и официальными протестами, устроители состязаний разделили суда на группы исходя из их водоизмещения и площади парусности. Яхты наибольших размеров, стартующие первыми, сразу уходили в отрыв, освобождая акваторию своим менее габаритным сестричкам, скорость которых, в точном соответствии с законами гидродинамики, была на порядок ниже.

Андрей следил за тем, как гигантские яхты проходят мимо белоснежного судна несколько старомодных очертаний. Он поднес к глазам бинокль, но и цейссовская оптика не позволила ему рассмотреть в толпе на мостике невысокую пожилую женщину. Однако Андрей знал, что она там. Не было ни одной газеты, которая бы не отметила сей факт. Королева Елизавета II почтила своим августейшим присутствием начало трансатлантического марафона. А вот премьер-министра он разглядел: тот держался за поручень, наблюдая за проплывавшими мимо яхтами, изредка, почтительно наклоняя голову, он говорил что-то принцессе Анне, главе Королевского яхт-клуба Великобритании.

Андрей опустил бинокль. Поговаривали, что в Америке победителя будет встречать сам президент. Невзирая на то, что нынешний глава Белого дома был выходцем из сухопутного штата, к парусному спорту он относился с подчеркнутым почтением. Вероятно, беря пример с любимого американцами и поныне Джона Кеннеди.

«Мелинда» пропустила вперед катамараны Нуартье и Сола. Но это до поры. Дайте ей оказаться на просторах Атлантики, тогда она покажет, на что способна!

Андрей не завидовал Дженкинсу, стоящему у штурвала роскошного тримарана. Пусть его «Птичка» сделана из презираемого современными конструкторами шпона и оклеена стеклотканью. Пусть большинство парусов у нее из старомодного дакрона¹⁵. Зато он, Андрей Горбунов, здесь хозяин. А Рольф Дженкинс – прекрасный и весьма состоятельный спортсмен – лишь кучер чужого экипажа, так как на сегодняшний день мало быть хорошо обеспеченным в материальном отношении человеком, чтобы не только принять участие в соревновании, но и претендовать на победу. Без спонсорской поддержки тут не обойтись.

Парусный спорт – дорогое удовольствие. А в случае, когда речь идет о гонках на сверхдальние расстояния, вроде трансатлантических или кругосветных, удовольствие это становится умопомрачительно дорогим. Современная крейсерская¹⁶ яхта, или в просторечии – крейсер, подобная «Мелинде», «Духу земли» или «Громовержцу» бельгийца Де Корти, стоит больше миллиона фунтов. А с оснасткой, электронным оборудованием – все два, а то и три. И тем не менее многие фирмы не находят эти суммы чрезмерными, вкладывая деньги в разработку и постройку спортивных парусных судов, субсидируют их участие в состязаниях. И все это в заботе о престиже, мечтая, чтобы яхта с их символикой на бортах, палубе, надстройках и парусах была первой на финише. Прекрасная реклама! Отличная иллюстрация собственного могущества! Так что какую бы славу ни стяжал Дженкинс, подлинным победителем гонки будет Ассоциация товаропроизводителей Уэльса, сделавшая его выигрыш возможным.

Настоящий спортивный дух, которым в свое время были движимы Фрэнсис Чичестер, Блонди Хазлер, Дэвид Льюис, Вэл Хауэлз и Жан Лакомб, участники первой трансатлантической гонки, сохранился лишь в четвертом и, отчасти, третьем дивизионах. Да, здесь тоже принимали помощь от спонсоров. Но не служили им! Здесь не ставилась цель установить рекорд по времени прохождению трассы – от английского Плимута до американского Ньюпорта. Это было в принципе неосуществимо. В то же время по-спортивному зло бороться за лидерство в группе намерен был едва ли не каждый. Такие, как Андрей, составляли не просто меньшин-

¹⁵ Ткань из полиэфинового волокна

¹⁶ Яхта, предназначенная для дальних плаваний в любых широтах и при любом волнении

ство, они были исключением. Им достаточно было победить себя, доказать, опять-таки себе, что им по силам пересечь Атлантику под парусом. Все остальное было за скобками.

«В конце концов, – подумал Андрей. – Самые важные победы, как говорил Жорж Сименон, это те, которые мы одерживаем в поединке с собой».

Просто сидеть и смотреть, как становятся все меньше и меньше паруса яхт первой группы, было неважно. Андрей взял суконную рукавицу, зачерпнул полировочного порошка и стал драить ручную лебедку, так называемую «мельницу». Остальные были из нержавеющей стали, легче, прочнее и совершеннее, но эту – из бронзы – ему подарил Сашка!

Во рту появился привкус никотина, казалось, давно и прочно забытый.

* * *

Внизу змеилась дорога. Она едва угадывалась в темноте, но Андрей знал, что она мокрая, грязная, изрытая воронками. За три дня он изучил ее до последней трещины в неровном асфальте, до последней рытвины на разбитой траками обочине.

Завтра их должны были сменить. «Их» – это весь взвод, которому осточертела и эта война, которая не считалась войной, которую подло и юридически безупречно называли конфликтом, и этот редкий, тяжелый снег, и эти горы. Все надоело! До смерти! Хорошо хоть, боевики в эти места не суются.

– Курить будешь?

Сашка обернулся.

– Что?

– Курить, говорю, будешь?

Сашка присел на корточки, привалился к стенке окопа.

– Давай.

Андрей протянул пачку «Примы». Сашка вытянул сигарету дрожащими пальцами с обломанными ногтями.

– Замерз?

– Устал чего-то. – Сашка размял сигарету. – Дай огня.

Андрей зажег спичку, пряча огонь в сложенных ковшиком ладонях.

– Слышь, Сань, я тебя давно спросить хотел. Ты чего институт бросил?

– Так получилось.

– Ну и дурак! Хоть и земляк. Теперь крутись в мясорубке, пока фарш не сделают.

– Не каркай.

– Да я в шутку. Это не считается

Его познабливало. А вокруг никого и ничего. Мрак. Как на обратной стороне Луны. Только дорога где-то внизу, как знак земной цивилизации. Никудышной, надо сказать, цивилизации. Ну, если в мире стреляют, убивают, сходят с ума и во имя этого безумия убивают снова...

Андрей в две затяжки добил сигарету и щелчком запулил окурочок в воздух. Тот взмыл по дуге, потом покатился вниз по склону. Красный огонек был отчетливо виден в темноте.

Как же быстро тут, в Чечне, падает на землю ночь. В Питере совсем не так, даже зимой. Там фонари на улицах, фары машин, свет в окнах отпугивают ее. Даже в Крыму тьма не так тороплива. А здесь ночь приходит быстро. Так же быстро, как смерть.

Минуту спустя окоп накрыло миной. Кто стрелял – понятно. Как засекли – можно понять. Почему мина была единственной – оставалось догадываться. А еще клясть невероятную для миномета точность.

Взвод, расслабившийся в этом прежде мирном и тихом местечке, огрызнулся короткими очередями. Стреляли – словно оправдывались.

Утром прочесали местность. Но чечи, будто призраки, растворились в ночи. Даже места, где стоял миномет, и то не обнаружили.

Ни Андрея, ни Сашки к этому времени на позиции уже не было. С рассветом их вывезли на бэтээре с автоматчиками на броне.

– Это же надо, – крутили головами бойцы. – С одной блямбы! Не повезло.

Нет, им повезло. Их матерей не вызывали в военкоматы, с ними не говорили сочувственно и веско, им не вручали скупых на слова извещений, наконец, они не получали страшный груз – тела сыновей в цинковых ящиках.

Андрей отделался легкой контузией и оторванной мочкой уха. Сашка получил осколок в спину, который в два счета удалил посеревший от недосыпания и опухший от спирта врач. Потом были два месяца в госпитале, весна, консилиум – и демобилизация. Не по состоянию здоровья, а просто срок вышел.

До Питера они добирались вдвоем. На перроне расстались, пообещав звонить, встречаться... Но не созвонились, не встретились.

Прислушавшись к уговорам родителей, Андрей подал документы в педагогический и легко поступил. Такое было указание сверху: «чеченцам» в приеме не отказывать!

Учился он ни шатко, ни валко, скорее даже и шатко, и валко, успевая только по «языку», как-то на диво легко он ему давался. Сначала мешали девушки, соскучился по ним за два года. Затем восточными единоборствами увлекся, но не надолго. Потом его целиком захватили яхты.

Политикой Андрей не интересовался, без особых надежд принимая те изменения в государстве, что поставили державу на иные рельсы и вроде бы заставили утвердиться на них. О Чечне языком не трепал, тем более что отношение к этой войне в институте было неоднозначным. Ему говорили: конечно, ты, Андрюха, воин-освободитель, но с другой-то стороны – оккупант! После таких слов хотелось дать шибко грамотному собеседнику в морду. Раз-другой он не выдержал и в результате чуть не остался без диплома. Декан пожалел, у него племянник в Грозном погиб. Аккурат в новогоднюю ночь, памятную бездарностью начальства и сотнями солдатских трупов.

– Не встречал его? – спрашивал декан. – Шароваров его фамилия.

– Нет, не довелось. Мы у Гудермеса стояли.

– Жаль. Мать все плачет, не верит... Ты, Горбунов, поосторожнее на будущее.

– Постараюсь.

– Уж постарайся. А то ведь отчислим к богу в рай! Второй раз тебя отмазываем, в третий может и не выйти.

У него получилось. Он больше не связывался. Он рубил «хвосты» и переползал с курса на курс. Дотянул до диплома и получил его. И стал думать, куда ему с этой бумажкой податься. Ничего не надумал – ну, не в школу же, честное слово, идти, английские глаголы недорослям в головы вколачивать!

Андрей не без сложностей устроился переводчиком в одну серьезную фирму, но быстро сдался: работа от рассвета до заката, а только за такую платили приличные деньги, его не устраивала. Жертвовать же морем, парусами, соленым ветром и солеными шутками яхтсменов, короче, удовольствием и радостью жизни, он был не согласен.

Помаявшись полгода, он написал заявление «по собственному желанию».

– Пожалеешь, – сказал заместитель директора экспортно-импортной фирмы с большими перспективами. – Но дело твое. Мы силком никого не держим. – И отвернулся к монитору компьютера, по которому бегали, уворачиваясь от пуль, розовые поросята. Заместитель директора давно хотел довести количество убиенных свинюшек до предельно возможных двадцати за минуту, а у него не получалось.

Андрей посмотрел с сочувствием на мечущихся поросят, пожелал им удачи, вышел из кабинета и с легким сердцем отправился домой.

Кое-какие деньги у него были, были и кое-какие планы. Правда, тут следовало основательно все обмозговать, потому что риск велик и опыта никакого, но зато в случае удачи у

него появится дело, которым он будет заниматься не за бабки, вернее, не только за бабки, и уж точно не за страх, а за совесть. Свое дело!

Настроение было превосходным. Выйдя из метро на Невский, он купил мороженое и с удовольствием его съел, разглядывая выставленные в витрине газетного киоска обложки глянцевого журналов. Кое-какие из представленных на них девиц показались симпатичными, но большинство слишком напарафиненными, шестой номер, не меньше.

После мороженого самое то – покурить. Так, покуривая, Андрей зашагал по тротуару, радуясь весне и вообще... радуясь.

– Что же вы делаете, сволочи?

Кричала женщина – бедно одетая, в каком-то немыслимом платке, в разбитых, потерявших форму туфлях. Кричала, но не вмешивалась. Никто не вмешивался, не возмущался, привыкли, смирились, устали. Лица людей были точно из гипса – белыми и застывшими.

– Отстаньте от него! – надрывалась женщина, судорожно сжимая ручку зонтика.

Стайка беспризорников не обращала на нее внимания. Они были за оградой сквера и, хотя решетка была не больше метра высотой, чувствовали себя в безопасности. Пацаны гоготали, выхватывали из-под кустов боярышника комья земли и швыряли их в парня в пятнистой куртке, некогда доступной лишь военным, а в последние годы ставшей любимой немаркой униформой для миллионов рабочих. Парень сидел за столиком с товаром-мелочевкой, закрывал лицо руками и даже не пытался встать.

Один из комков угодил в грудь, парень невольно опустил руку и тут же другой комок попал ему в голову.

Это Андрей увидел уже на бегу. Он перепрыгнул через ограду и кинулся к мальчишкам. Те бросились врассыпную. Двое из них заложили вираж, подскочили к столику и перевернули его. Похватав что-то из рассыпавшегося по мокрому асфальту товара, звереныши, петляя, помчались по улице.

Андрей направился к парню.

– Что же ты ворон ловишь?.. – начал он и замолчал.

Парень сидел в инвалидной коляске – кресле с подножкой и большими велосипедными колесами по бокам.

– Здравствуй, Андрей.

– Сашка? – он не узнавал друга, боялся узнать. – Ты... ты что здесь делаешь?

Тонкие губы скривились в подобии усмешки:

– Работаю. Товар помоги собрать.

Андрей поставил столик и стал складывать на него ручки, фломастеры, карандаши, блокноты, колечки скотча, прочую канцелярскую дребедень. Много было испачкано, кое-что безнадежно испорчено.

– Попал, – тихо сказал Сашка. – Круто попал.

– Ты о чем? – не понял Андрей и потеребил себя за изувеченное ухо, появилась у него после ранения такая привычка. – Ладно, это потом. Ты вообще – как?

– Разве не видишь?

– Вижу, – потерянно проговорил Андрей. – Но когда? Как? Ты почему не звонил?

– Так ведь и ты не звонил.

На это сказать Андрею было нечего. Да, не звонил. И даже не вспоминал. Он старался не вспоминать ту войну. Он хотел забыть, все забыть, чтобы вытравить в себе злость и обиду. Ведь он тогда еще во что-то верил. В идеалы! В светлое будущее, мать его! А его взяли и лишили веры – запросто, кровью и болью. Сашка был частью прошлого, свидетелем прежней наивности Андрея, а свидетелей собственной дурости никто не любит. Поэтому Сашка должен был остаться в прошлом.

Но он вернулся.

– Брось, Андрей. Я понимаю: закрутился, завертелся. Да и чем бы ты помог? Добрым словом? Это ни к чему. Меня жалеть не надо!

– Не в жалости дело.

– А в чем?

Андрей не успел ответить.

– Обнаглел, да? Пьяный, да? Совсем нас не уважаешь, да?

Невысокий кавказец – ну, ясно, кавказец, ему ли, Андрею, не узнать кавказца? – вдруг оказавшийся рядом с ними, с возмущением взирал то на неприглядную пеструю грудку на столике, то на Сашку. И говорил, говорил:

– Мы тебе работу дали. Мы деньги платили! А ты водку пить, да?

– Это мальчишки.

– Знать не хочу ни про каких мальчишек. Товар денег стоит, да? Товар брал ты, да? Ты за него и заплатишь!

– Это твой хозяин? – спросил Андрей, только теперь сообразив, что Сашка имел в виду, сказав, что он «попал».

– А ты кто такой? – повернулся к Андрею кавказец. – Тебе чего надо? Тут наши дела. Ты своей дорогой иди. Лучше будет. Да?

– Нет. – Андрей схватил кавказца за отворот куртки и притянул к себе, дыхнул жарко в лицо: – Слушай, Алик...

– Я не Алик.

– Слушай, Алик, – повторил Андрей. – Если ты посмеешь еще раз повысить голос на моего друга, я за себя не ручаюсь. Доступно объясняю?

Кавказец побагровел.

– А теперь давай без ора, воплей и соплей. Что он тебе должен?

– Деньги.

– Ясно, что деньги. Сколько?

– Пусть сам скажет, – кавказец ткнул пальцем в сторону Сашки.

Андрей приподнял вопросительно брови.

– Посчитать надо, – неуверенно произнес друг.

– Посчитай. И ты, Алик, ему поможешь, – он встряхнул кавказца так, что у того клацнули зубы. – Считай! А я погляжу.

Минут десять кавказец и Андрей перебирали товар. Наконец цена была оглашена.

– Я отработаю, – сказал Сашка.

– Конечно, – блеснул опаловыми глазами кавказец. – День, два... Мы что, не люди? Мы понимаем.

– Отработки не будет, – отрезал Андрей, доставая кошелек.

– Не надо, – попросил Сашка, но Андрей уже отсчитывал купюры. Протянул их кавказцу:

– Держи. Здесь больше. Чтобы без претензий.

Кавказец схватил деньги, профессионально быстро пролистнул их:

– Хороший друг в беде не оставит. Друг он тебе, да?

Кавказец смотрел на Сашку. Смотрел на Сашку и Андрей.

– Да, – сказал друг.

Андрей облегченно засмеялся:

– Ну, пошли, Санек.

– Тогда уж покатили.

– Куда? – опешил кавказец. – А товар?

Андрей посерьезнел:

– Ты при нем останешься. Целее будет, да? Хорошей торговли. Пока, Алик.

– Я не Алик.

– А мне без разницы.

Когда они были уже метрах в двадцати, Сашка сказал:

– Зря ты так. Мне работа нужна.

– Будет тебе работа. Ты море любишь?

– Море? – Сашка остановил коляску. – Люблю.

– Вот я и говорю, будет тебе работа.

Настроение возвращалось. Потрясающее настроение! Оно уже почти вернулось.

* * *

Пушка на берегу ударила во второй раз.

Разрезая волны, следующая группа яхт устремила к стартовой линии. Ну, просто чудо как хороши! Особенно лодка японца Тодзиро Миури «Яблоко солнца»: охряно-желтый корпус с алой полосой у ватерлинии¹⁷, паруса с розоватым отливом. Произведение искусства! Умеют делать.

Андрей полюбовался результатом и своих трудов. «Мельница» сверкала золотом. На основании было выгравировано: «Ни пуха!».

– К черту, – сказал Андрей.

Сашка выточил лебедку и хотел вручить ее перед отплытием «Птички» из Питера. Тайны из этого он не делал, поэтому Андрей был свидетелем того, как шла работа.

– Талисман, – говорил Сашка, любуясь своим отражением в надраенном конусе «мельницы». – Так ведь все равно не сбережешь.

– Пылинки сдувать буду. Брызги стирать.

– Ты лучше смазывай вовремя и не перегружай.

– Ладно.

– Да уж будь любезен. А то я тебя знаю: лишь бы конец потуже намотать.

– Какой конец?

– Любой.

– Любой не получится. Больно.

Сашка возмущенно пожал плечами:

– Нет, вы посмотрите на него! И этот несерьезный человек собирается покорить Атлантику. Нельзя тебя одного отпустить. Царя в голове нет.

– Зато сколько силы в руках. – Андрей согнул руку, демонстрируя налитый бицепс.

– Вот-вот, только сила и есть. А тут? – Сашка постучал согнутым пальцем по лбу.

– Дырку не пробей. И вообще, гонка какая? Одиночная. Так что оставаться тебе, Саня, на берегу. И ждать меня, как царевна Несмеяна ждала.

– Ярославна.

– Пардон, спутал. К тому же, помнится, я тебе только море обещал. А тут – океан! Так что все по честному.

...В тот день они долго разговаривали в сквере перед Русским музеем. Сначала говорил Андрей – сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое. А Сашка молчал, слушал. Наконец Андрей будто споткнулся, сказал тихо:

– Ты о себе расскажи, Сань.

– Жил. Как все.

Первый год после дембеля все и впрямь складывалось удачно. Восстановился в институте, быстро наверстал упущенное, в отличники вышел. А потом, в феврале это было, поскользнулся на улице, упал и... глаза заволокла непроглядная чернота. Как выкарабкался из небытия – кругом бело: стены больничной палаты, тумбочка у кровати, халаты медсестер и врачей.

¹⁷ Линия на корпусе судна, показывающая его нормальную осадку

Сказался-таки осколок у позвоночника. Из больницы он выписался с парализованными ногами и без малейшего шанса на выздоровление.

– Не может такого быть! – заявил Андрей. – Ну, чтобы вообще ничего нельзя было сделать. Вон, в Москве, Дикуль чудеса творит. Туда ехать надо.

– Ездил. Не помог Дикуль.

– Значит, еще кто-нибудь, – уже не так уверенно сказал Андрей, запуская руку в карман. – Курить будешь?

– Что? Нет. Бросил.

Сашка отвернулся. Андрей удивленно приподнял брови, и тут память услужливо подсунула картинку: катящийся, подпрыгивающий окурок – красная точка во мраке. Видно изда-лека, особенно если в бинокль. Или в прицел.

Он так хотел это забыть! Будто и не было за ним вины. А Сашка ему тогда ничего не сказал. Никому не сказал.

Андрей покрутил пачку, смял и кинул в урну.

– И я бросил.

Сашка взглянул на него:

– Не переживай. Ты ни при чем.

– При чем! – глухо произнес Андрей. – А институт как же?

– Заниматься и в коляске можно.

Несмотря на академические отпуски, Сашка закончил кораблестроительный институт и даже получил распределение, что при новых порядках было редкостью. На судоремонтном заводе приняли его радушно; коллектив конструкторского бюро оказался сплоченным, однако к новым людям открытым.

Прошел год, другой. Ситуация на заводе становилась патовой: заказов все меньше, соответственно, перебои с зарплатой. Люди стали роптать – чем семьи кормить? – потом уходить в поисках лучшей доли. А куда было деваться ему, инвалиду-колясочнику? Он тянул, перебиваясь случайными подработками. Потом умерла мама. Сгорела за полгода. Рак. С детства без-отцовщина, Сашка остался один. Неделью спустя сотрудников бюро отправили в принудитель-ный, неоплачиваемый и бессрочный отпуск. Стало совсем туго.

Ко всем бедам старички соседи, знавшие Сашку с детства, махнули рукой на Северную Пальмиру, на комнату в коммуналке и перебрались жить в кубанскую станицу, где воздух и люди чище. Вместо них вселилась семья беженцев из Казахстана.

Сочувствуя хлебнувшим лиха, Сашка их принял тепло, истинно по-русски, закрывая глаза на некоторые странности их поведения. Приезжие развили бурную деятельность, через два месяца добились постоянной прописки, а потом вдруг заговорили о том, как нелегко ему приходится, что без помощи со стороны ему сейчас не прожить.

Истинная подоплека их заботливости открылась с появлением в квартире худенькой жен-щины, с порога объявившей, что законы не запрещают устанавливать опеку над больными, даже если те не являются родственниками людей, изъявившими такое похвальное желание. Когда Сашка поинтересовался, кто тут потенциально опекаемый, женщина удивилась: «Да вы же».

Как выяснилось, соседи все стулья в инстанциях просидели, рассказывая каждому встречному и поперечному про то, как страдает от недуга их сосед, как они нежно к нему отно-сятся и как он привязался к ним. Довольно прозрачно сердобольные ходатаи намекали, что у молодого человека из-за перенесенных несчастий малость помутился рассудок, что выража-ется в агрессивности, неадекватном поведении. В общем, они готовы присматривать за ним, чем и так занимаются по доброте душевной, но лучше, если на руках у них будет официальная бумажка.

Женщина, оказавшаяся представителем районного опекунского совета, пришла удостовериться в правоте их слов. Договаривалась она с соседями на вечер, когда все будут в сборе, но возникли неотложные дела, и она перенесла визит на дневное время.

Сашка напоил ее чаем, заверил, что в опеке не нуждается, и проводил до дверей. Когда явились соседи, он сказал им то же самое, сказал спокойно, тщательно подбирая слова. Тут-то их рыла и проявились. Как они собирались заговорить зубы женщине вечером, при нем, это осталось тайной, зато перестало быть секретом их истинное отношение к бывшему благодетелю. Соседи заявили: комнату его они все равно получают!

Надо думать, объявленная соседу война обходилась им в ту еще копеечку. Кроме того, ставя замки на дверях ванной и кухни, полосуя ножом его полотенца, наконец, подпирая на ночь скалкой ручку двери его комнаты, они не могли не понимать, что в конце концов он обратится в милицию. Он и обратился. Участковый, однако, на жалобу отреагировал как-то вяло, предложив не шуметь и не дергаться.

– Он недорого стоит! – скалил зубы на следующий день бывший беженец, а ныне полноправный житель города на Неве. – А ты не будь дураком, не упирайся, не на улицу же тебя выгоняют. Крыша над головой будет. И денег мы тебе подбросим. Чего тебе еще надо, калеке?

Но переезжать с Васильевского острова на дальнюю окраину в комнату-клетушку, приобретенную соседями у какого-то алкаша, Сашка не собирался. Должна же быть правда на свете! И он отправился на ее поиски.

В квартиру зачастили различные комиссии. В их присутствии соседи были само обаяние, обвинения отрицали начисто, а когда Сашка отворачивался, выразительно крутили пальцем у виска. Замки на дверях? Так он же, инвалид этот, пьяница несчастный, как стакан на грудь примет, так все крушить начинает! И им верили. Ведь страдалцы, из одной квартиры националисты выгнали, теперь в другой жизни нет...

Как-то в одном из кабинетов, где сидел человек, в обязанностях которого было помогать таким, как Сашка, он услышал: «Так что же вы хотите?» Сашка сказал: «Чтобы меня никто не трогал». И добавил, не козыряя: «Я в Чечне был». В ответ прозвучало ленивое: «Не я вас туда посылал». После этого Сашке оставалось либо выматериться, либо молча выкатиться из начальственных апартаментов. Он выбрал последнее и больше никого ни о чем не просил. Вообще никого.

А жить становилось совсем не на что. По специальности работы не было и не предвиделось. Пенсия по инвалидности крошечная. О том, чтобы просить милостыню, как это делали многие из потерявших кто руку, кто ногу, кто надежду его собратьев по оружию, Сашка даже не думал. Стыдно-то как! Он стал читать объявления в бесплатных рекламных газетках, попробовал быть «кукушкой» на телефоне, но сосед перерезал провод, сам готовый довольствоваться мобильником, лишь бы лишить Сашку и этого грошового заработка.

Потом Сашке повезло: подвернулась работа уличного торговца «на проценте». Он добирался утром до станции метро, туда же привозили столик и товар. И до вечера. Торговля шла из рук вон плохо до тех пор, пока сердобольная тетка, иногда ставившая свой овощной лоток рядом с ним, не посоветовала ему надеть военную форму.

– Ты пойми, чужак человек. Тебе от этого прямая выгода. Когда мужчина в форме, у покупателя к нему другое отношение. Уважительное. Это в крови у нас, понимаешь? А ты еще и на коляске. Тоже плюс, прости Господи. Не из уважения, так из сострадания купят.

Он упирался до тех пор, пока выходцы с солнечного Кавказа, обеспечивающие его товаром и отмазывавшие от милиции, не объявили, что закрывают «точку». Сашка упросил их подождать неделю, и на следующее день надел свою старую полевую форму.

Торговля пошла. Права оказалась тетка. И все бы ничего, хозяева успокоились, жить можно, но не заладились у Сашки отношения с кучковавшимися у метро беспризорниками. Как сообразил что к чему, тут же наотрез отказался продавать им клей «Момент».

– Так вот почему они на тебя налетели.

Сашка кивнул:

– Они, когда вместе, все безбашенные, ничего не боятся. Только бы нанюхаться, кайф словить. Видел, несколько тубиков все равно стащили.

– Поедем ко мне, – сказал Андрей, поднимаясь. – Сегодня у меня переночуешь. А с твоими соседями я разберусь.

– И не думай! Они тебя по судам затаскают, с них станется. Ты их не знаешь.

– Вот и познакомимся.

Родители Андрея встретили их охами и ахами. Не предупредил! У нас и к столу подать нечего! На коляску Сашки они, казалось, и внимания не обратили.

– Кушайте на здоровье! – полчаса спустя потчевала гостя мама Андрея. – Вот курочка. Лечо попробуйте. Андрюша хвалил.

– Ты лучше рюмки достань, – попенял жене Горбунов-старший, Георгий Иванович. – Дружья встретились. Положено!

Появились рюмки, заплескалась в них водка.

– Завтра в яхт-клуб поедем, – сказал Андрей. – У меня там все схвачено. На вахте будешь сидеть. Зарплата невеликая, но на первое время хватит, а там, глядишь, что-нибудь получше подыщем.

– Что же вы ничего не едите, Саша? – опять всполошилась мать. – Вы ешьте, а я пока постель вам приготовлю.

– И мне, пожалуй, на пост пора, – сказал отец. – К телевизору.

Родители понимали, что Сашка чувствует себя не в своей тарелке, и таким незамысловатым образом проявляли деликатность.

Они еще долго сидели на кухне. Разговаривали, и все, о чем бы ни говорили, было интересно обоим. Далеко за полночь отправились спать. Опершись на подлокотники кресла, Сашка рывком выпрямился, привычно повис на костылях и направился в ванную. Андрей не мог на это смотреть – отвел глаза.

Мать постелила другу на кресле-кровати.

– Удобно? – спросил Андрей. – Может, лучше здесь, на диване?

– Все отлично, – сказал Сашка. – Ты спать хочешь?

– Нет.

– И я нет. Поговорим?

Заснули под утро. Вернее, Сашка заснул. Андрей же еще долго ворочался, против воли вспоминая, как Сашка, отказавшись от помощи, ловко преодолел две ступеньки перед подъездом, и как смутился, когда увидел, что до площадки, на которую выходили лифты, целый лестничный марш. Он стал отстегивать от спинки кресла костыли, но Андрей развернул коляску и втянул ее наверх. Коляска подпрыгивала на ступеньках, и эти толчки болью отдавались в сердце Андрея.

* * *

Наведя блеск на «мельницу», Андрей спустился в каюту и приготовил кофе. Не спеша выпил. Проверил, как работает спутниковый телефон. Хорошо работает. Просто отлично. Потом достал карты, лоции. Полистал справочники. Может быть, все же по северному маршруту?

Пушка выстрелила в третий раз. Андрей дернул себя за ухо, поднялся и посмотрел на кресло, в котором сидел. Будто наяву он увидел друга, склонившегося над штурманским столом: неподвижные ноги на деревянной приступочке, в одной руке карандаш, рядом с другой старинный морской хронометр.

На соседних яхтах застучали лебедки, засвистели, поднимаясь, паруса.

– Поехали! – сказал Андрей и не устыдился плагиата.

Глава 4

На палубе все было готово к подъему парусов. Яхты справа и слева размыкали объятия: спортсмены сматывали канаты и поочередно выводили свои суда из марины на чистую воду. Если бы рядом возвышались мачты «Мелинды» или «Громовержца», яхты четвертой группы выглядели бы утлыми лодчонками, на которых не то что в океан, на прогулку вдоль пляжа выйти боязно. Однако сейчас, в отсутствие «монстров», они выглядели достойно, а их шкиперы сверкали гордыми белозубыми улыбками.

Говард аккуратно отошел от «немца» и поднял грот¹⁸. Ветер наполнил парус. Теперь очередь за стакселем¹⁹.

Оставшееся до выстрела время яхты лавировали, стараясь выбрать наиболее выгодную позицию: считалось особым шиком первым преодолеть стартовый створ, хотя никакого практического смысла в этом, учитывая протяженность трассы, не было.

Когда «Снежинка» оказалась рядом с «Северной птицей», Говард крикнул:

- Две... Три... Четыре пинты черного!
- Для начала? – уточнил Горбунов. – Устроим пивной забег.
- Тогда уж заплыв. Но учти: американцы – лучшие спринтеры!
- А русские – стайеры. Имей в виду, хорошо смеется тот, кто смеется последним.
- Еще лучше, кто без последствий. При пивном заплыве это особенно актуально.

Напрягая голосовые связки, они перебрасывались шуточками, скользя борт о борт, и тут ухнул долгожданный выстрел. Казалось, все тридцать шесть яхт группы на мгновение застыли и... рванулись вперед.

Профаном Говард себя не показал: пересек стартовую линию третьим. А вот русский отстал, замешкавшись со сменой галса.

Яхта уверенно преодолевала небольшие волны, но только Говард подумал, что надо бы добавить парусов, как «Снежинка» влетела в плотную стену неведь откуда взявшегося тумана.

От мысли увеличить парусность Говард тут же отказался. До рези в глазах он вглядывался в молочно-сизую пелену, страшаясь, что какой-нибудь недотепа, вышедший в море проводить регату и не выпровоженный вовремя с акватории, подставит свою посудину под носовой свес его яхты. И уж совсем будет плохо, если по курсу окажется судно соперника.

Где-то сбоку раздался треск, потом хлопок, потом крик. Говард завертел головой, пытаясь угадать направление, и тут «Снежинка» вынырнула из тумана.

Метрах в тридцати справа грузный норвежец, бывший сосед по стоянке, поднимал из воды горе-мореплавателя, чья надувная лодка «Зодиак» с подвесным мотором «Эвинруд-Джонсон» плавала тут же с пропоротым бортовым баллоном.

– Помощь нужна?

Норвежец посмотрел на Говарда, ослабившего натяжение шкотов²⁰ и тем замедлившего ход «Снежинки», вынул изо рта неизменную трубку и махнул рукой: мол, сам справлюсь! После чего оборотил лицо, в котором не было и следа знаменитой скандинавской невозмутимости, к экс-утопающему. Тот дрожал то ли от холода, то ли от подступающего страха, а может, из-за того и другого.

Потерпевшего, вероятно, следовало пожалеть, однако Говард сочувствовал не ему, а яхтсмену, которому предстоит дожидаться катера береговой охраны, чтобы сдать на него «добычу». Дай бог, организаторы регаты не сочтут норвежца виновным в столкновении и вычтут время

¹⁸ Парус – на яхтах обычно треугольной формы, поднимаемый на грот-мачте

¹⁹ Передний треугольный парус

²⁰ Шкот – снасть, идущая от нижнего угла паруса и служащая для управления им

вынужденной задержки из общего времени, затраченного на прохождение дистанции. Конкуренция в группе такова, что и четверть часа могут иметь значение на финише.

«Если, конечно, он благополучно доберется до него, – подумал Говард, – что вовсе не факт».

С холодком пробежавшейся по спине ясностью он осознал, что разговоры кончились, впереди – гонка. Не будучи мнительным, Говард по старому морскому обычаю трижды постучал по палубе костяшками пальцев, подтянул шкоты и чуть повернул румпель. «Снежинка» послушно прибавила ходу.

С каждым часом волны становились круче. Спустив грот и поставив штормовой стаксель, Говард настойчиво пробивался сквозь дыбившиеся вокруг массы воды.

Близ мыса Лизард внезапный шквал сильно накренил яхту, чуть не положив парусами на воду. У Говарда ёкнуло сердце. Путешествие могло закончиться практически не начавшись.

– Ну, детка, вставай! – шептал он.

После нескольких секунд, показавшихся вечностью, «Снежинка» выпрямилась.

Говард спустил паруса, осмотрел рангоут²¹ и такелаж²². Вроде бы обошлось без повреждений. Растворив в горячей воде бульонный кубик, он проглотил обжигающего жидкость и вновь поднял грот, желая как можно быстрее покинуть эти негостеприимные места. На юге, в зоне штилей, пассатного течения и попутных ветров, у него будет достаточно спокойных дней, чтобы проверить все более тщательно, без спешки и суеты провести необходимые профилактические, а если понадобится, и ремонтные работы.

Южный маршрут он выбрал не случайно и не делал из своего выбора секрета в отличие от большинства друзей-соперников не только по гонке, но и по группе.

Во-первых, в северных широтах ему пришлось бы пересекать область айсбергов, что сопряжено с немалым риском, пусть даже у него есть спутниковая связь и специальное электронное оборудование, способное на экране воспроизводить картину ледовой обстановки. Участь «Титаника» его не прельщает! Даже если в его честь споет бесподобная Селин Дион.

Во-вторых, там преобладают встречные ветры, а это предполагает бесконечную, выматывающую, отупляющую работу с парусами. Ему это нужно? Да на кой черт ему это нужно?! У него другая задача, так что разумнее отказаться от борьбы за призовое место в группе и не выгадывать каждый час, каждую минуту, вкалывая как одержимый.

И, наконец, в-третьих: по большому счету, он ничего не имел против того, чтобы подольше побыть в одиночестве.

Пройдя без ожидаемых неприятностей самым краешком Бискайского залива, известного своими бурными водами, «Снежинка» взяла курс на Азорские острова, чтобы, оставив их по правому борту, повернуть к Америке и там, на берегу Чесапикского залива, в марине города Ньюпорт-Ньюс поставить точку в своем рейсе.

Преодолев десятый градус западной долготы, Говард отметил это событие бокалом шампанского и тремя пирожными. Он имел основания быть довольным. Не стремясь к тому, он показывал неплохую среднюю скорость: лучший дневной переход «Снежинки» составил 94 мили, наихудший – 32. Однако важнее было то, что пока ни яхта, ни ее шкипер не понесли какого бы то ни было урона, хотя океан в этом году определенно взъярился на людишек, осмелившихся бросить ему вызов.

Несколько яхт не смогли преодолеть крутые волны у выхода из канала Ла-Манш и, получив пробоины или потеряв мачты, повернули к ближайшим портам.

²¹ Общее название всех мачт и рей, на которых поднимаются паруса

²² Все снасти на рангоуте судна

«Морской еж» шведа Густафссона налетел на контейнер, сорванный штормом с палубы какого-то корабля, и затонул. Густафссон два дня провел в море на спасательном плоту, пока его не подобрал вертолет спасателей.

Австралиец Дерек Смит дал «SOS» после того, как упал с мачты и сломал руку.

Литовец Сигитас Силкаускас потерял основные паруса, изорванные в клочья шквалом, и, посчитав, что продолжать гонку бессмысленно, направил свой тримаран к берегам Ирландии.

«Зеленый пояс» получил пробоину при столкновения с льдиной. Катамаран перевернулся, и Ален Сола провел шесть поистине жутких часов, забравшись на один из его корпусов, выступающих из воды не более чем на полметра. Канадский траулер, оказавшийся поблизости, спас спортсмена от, казалось, верной гибели.

Уже через четыре дня гонка лишилась шестой части участников. По счастью, жертв не было, но впереди еще были сотни и сотни миль тяжелейшего пути, и никто не мог дать гарантий, что без них обойдется и в дальнейшем.

В установленное для него время – в 10.00 и 22.00 по Гринвичу²³ – Говард выходил на связь и передавал в информационный центр соревнований свои координаты, получая в ответ исчерпывающие сведения о том, каков на данный момент расклад сил в гонке. «Мелинда», «Дух земли» и «Громовержец» вырвались далеко вперед, двигаясь, как и ожидалось, северным маршрутом. За ними, все больше отставая, шли яхты первой и второй группы. Оставшиеся, рассыпавшись широким веером, были далеко позади. В том числе Андрей Горбунов на «Северной птице», находившийся приблизительно милях в 80 к югу от Говарда.

А еще ему стало известно, чем закончилась история с малолетками, подложившими взрывчатку в аутригер «Мелинды». Информационный центр был скуп на слова в отличие от обычных радиостанций, которые расписывали происшествие во всех подробностях. Сидя в кокпите, Говард слушал разглагольствования комментаторов по простенькому радиоприемнику, сработавшему на Тайване и, как ни странно, проявлявшему себя с самой лучшей стороны здесь, в Атлантике.

Как он и пророчил, несовершеннолетних взрывников, оказавшихся тем не менее наркоманами со стажем, раскололи без особых проблем. Когда их стало ломать без очередной дозы, полицейские надели на них и мигом получили признание. Пластиковую взрывчатку и детонаторы сопляки получили от уличного торговца героином, так называемого пушера, по кличке Пастух. Тот клятвенно обещал расплатиться товаром в количестве, гарантирующем безболезненное существование в течение двух месяцев. В пересчете на деньги – изрядная сумма! Пастух говорил, что все пройдет, как по маслу, надо лишь положить пакет в поплавок тримарана, нажать на красную кнопку и тут же сматываться. Когда бабахнет, они уже будут далеко от порта. Револьверы? Ну, это на всякий случай, до стрельбы не дойдет.

Пушер обманывал мальчишек, на все готовых ради шприца с дурью. Как установили саперы, взрыв должен был прогреметь сразу после активизации детонатора. Взрывников разнесло бы в клочья, так что Пастуху просто не с кем было бы расплачиваться своим снадобьем.

Впрочем, Пастух мог и не знать, что детонатор в бомбе немедленного действия. Его могли не посвятить во все детали готовящейся операции. Так это или нет, сам Пастух, отлично известный полиции Плимута, поведать не мог, поскольку был зарезан в собственной квартире. Посему вопрос, кто стоял за его спиной, оставался открытым. А что торговец наркотиками действовал не по своей инициативе, в этом сомнений не возникало. Зачем пушеру гибель тримарана? Незачем. А кому от этого выгода? Тем, кто жизненно, а вернее – финансово заинтересован в устранении фаворита гонки. Однако доказательств причастности к подготовке диверсии кого-либо из дельцов подпольного тотализатора у полиции не было.

²³ В дальних плаваниях моряки используют единое время – от Гринвичского меридиана

Происшедшее заставило не только журналистов заговорить о легкости, с которой на берегах Туманного Альбиона можно раздобыть стрелковое оружие и взрывчатку. Интервью с политиками, возмущенными этим удручающим фактом, заполнили эфир. Речи их были исполнены праведного негодования, чем весьма напоминали те, которыми в предстартовую ночь обменивались собравшиеся на пирсе яхтсмены. Говард морщился: одни эмоции. Ну кто из вас, господа, в состоянии ответить хотя бы на такой простенький вопрос: каким образом попала на британские берега чешская пластиковая взрывчатка из партии, поставленной некогда революционному правительству Сальвадора? А детонаторы китайского производства? Не знаете? Тогда лучше молчите.

В раздражении Говард выключал приемник.

А вокруг все дышало величественным покоем. Океан и человек. Тут все понятно. И в сотрудничестве, когда ветер устойчив, а волны милостивы; и в противостоянии, когда стихия вдруг приходит в исступление, норовя поглотить норовистую скорлупку, с упорством улитки движущуюся к берегам Америки. Тут нет вопросов, одни ответы.

Вот бы Кристину сюда, она бы порадовалась за него.

* * *

Он ее сразу узнал.

– Кристина?

Говард возблагодарил небо и секретаршу, соединившую незнакомую женщину с начальником отдела оперативных инвестиций. Такое самовольство категорически запрещалось, и при любом другом случае Говард Баро, покой которого секретарша была нанята охранять, непременно попенял бы ей за это. Но сейчас... Завтра же он вручит ей букет и чек с премиальными. За интуицию тоже надо платить.

– Ты сказала, что ты моя сестра?

– Нет, я попросила соединить меня с мистером Баро. И все.

Будут премиальные! И букет будет.

– Снежинка, как же я рад тебя слышать. Как ты меня нашла?

– Листала «Чикаго трибьюн», а там твоя фотография.

И не просто фотография, мог бы добавить Говард, а снимок с вечеринки в клубе «Эльдорадо», на которой было объявлено о помолвке Говарда Баро с наследницей многомиллионного состояния, американкой в девятом поколении обворожительной Мэри Хиггинс.

– Поздравляю.

– Спасибо, Кристи. Боже, сколько же мы не виделись!

– Давно. Ты очень изменился, Говард. Ты уже совсем взрослый.

– Еще бы! Я уже почти старый.

– Как мама?

– Ничего. Ты знаешь, отец умер.

– Да, я знаю.

– Но ты не приехала на похороны.

– Я была далеко. В Непале.

– Где?

– В Катманду. Когда вернулась, все было позади. Мама наверняка уже успокоилась, да и не нужно было ей мое сочувствие. Нет ничего отвратительнее неискренних соболезнований посторонних людей.

– Ты преувеличиваешь. Мама тебя любит.

– Она меня забыла, Говард. А ты?

– Что ты, Кристи. Ты для меня... Ты где сейчас?

– В Чикаго.

– Когда мы увидимся?

– Ты действительно этого хочешь?

– Конечно!

– Знаешь, я ведь потому и позвонила. Хотя набирала номер и боялась: вдруг ты не хочешь со мной разговаривать?

– Как тебе такое в голову пришло! Ну, называй свой любимый ресторан. Мы такую пирушку закатим!

– С рестораном не получится. Ты лучше приезжай ко мне.

– Адрес!

– Знаешь больницу святого Патрика?

– Ты больна?

– Приезжай, Говард. Спросишь внизу, тебе подскажут, как меня найти.

– Я уже еду, Кристи!

Ждать лифта он был не в силах. Помчался по лестнице. В подвальном гараже прыгнул в свой «Мустанг» и вдавил в пол педаль газа. Как он не снес шлагбаум на выезде? Как не врезался в одну из возмутительно медленно крадущихся по улицам машин? Как не сбил какого-нибудь наглого пешехода? Ну, разве что чудом.

Через двадцать минут Говард был у больницы святого Патрика. Подбегая к стойке регистрации, он вдруг подумал, что не знает фамилии Кристины, она же наверняка замужем. Но вариантов не было, и поэтому он спросил у медсестры, поднявшей на него усталые, но все же профессионально внимательные глаза:

– Простите, Кристина Баро... Я могу ее увидеть?

– Одну минуту. – Пальцы девушки забегали по клавиатуре компьютера. – Да, конечно. Правое крыло. 76-й бокс.

– Благодарю вас. А где это?

– Налево по коридору, потом через переход и по лестнице на третий этаж.

Он побежал. Коридор, переход, вот и правое крыло. Дверь, светящаяся табличка над дверью. Он замер. Его губы шевелились, повторяя одно-единственное слово:

– Хоспис. Хоспис. Хоспис.

Его попросили посторониться. Два санитара в светло-зеленой униформе прошли мимо него. Один мужчина нес тонкую папку, другой – черный пластиковый мешок.

– Да, пожалуйста, – он отступил в сторону. – Простите.

Говарду понадобилось несколько минут, чтобы собраться с духом и приклеить к лицу улыбку. Лишь когда это удалось, он открыл дверь и стал подниматься по лестнице.

Бокс №76. Он посмотрел через стекло, врезанное в дверь. Кристи в палате не было. На кровати, с капельницей, подсоединенной к худой руке, лежала седая женщина, лицо которой покрывали пигментные пятна. Наверное, медсестра ошиблась. или произошел компьютерный сбой. Надо спуститься, надо устроить скандал...

Тут он увидел глаза женщины. Она смотрела на него.

Говард отворил дверь и вошел:

– Здравствуй, Кристи. Вот и я.

Глаза женщины наполнились слезами.

– Ты не узнал меня, Говард.

– Ну что ты, Снежинка! Как я мог тебя не узнать?

– Ты не узнал меня. Я страшная.

– Глупости.

Говард подошел к кровати и положил руку на лапку сестры. Кожа у Кристины была сморщенная, чешуйчатая.

– Дай-ка я тебя расцелую.

Женщина на кровати дернулась, точно пыталась отпрянуть.

– Меня нельзя целовать. Посмотри на мои губы, они в трещинах и гнойниках. У меня СПИД, Говард.

Сгорбившись на стуле, не выпуская руки Кристины из своих ладоней, Говард провел подле сестры несколько часов. Несколько раз заходила дежурная медсестра, изучающе смотрела на зеленые полосы, выгибавшиеся дугой на экране какого-то прибора, удовлетворенно поджимала губы, и это, очевидно, означало, что все идет так, как положено. И туда, куда назначено. К смерти.

– Как ты?

– Нормально.

Что еще он мог рассказать о себе? Все, что произошло с ним, все, что происходит с ним сейчас, казалось оскорбительно мелким по сравнению с трагедией Снежинки. Она умирала и знала, что умирает. Как знали это все пациенты хосписа. Никаких надежд. Напрасных молитв. На что уповать, если Господь отвернулся от них? Или наказал за прегрешения. Теперь они умирают, и это, видимо, правильно.

Кристина говорила сначала медленно, будто нехотя, потом оживилась, из-под коричневых корочек на губах выступили капельки крови.

– Понимаешь, я дорвалась. Я выбрала свободу и получила ее. А свобода пьянит, туманит мозги. Я работала официанткой, ассистенткой фотографа, занималась в театральной студии, надеялась стать артисткой. Была степ, участвовала в массовках, ходила в парадных колоннах девушкой-барабанщицей. Но таких, как я, были сотни, тысячи. И пусть я была не последней, но и в числе первых я не была. Способностей не хватало, а одной работоспособности, к которой нас приучили родители, оказалось маловато. Но я репетировала как безумная. Наверное, это и было своего рода безумие. Уставала страшно, срывалась, рыдала. Тогда девушка, с которой мы вместе снимали комнату, предложила мне «поправить здоровье». Вскоре я уже не могла обходиться без таблеток. Амфетамины, кокаин... Я могла танцевать часами, а утром еле выбиралась из кровати, ковыляла в ванную и снова глотала таблетки. Кто-то может остановиться, я не смогла. Через год это кончилось тем, чем и должно было кончиться: мне отказали от места в крошечном театрике, в который я устроилась, переспав с антрепренером. Я теряла ритм, голос меня не слушался, ноги заплетались. Кому такая нужна? Соседка моя отправилась на поиски счастья в Майами, а я перебралась в дешевый отель на окраине. Но и он скоро стал не по карману. Те деньги, что я еще кое-как зарабатывала, уходили на наркотики. Я отправилась на Запад, в Калифорнию. Думала, там сумею взять себя в руки, начать все с начала. Ехала авто-стопом, с водителями грузовиков расплачивалась собой. В Неваде меня подобрал парень на старом «шевроле», он ехал в Сакраменто. Его звали Рик. Он предложил покурить травы, и я не отказалась. Потом, в каком-то брошенном доме на краю пустыни, мы кололись и занимались любовью. Любовью! Нет, это была не любовь, это было спаривание двух животных, которые рычали, выли, плевались и бились в конвульсиях. Я не помню, как мы добрались до места, до коммуны, членом которой был Рик. Там я прожила несколько лет. Заправлял в коммуне гуру по имени Джозеф Марлоу, знавший еще пророка Мэнсона, чьи последователи, большей частью свихнувшиеся от героина девицы, зарезали Шерон Тейт – беременную жену режиссера Романа Полански. Я понравилась Джозефу, и он уложил меня в свою постель. Рик не возражал: в коммуне это было не принято – спорить с учителем, который один знает, что главное в этом мире. Иногда, впрочем, Марлоу отдавал меня Рiku на ночь. Или кому-нибудь другому, кто, по его мнению, заслуживал вознаграждения. Обычно это случалось, когда благополучно завершалась операция по переправке очередной партии груза. Коммуна должна была на что-то существовать, и выгоднее всего было подключиться к торговле наркотиками, но Джозеф Марлоу выбрал другой путь, рассудив, что связываться с колумбийскими наркокартелями чревато, да и конкурентов много. По его мнению, переправка оружия было делом более безопасным и почти таким же прибыльным. Оружие перевозили на автомобилях, в багажниках с двойным

дном. Посланцы Марлоу загружались в Мексике и отправлялись в Штаты. Рик, когда встретил меня, как раз возвращался из такого рейса.

– Почему ты не ушла?

Сестра слизнула кровь с губ:

– Куда я могла уйти? Кто меня ждал? Кому я была нужна? Нет, не хочу врать. Сейчас-то зачем врать? Мне там нравилось! Я была растением, которому не нужно ничего, кроме земли, влаги и солнца. Я понимала, что умру молодой, и это мне тоже нравилось. Я не хотела возвращаться в серую обыденную жизнь, наполненную беготней по магазинам в дни распродаж, унижениями перед импресарио, скромными успехами и мечтаниями, что в один прекрасный день все изменится к лучшему. Мы всегда мечтаем о несбыточном, получая от этого мазохистское удовольствие. А тут, в Сакраменто, все мои мечты были при мне, и все они сбывались после укола или понюшки кокаина.

– Это обман, Кристи.

– Это сладкий обман, Говард, как патока. И тягучий, как кленовый сироп. Я не знаю, сколько я протянула бы, прежде чем скончалась бы от передозировки, но тут произошло то, чего, как уверял гуру, не могло произойти. Полицейские вычислили нас и нагрянули в комму. На свободе остался только Марлоу. Это уже потом, в тюрьме, я поняла, что его кто-то предупредил о готовящейся облаве. И еще я поняла, что торговля оружием для Джозефа Марлоу была важнее тех речей, которыми он пичкал своих рабов, готовых безропотно выполнить любое его повеление. Ведь сам он обходился только травкой, да и то изредка, а паству свою держал на сильных наркотиках.

– Сколько тебе дали?

– Мне попался хороший адвокат. На суде он представил меня безвинной жертвой сектантов, ведать не ведавшей об операциях с оружием. Присяжные ограничились минимальным сроком. Меня отправили в тюрьму, известную либеральным отношением к заключенным. Там меня даже взяли лечить от наркозависимости. И у них это стало получаться. У меня вдруг возникло подозрение, что в будничной жизни тоже есть своя прелесть, своя радость, наверняка есть, должна быть! Надо только определить цели, разобраться с тем, ради чего действительно стоит жить. Не скажу, что эти вопросы – как жить? чем жить? – сильно мучили меня. Я была уверена, что когда выйду из тюрьмы, ответы найдутся сами собой. Но я ошиблась. Их надо было заслужить!

– Ты искала их в Непале.

– Туда я отправилась не сразу. Меня освободили досрочно с условием, что я буду работать там, куда меня пошлют, каждую неделю отмечаясь в полицейском участке. Я попала в ресторан на побережье. Представь, солнце, океан, туристы, а я мою тарелки, сотни, тысячи жирных, липких тарелок! Я ждала, копила деньги – и дождалась. Срок вышел, все сроки вышли, теперь я вновь могла распоряжаться собой так, как мне того хотелось. Возможно, я вернулась бы в Чикаго, может быть, поехала бы домой...

– Домой?

– Думаешь, я не любила отца? Любила. Думаешь, я не люблю мать. Люблю! Ведь любовь сильнее обид, она даже сильнее ненависти. Вряд ли родители простили бы меня, не уверена, что мне было нужно их прощение, но там был ты, Говард, мой любимый младший брат, которого я предала.

– Что ты говоришь, Кристи!

– Я оставила тебя одного. Я думала о себе.

– Это нормально.

– Да, это нормально. И честно. Все мы думаем прежде всего о себе. Мы же не праведники, верно? Но можно думать о себе и не забывать при этом о других. Мне это было не дано.

– Я тебя не забывал.

– Не только ты, Говард. Однажды вечером в ресторане, который я со дня на день собиралась покинуть навсегда, появился Джозеф Марлоу. Как он меня нашел, я не знаю. Зато он сразу выложил, что ему нужно. Марлоу не стал скрывать, что по-прежнему занимается торговлей оружием. Только с наркоманами он больше не связывается, теперь он использует в качестве курьеров девушек, которые о наркотиках даже говорить без содрогания не могут. Зато они умеют считать деньги! Поэтому он не забивает им головы псевдовосточной философией, он просто платит и платит хорошо. Вот почему они так аккуратны, осторожны и готовы сутками не вылезать из-за руля, перегоняя машины с оружием из Мексики в Штаты. Дело у него отлажено, но рынок поистине бездонен, так что ему нужны курьеры, на которых он мог бы положиться. «Такие, как ты, Кристина. Ведь ты меня все еще любишь? Ты мне все еще веришь?» Марлоу говорил и говорил, опутывал словами. Я слушала его, не перебивала, я была словно загипнотизирована. Потом промямлила что-то вроде того, что хочу попробовать начать другую жизнь, где нет ни риска, ни полицейских, ни страха перед ними. Тогда Марлоу сказал, что у него есть возможность снова засадить меня за решетку. В доказательство он предъявил фотографии, на которых я была запечатлена с автоматом в руках. Я с трудом вспомнила тот день, когда Рик пригнал машину с оружием в коммуны, и мы здорово повеселились, изображая из себя никарагуанских контрабандистов. Одни из нас были безжалостными убийцами, другие – беспомощными пленными. «Убийцы» размахивали пистолетами и автоматами, приставляли стволы к головам осужденных и зверски улыбались. «Пленные» корчились на полу, залитые кетчупом, который так похож на человеческую кровь. А Джозеф Марлоу, аплодируя нашей фантазии, снимал нас на пленку... Фотографии были очень убедительны, ни один суд не остался бы к ним равнодушным. «Ты согласна?» – спросил Марлоу. «Да», – ответила я. «Вот и умница. Через два дня ты последний раз отметишься в участке, попрощаешься с хозяином этой забегаловки и приедешь ко мне. Вот сюда. – Он протянул мне бумажку. – Тут все написано». После этого Марлоу ушел. Он даже не счел нужным припугнуть меня напоследок, настолько был уверен, что я полностью в его власти. Но он просчитался. Через два дня я действительно попрощалась с владельцем ресторана и села в такси, но поехала не к Джозефу Марлоу, а в аэропорт. Я улетела в Нью-Йорк. Однако и там не задержалась. Каким бы необъятным ни был этот мегаполис, он тоже Америка, страна всеобщей компьютерной грамотности, где каждый при желании может получить сведения о каждом. Лишь только я получила все необходимые документы, я отправилась в Непал. Там, среди хиппи, и ныне, как в 60-е, приезжающих в Катманду в поисках истины, я рассчитывала затеряться. И там же надеялась найти ответы на свои вопросы. Что будет дальше, о том я не загадывала.

– На что же ты жила?

– Я стала чем-то вроде гида. Встречала туристов, помогала устроиться, показывала достопримечательности, отводила к торговцам опиумом, там это особо не преследуется. Получала за каждого клиента свой процент. Но сама к наркотикам не прикасалась. Благодаря интернету я знала, что Джозеф Марлоу пошел в гору и ныне числится преуспевающим бизнесменом, тем не менее у полиции он до сих пор под подозрением. А один журналист так и вовсе прямо обвинил Марлоу в связях с международными торговцами оружием. Он потом попал под машину, журналист этот... Еще я постоянно наведывалась на сайты вермонтских газет. Однажды я наткнулась на некролог на отца. А до того, в одной статейке прочитала о выпускниках, поступивших в лучшие университеты страны. Среди прочих был и ты, Говард. Я хотела тебе позвонить...

– Почему не позвонила?

– Не решилась. Да и что я могла тебе сказать? Чем похвастаться? Чем поделиться? Я – беглянка, которая не знает, зачем и во имя чего живет на этом свете. Тем более примерно в то же время я встретила Рика. Он тоже отсидел и тоже поумнел, во всяком случае отзывался о своем прежнем гуру с нескрываемой ненавистью. Однако Рик поумнел не настолько, чтобы утратить еще одну веру – в наркотики. И в Непал он прилетел потому лишь, что в Катманду

они невероятно дешевы. Мы встретились в аэропорту и сразу узнали друг друга. Рик ужасно выглядел, и я его пожалела, отвела к себе. Его трясло и выгибало так, что, казалось, в следующую минуту его позвоночник треснет. Я раздобыла ему дозу, он укололся и затих. Я смотрела на его вспухшие вены, покрытые рубцами, и понимала, что не смогу его бросить, выставить вон. Это означало бы для него верную гибель. Ты, наверное, не знаешь, Говард, насколько развиты у наркоманов инстинкты. Не все, конечно, главный инстинкт – самосохранения, у них отсутствует напрочь, но некоторые. Каким-то звериным чутьем Рик понял, что получил власть надо мной. Он третировал меня, заставлял доставать ему героин, кричал, пытался драться. Потом он поставил условие: лечение в обмен на свадьбу. Я согласилась. Мы зарегистрировали брак. Той ночью мы вместе легли в постель... Утром он скакал по комнате и вопил от радости: «Что, дрянь, получила? Ты, такая хорошенькая, такая правильная, теперь такая же, как я. Можешь курить, можешь нюхать, колоться, это тебе уже не повредит. Не успеет». Я ничего не понимала, и тогда он сказал, что у него СПИД, что ему все равно умирать, и что я тоже умру, замолчу навсегда. Он хохотал: «Хочешь укольчик? А, хочешь?»

Говард выпустил руку Кристины, закрыл лицо ладонями.

– Рик умер полгода назад здесь, в Чикаго, в этом хосписе. Скоро умру и я.

Говард почувствовал как его руки становятся горячими – от слез.

– Мы могли бы умереть и там, в Катманду, – сестра говорила все тише, – но все-таки я решила вернуться на родину. Не обольщайся, шансов не было... Ты плачешь, Говард? Ты плакал в ту ночь, когда я уходила из дома. А я просила тебя не плакать. И сейчас прошу о том же. Иначе я пожалею, что позвонила тебе.

– Я не плачу. Я не буду плакать, Снежинка. Честное слово, не буду.

– Смотри, – сестра с трудом подняла руку и погрозила ему пальцем. – Умиравших грешно обманывать.

Говард сглотнул подкативший к горлу комок.

– А сейчас, Говард, я скажу, почему позвонила тебе. Потому что мне очень хотелось позвонить. Потому что мне страшно умирать. И еще потому, что я хочу отдать тебе то малое, что имею. Знание. Теперь я уверена, что жизнь стоит того, чтобы жить. Она так коротка и хрупка, а мы растрачиваем ее в погоне за вещами и удовольствиями. Мы следуем вековым традициям, считая, что это гарантирует нам чистую совесть и спокойную старость. И слезы близких у нашей могилы. Но у смерти свои взгляды, свой расчет, она может прийти до срока, когда еще не все куплено, не все испытано, не все обычаи соблюдены, не все задачи решены, не все ответы найдены. Вот что я хотела тебе сказать, Говард. Живи сейчас! Ищи ответы – сейчас! Не обманись сам и не дай себя обмануть. Иди своей дорогой, а не той, что для тебя проложили. Только тогда ты будешь спокоен и не узнаешь раскаяния. Я это поняла. Поздно, но все-таки поняла.

В палату вошла медсестра. Сказала строго:

– Вам лучше уйти. Больной нужно отдохнуть.

Медсестра говорила так, что послушаться было невозможно. Говард поднялся:

– Я приду завтра. Все будет хорошо, Снежинка.

Сестра улыбнулась, по губам ее вновь потекла кровь.

– Говард, пообещай мне...

– Да. Все, что могу.

– Это ты сможешь. Обещаешь?

– Обещаю.

– Ничего не говори матери. Не надо ее беспокоить, ни к чему.

– Хорошо.

– А теперь иди.

И он ушел. Утром следующего дня, придя в больницу святого Патрика, он узнал, что Кристина Баро умерла.

– А вы ей кто?

– Брат.

Кристину он похоронил на окраинном кладбище Чикаго, самом престижном, с ухоженной травой и бесконечными рядами одинаковых мраморных надгробий. У могилы он был один.

Когда могильщики установили плиту, зазвонил телефон.

– Да?

Это был Матти Болтон, его лучший друг.

– Говард, ты где? Мне позвонили с верфи. Яхта почти готова, но они не могут спустить ее на воду. Представляешь, они говорят, что, не дав судну названия, – это дурная примета. Что ты решил? Хотя, постой, хочешь, я угадаю? С одного раза. «Мэри»?

– Нет, – сказал Говард. – «Снежинка».

* * *

Свое отставание от лидеров гонки Говард воспринимал с философским спокойствием, на иное и не рассчитывая. Столь же стойчески встретил он и шторм, внесший коррективы в его первоначальные планы. Не особенно противясь стихии, Говард позволил непогоде оттеснить «Снежинку» к островам Мадейра, а потом и к Канарам. Когда буря улеглась, оставив после себя длинные покатые волны и легкий бриз, он распустил паруса и вновь повернул на запад.

Ни памятный шквал у берегов Уэльса, ни последующие передраги не оставили на «Снежинке» сколько-нибудь заметного следа. Разлившаяся бутылка с оливковым маслом и треснувшая плексигласовая сфера в крыше каюты, позволяющая наблюдать за парусами, не выбираясь на палубу, – вот, пожалуй, и весь ущерб. А так «Снежинка» была в прекрасном состоянии. Она бежала, подгоняемая устойчивым пассатом, и ярко-красный спинакер²⁴ часами оставался надутым, как баскетбольный мяч, радуя глаз и вселяя спокойное довольство в сердце Говарда, который наконец-то получил возможность вкусить заслуженного отдыха.

Он был вдалеке от оживленных торговых путей, и все же иногда на горизонте появлялись корабли, но ни один из них не подошел достаточно близко, чтобы Говард мог разобрать в бинокль его название или определить по флагу страну приписки. Вызывать же их по радию он не хотел – зачем?

Фиеста продолжалась семь дней. Плавание все больше напоминало необременительный для экипажа, пусть и состоявшего из одного человека, круиз.

Что удручало Говарда, так это жара. Он спасался от нее, ныряя в зеленые воды Атлантики, благоразумно надев пояс с карманами, набитыми отпугивающим акул порошком, и обвязавшись тонким капроновым тросом. Остаться в волнах и смотреть, как удаляется от тебя яхта? На то у него не было ни малейшего желания.

Он загорел до черноты, стал отращивать бороду. Солнце выбелило волосы. И все это было ему по нраву.

Вечерами Говард блаженствовал: сидел, не мешая авторулевому выполнять свои обязанности, курил, пил пиво, слушал музыку и смотрел, как появляются на темнеющем небе звезды. Он думал о родителях, о детстве, о Кристине, о Мэри, о Матти. Иногда вспоминал «войну в заливе», пыль, кровь и чадающие в полнеба взорванные нефтяные скважины. Сколько же времени упущено!

Идиллический период безделья завершился удручающим прогнозом, полученным во время очередного сеанса радиосвязи.

Закончив прием, Говард выбрался на палубу и посмотрел на небо, на котором застыли перистые облака. Легкое волнение, ровный ветер. Ничто не указывало на то, что в просторах

²⁴ Треугольный парус большой площади, который ставится впереди мачты и стакселя

Атлантики зародился очередной ураган. Может, синоптики ошибаются? Ведь ошиблись же они, предсказав благоприятную погоду на первом этапе гонок!

К вечеру небо заволокли тучи. Гладь океана вспороли крутые волны. Пронесся короткий ливень. Ветер усиливался, к полуночи его скорость достигла 10 баллов.

– Все, отдохнули, – сказал себе Говард. – Пора работать.

Глава 5

Получив сообщение о надвигающемся шторме, Андрей смотал леску на удилицах и заменил геную²⁵ на рабочий стаксель. Грот решил пока не трогать.

В каюте он постарался понадежнее закрепить все, что могло сорваться с места и отправиться в полет по замкнутому пространству, грозя дать зазевавшемуся человеку расквасить нос, а если получится, то и раскроить череп.

Прибравшись и на штурманском столе, прижав металлическими держателями карты и навигационный инструмент.

С особой тщательностью проверил крепления прозрачного колпака, прикрывающего дублирующий штурвал. При необходимости он может задрать люк и управлять яхтой из рубки, выведя туда шкоты.

Следовало позаботиться и о пропитании. Андрей наполнил термос горячим чаем с лимонником, сунул в карман комбинезона две пачки галет, несколько сухарей, упаковку мармелада и пакетик с орешками. Не надо быть провидцем, чтобы знать: все это ему пригодится. Но это – потом, а пока можно отобедать более-менее по-человечески. Он залил кипятком мюсли и заставил себя съесть целую миску этой малоаппетитной, на его вкус, однако чрезвычайно калорийной кашицы.

Он ел, отправляя в рот ложку за ложкой, и смотрел на фотографии, укрытые прозрачным пластиком и плотно устилавшие поверхность стола. Мама, отец, Питер, дача в цветах, лес, поле, Сашка...

* * *

Утром следующего дня – следующего после их встречи с Сашкой на Невском, – он встал рано. Сашка еще спал, уткнувшись лицом в подушку.

Андрей тихо оделся и выскользнул в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь. Сполоснул лицо в ванной и отправился на кухню.

– Мам, мне отлучиться надо. Пусть Сашка меня подождет. Мы в яхт-клуб поедем.

– А ты на работу не пойдешь?

Андрей не стал объяснять, что теперь ему предстоит совсем другая работа, долго выйдет, поэтому отмахнулся:

– Я сегодня свободен.

– Поешь чего-нибудь.

– Да я не надолго. Вернусь, тогда и наверну. Ну, я побежал.

В прихожей он оделся и стал обшаривать карманы пятнистой кутки друга. Ключи лежали в боковом. Андрей подбросил их на ладони и вышел из квартиры.

На Васильевском острове он был через пятнадцать минут. Лишний раз подумав, как же близко они с Сашкой были друг от друга все эти годы... и как далеко.

Андрей изрядно поплутал, прежде чем нашел нужный подъезд. Дом и номер квартиры он у Сашки вчера аккуратно выпытал, а как пройти к его хоромам, не заблудившись в проходных дворах-колодцах, спрашивать поостерегся, понимая, что друг снова начнет его отговаривать от выяснения отношений со своими соседями.

²⁵ Стаксель большой площади, который поднимается при слабых ветрах

Поднявшись по лестнице с искрошенными, как зубы у старого пьяницы, ступенями, он остановился перед обитой дерматином дверью. Андрей достал ключ и вставил его в замочную скважину. Он не знал, что его ожидает. Может быть, комедийная сцена, вроде той, которую с блеском исполнил Аркадий Райкин в давнишнем фильме, а может, разборка коммунального масштаба с угрозами и хватанием за грудки. Второе, судя по рассказам Сашки, вероятнее. Жизнь, это вам не кино. И все же Андрей не колебался – повернул ключ и толкнул дверь.

– Не сдох, значит, – услышал он, и в следующее мгновение из комнаты справа появился безразмерный мужик с покатыми плечами и ручищами до колен.

Андрей закрыл за собой дверь.

– Ты кто?

– Я друг Александра.

– Зина! – крикнул мужик, не поворачивая головы. – Тут какой-то хмырь. Говорит, соседский дружок. Позвони в милицию, пусть едут.

– Как же она звонить будет, если вы телефонный провод обрезали?

– Мы по мобильнику. А ты откуда про провод знаешь?

– Я много знаю. Так что пусть звонит супруга ваша, пусть милиция приезжает. Все вместе и поговорим.

– О чем?

– О том, позволительно ли измываться над инвалидом-орденоносцем, и вообще, как вам жить дальше – вместе или порознь. На мой взгляд, лучше порознь.

– Что? Да я тебя!..

Из комнаты вылетела патлатая ведьмочка с крысиным лицом и заверещала, выплевывая слова с такой скоростью, что разобрать их было решительно невозможно. Андрей все же попытался – не получилось, и оставил это дело.

Между тем гора жира и мяса надвигалась на него. Мужик замахнулся. Развернуться в коридоре было особенно негде, но Андрей сумел уйти от удара. Кулак врезался в стену. Квартира огласилась истошным воплем. С потолка снежным крошевом сыпалась побелка.

Ведьма по имени Зина завизжала и кинулась на Андрея, норовя вцепиться скрюченными пальцами в глазницы. Он оторвал ее от себя и затолкал в туалет. Захлопнул дверь и ударил с оттяжкой и чуть сбоку по замку. Язычок щелкнул, ломая возвратную пружину, и намертво засел в пазе. Так-то лучше. Пусть посидит, остынет, может и облегчиться, коли охота будет.

Обернулся он вовремя. Мужик, растопырив руки, шел на него. Андрей опять уклонился и ударил сам – в солнечное сплетение. Мужик согнулся, постоял так, согнувшись, будто раздумывая, падать или не падать, и рухнул на пол. Глаза его вылезали из орбит. Рот открывался и закрывался, как у рыбыны, выброшенной на берег.

Андрей наклонился к нему.

– Лучше уезжайте. Сами. А то в следующий раз я приду и убью тебя. Или ее.

Ведьма ломилась в дверь туалета и неразборчиво сыпала проклятиями.

– Я... милицию... – Мужик выталкивал из себя по слову и вращал зрачками. – Я...

– С милицией я договорюсь, – пообещал Андрей, пнул дверь туалета, цыкнул на ведьму, подумал, не пнуть ли и мужика под ногами, но счел, что на сегодня с этого урода достаточно. Теперь можно и к участковому наведаться.

На лестничной площадке он натолкнулся на седобородого дедка в траченном мольбу пальто и матерчатой сумкой в руке. В сумке уныло позвякивало. Пустые бутылки, наверное. Сейчас многие пенсионеры этим промышляют.

– Чего они там? – спросил старикан, прислушиваясь к женским воплям, доносящимся из квартиры.

– Милые бранятся, только тешатся, – сказал Андрей. – Однако участковому сообщить не мешает. А то как бы чего не вышло. Правильно я говорю?

Дед задумался, прикидывая, прав стоящий перед ним парень или не прав, потом проговорил:

– Вообще-то муж и жена – одна сатана. Но уж больно много в них сатанинского. Раньше-то тихо было, а как вселились, через день тарарам. Ты и впрямь сходи, мил человек, сообщи властям. Пусть утихомирят. Глядишь, и соседу их, Санечке, полегче будет. Изводят они его, поедом едят.

– Да ну? А он мне ничего не говорил.

– Гордый потому что. Вы к нему заходили?

– Не застал, – развел руки Андрей. – А где мне участкового сыскать, не подскажете?

– Отчего не подсказать, подскажу.

Дедок объяснил все подробно и точно, так что вскоре уже стоял перед участковым. Поздоровавшись со сдержанной вежливостью, он объяснил причины своего визита, а также изложил свои пожелания.

Сидевший за колченогим столом участковый, габаритами под стать соседу Сашки, попытался что-то сказать, но Андрей не позволил себя перебить. Тогда участковый, молодой совсем парень, набылчился и стал судорожно лапать кобуру:

– Ах, ты, сявка...

Безразмерное брюхо над поясом не позволило ему сноровисто выпростать табельный «макаров», а потом было уже поздно. Андрей прижал запястья участкового к потертой поверхности стола.

– Не советую, – тихо проговорил он, глядя в глаза раздобревшему на скудном милицейском жаловании борову в мышинного цвета форме. Андрей отлично помнил наставления лейтенанта Божедомова – не связываться с милицией, но сейчас по-другому было нельзя. Правил без исключений не бывает.

– Не советую с «чеченцами» связываться, – повторил он. – Себе дорожке выйдет. Они люди войной порченые, могут и зашибить ненароком. А народ их любит и в обиду не дает. – Тон его изменился, стал деловитым. – Деньги, что от этих пришельцев получил, верни.

– Не брал я ничего, – прохрипел участковый, даже не пытаясь освободить руки от захвата. Впрочем, ему это так и так и не удалось бы.

Андрей еще чуть сдавил запястья.

– Не надо! – застонал милиционер. На лбу его выступили крупные капли пота. Как горошины. Вот одна скатилась, повисла на кончике носа-пуговики и сорвалась на подбородок. Андрей сплюнул, не сдержался.

– Не буду. Если врать перестанешь. Значит, отдашь деньги их поганые?

– Не возьмут! – задышливо воскликнул участковый. – Испугаются.

– Возьмут. Они жадные.

– А если все-таки?

– В какой-нибудь благотворительный фонд отдай, мне квитанцию предъявишь. А против беженцев этих дело заведешь, если они и дальше хамить будут. Понял? И последнее. Заупрямишься, юлить станешь, на меня бочку катить – тут же узнаю, уж поверь, есть такая возможность. Имей в виду, у меня на тебя целое досье собрано. Папочка с тесемочками. А в ней бумажки разные, заявления, свидетельства... Дернешься, тут же пушу в ход! И тогда сидеть тебе, паря, на нарах, а таких, как ты, жирненьких, там любят: если сразу перо в бок не воткнут, так что помягче и потолще в другое место – обязательно. Что выберешь – дуба дать или петухом закукарекать?

Боров хрюкнул. Вислые щеки его тряслись.

– Вижу, уяснил. Повторного урока, надеюсь, не потребуется.

Не потребовалось. Блеф сработал. Участковый провел с бывшими беженцами разъяснительную беседу, и те быстренько съехали, обменяв комнату в квартире Сашки и клетушку на

окраине на вполне приличную двухкомнатную квартиру недалеко от центра. Если они и прогадали в площади по сравнению с той, на которую зарились, то совсем немного. Такие нигде не пропадут.

* * *

Андрей доел мюсли, налил кофе. Приподнявшись, посмотрел сквозь плексиглас колпака на океан. Пока еще относительно тихо, хотя волнение усилилось, кое-где видны барашки пенистых гребней.

Последние дни Атлантика была такой ласковой, умиротворенной, словно решила безупречным своим поведением опровергнуть заверения всех, кто видит в океане лишь немилосердную стихию, от которой человек должен ожидать лишь бед и несчастий. Но теперь, заставив усомниться в былых воззрениях, океан готов был подарить бурю, явив другой свой лик – суровый, беспощадный и, вероятно, все же истинный.

Андрей включил спутниковый навигатор. На экране высветились его координаты. Запросил метеосводку, и на карте Атлантики высветились закрученные в спираль вихри. Он вывел курсор на квадрат, в котором находилась «Птичка», щелкнул «мышкой», и картинка увеличилась. Пока еще квадрат был темным, что означало спокойное море, но в углу была явственно заметна белая полоска, которая упорно наползала на экран. Часа через два весь квадрат станет белого цвета...

Андрей покрутил ручки настройки радиации. Эфир был полон голосов. Шедшие за ним яхты уже испытывали на себе мощь урагана.

Яхта вздрогнула, приняв на палубу догнавшую ее волну. Андрей щелкнул тумблером, обесточивая приборы, и бросился вон из каюты.

– Ёкарный бабай!

У горизонта громоздились тучи. Вода на глазах теряла зеленоватый оттенок, предпочитая ему серо-стальной. Ветер крепчал с каждой минутой. Волны все выше, точно в ознобе, скидывали мохнатые белые воротники.

Андрей спустил грот. «Птичка» тотчас отозвалась на уменьшение парусности – сбавила скорость, стала мягче всходить на волну, уже не зарываясь в нее носом.

Напялив оранжевый спасжилет, Андрей застегнул страховочный пояс и встал к штурвалу. Отсоединив удерживающие его стропы, он повернул яхту так, чтобы пенные валы накатывались точно с кормы. Маневр удался: очередная волна, готовая обрушиться на палубу, за два-три метра до яхты вдруг сникла и стыдливо скользнула под днище.

«То-то же!» – подумал Андрей, вознеся хвалу небесам и Сашке, спроектировавшему судно, столь послушное рулю.

* * *

До отъезда соседей Сашка жил сначала у Андрея, а потом перебрался в здание яхт-клуба, где были комнаты, предназначенные для приезжих иногородних спортсменов. Одну из них он и занял. Андрей не стал его удерживать, понимая, что в клубе другу будет лучше: среди людей скучать и жалеть себя некогда, а потом – наконец-то при деле человек, для мужчины это, ох, как важно! Позже, когда в комнату беженцев вселилась во всех отношениях приятная молодая пара с ребенком, он появился в родных пенатах, но присутствием своим молодоженам не досаждал, целыми днями пропадая в яхт-клубе, нередко оставаясь там и на ночь. Ему там было хорошо.

Но это потом, а когда Андрей первый раз привез Сашку в яхт-клуб, друг был смущен и скован. Андрей же, напротив, вел себя беззаботно, может, перебарщивая в этом. Об учиненной поутру разборке с соседями, он, естественно, не обмолвился ни словом. Но Сашку, видно, эта нарочитая веселость как раз и насторожила, поэтому он косил на друга глазом, явно в чем-то подозревая. Андрей, однако, отвечал таким чистым, таким искренним взглядом, что озвучить свои подозрения Сашка не решился.

Президента клуба, ведавшего и кадровыми вопросами, на месте не оказалось, и друзья отправились к причалам. Сашке понравились и праздничная окраска швертбота Андрея, и неоправданно грозное имя «Марс», и свежесваренный кофе в уютной кают-компании, но прежде всего люди: открытые, с обветренными лицами, улыбочивые, сплошь оптимисты.

Затем последовало продолжение экскурсии. В эллинге двое парней раскладывали на полу картонные шаблоны судового набора мини-катамарана. Сашка посмотрел-посмотрел, а потом, быстро взглянув на друга – то ли извиняясь, то ли спрашивая разрешения, дал несколько советов. Настолько дельных, что Андрей тут же насел с расспросами. Сашка краснел, мялся, но в конце концов выяснилось, что в институте он специализировался на малотоннажных судах. Отличник кафедры! Диплом по профилю! Правда, на заводе, куда он попал после учебы, ни лодками, ни катерами, ни тем более яхтами не занимались, там делали (именно что в прошедшем времени) серьезные посудины для торгового и военно-морского флотов. Но любовь к маломерным судам у Сашки осталась... Как первая любовь.

– Ты же ценный кадр! – воскликнул Андрей. – Такое золото – и в вахтеры? Это все равно что фарфором гвозди заколачивать. Эффектно, осколков много, но нерационально.

Очень кстати появился президент яхт-клуба, и Андрей отправился на переговоры. Были они трудными и долгими, однако закончились безоговорочной победой здравого смысла над суровой действительностью. Как президент исхитрился, где нашел средства, осталось неведомым, но через два дня Сашку зачислили в яхт-клуб штатным конструктором с весьма широким, неопределенным, а значит необременительным набором обязанностей. Зарплату ему положили небольшую, смешную даже, но Сашка был счастлив и старался изо всех сил, чтобы никто даже в мыслях не попрекнул его, инвалида-колясочника, дармоедством.

Пусть бы кто попробовал! Андрей тут же объяснил бы – активным физическим воздействием, как неправ обидчик. Однако он понимал, что испытывает друг и в свою очередь всячески помогал ему. Около токарного и фрезерного станков, с которыми Сашка умел управляться, он соорудил помосты, чтобы друг мог работать сидя в коляске. Но со временем Сашке стало не до таких «грубых» занятий. Токарить могут многие, а вот разобраться с чертежами яхт – единицы.

Тут как раз завершился еще один раунд переговоров Андрея с президентом яхт-клуба. Тот внимательно изучил представленные Андреем учредительные документы, финансовый план, бизнес-проект в целом. Убедившись, что настроен Горбунов серьезно, сам же он ничего не теряет, а вот приобрести может, яхтенный начальник дал добро на аренду полуразрушенного сарая, в котором Андрей был намерен организовать производство спортивных байдарок и каноэ. Для начала...

С этой идеей он носился давно, под нее копил деньги, работая переводчиком. Вдохновленный ею, он в конце концов покинул экспортно-импортную фирму и... в тот же вечер встретил своего будущего партнера.

Андрей с откровениями не торопился, а когда открылся, то Сашка, выслушав друга со вниманием, не загорелся тем же пламенем, напротив, он осторожно высказался в том смысле, что дело сложное, незнакомое, затратное, чреватое таким фиаско, после которого не каждый поднимется.

– Смотри, Андрей, в долги залезать придется, а с чего отдавать?

– Не бойсь, Саня. Мы торопиться не будем. Мы потихонечку. По копеечке, по рублику...

– Мы?

– Предлагаю должность генерального конструктора и звание полноправного партнера. Согласен?

– Ты еще спрашиваешь!

Работы у них было через край. Оборудовали мастерскую. Пока суть да дело, ремонтировали педальные катамараны и «фофаны» с досками внахлест из городских парков. Благопо-

лучно пережив трехгодичный этап становления, отбившись от налоговиков, готовых пустить их по миру, ускользнув от внимания рэкетигов, они взялись за парусники, причем сразу за килевые крейсерские яхты. Чтобы не тратиться на лицензии, проектирование целиком было возложено на Сашку. И он проектировал. А друг его строил. Конечно, не все своими руками от гвоздя до гвоздя, Андрею помогали специалисты, которых он собирал по всему Питеру, строго контролируя, но и щедро оплачивая их мастерство.

Зато испытывали яхты они на пару. Уходили в море и обкатывали новое судно, чтобы позже передать его заказчику без потаенной дрожи: а вдруг что не так? И дело тут было не только в престиже, в марке фирмы. На море сплошь и рядом бывает, что от качества судна только и зависит человеческая жизнь. Они не хотели брать грех на душу.

Быстрота и безупречность исполнения мало-помалу стяжали им известность в кругах знатоков, у которых не хватало и в принципе не могло хватить денег на импортные яхты, но которые понимали толк в крейсерах, недорогих, но надежных и ходких. А известность – это новые заказы и деньги. С деньгами же на многое можно решиться.

Однажды при возвращении с обкатки очередной яхты собственного изготовления Андрею неожиданно пришла нахальная мысль об участии в гонке яхтсменов-одиночек. Он поделился ею с другом.

– Авантюра! – немедленно отвечал тот.

Сашка вообще был своеобразным тормозом, не позволявшим другу чересчур резво набирать обороты. Он был против поспешных шагов, необдуманных действий, рискованных решений. По этой причине, кстати, из него не мог получиться яхтенный рулевой, зато штурман вышел отменный.

– Авантюра? Это как посмотреть. Если поскрести по сусекам и не гнать лошадей...

– Ты о деньгах, а я о другом. На чем гоняться будешь?

– А ты на что?

– Я?

– Кто у нас главный конструктор? Вот и создай что-нибудь эдакое! По карману, но со вкусом. И чтобы перед заграницей было не стыдно. Или слабо?

Сашка нахохлился, и в своей коляске стал похож на старого ворона. Он молчал долго, хмурился, потом выдавил:

– Я подумаю.

Думал Сашка три дня.

Первый день с утра до вечера он просидел перед компьютером, надрывая Интернет и перелопачивая сайты английских, финских, французских, австралийских и американских фирм, признанных лидеров в строительстве океанских яхт.

Второй день, обложившись справочниками, он выстраивал колонки цифр и что-то чертил на экране компьютера, по обыкновению предпочитая его графическим программам и экрану монитора.

Третий день он просто сидел на причале и смотрел на воду. Андрей ему в этом не мешал.

Утром четвертого дня Сашка изрек:

– Можно попробовать. Через неделю скажу больше.

Семь дней спустя он действительно сказал больше:

– Я тут набросал кое-что, – и расстелил перед Андреем листы ватмана с эскизами грациозной яхты.

Андрей потер руки:

– Ну-с, посмотрим, с чем это едят!

Считаясь предпринимателями и будучи ими, они не были «новыми русскими» до такой степени, чтобы играючи бросаться пачками долларов. О банковских кредитах даже речь не шла, тех же средств, которыми они располагали, и которые надеялись выручить в обозримом

будущем, в том числе от продажи «Марса», должно было хватить на постройку именно такой яхты – классического полутонника. Разумеется, с упрощенными обводами. Конечно, с парусами не из кевлара²⁶. Конечно, конечно, конечно...

Через год «Северная птица» была спущена на воду. Не яхта – загляденье! Между собой они ласково называли ее «Птичкой».

Еще год потребовался на оснащение яхты необходимым электронным оборудованием. Не всем, разумеется, потому что если всем – уж точно никаких денег не хватит. Попутно друзья провели несколько прибрежных плаваний, а когда убедились, что яхта готова и к большему, Андрей принял участие в гонке одиночек. Ту свою дебютную гонку он выиграл. И призовые получил, очень приличные, надо сказать, призовые.

В активе Андрея было много больше шестисот квалификационных миль, пройденных в одиночку, когда пришло время подавать заявку в оргкомитет Трансатлантической гонки. В полученном ответе содержались указания, когда он должен прийти в Плимут, и что, помимо спортсмена, должно быть на борту яхты, чтобы участие в гонке стало возможным. Например, ноутбук с элетронной почтой, спутниковый телефон, солнечные панели, автоматическое подруливающее устройство и так далее, и прочее с прочим. Стоило все это немыслимо дорого, денег у друзей катастрофически не хватало, и тогда встал вопрос о спонсорах. Но ведь их еще надо найти! Всеми правдами и неправдами Андрей попал на телевидение, в вечернее ток-шоу, где рассказал о предстоящем плавании и посетовал, что без дополнительной финансовой поддержки оно может не состояться. В общем, помогите, люди добрые!

Нашлись, откликнулись, принесли в клювике – не слишком много, но это было уже кое-что. Логотипы фирм Андрей с Сашкой нанесли на борт яхты.

– Чтобы их здесь не было! – заявил лощеный молодой человек, явившийся последним и от порога бросивший пренебрежительный взгляд сначала на кирпичные стены бывшего сарая, а потом и на Сашку с Андреем. – Наша пивоваренная компания готова оказать вам спонсорскую поддержку, но при соблюдении ряда условий. Одно я уже озвучил: вы прославляете нас и только нас. Второе: вы должны принять участие в рекламных фотосессиях, наши визажисты подготовят вас к ним. Третье: вы должны дать своей яхте название нашей компании. Четвертое: вы должны подписать обязательство, что, если вы, конечно, останетесь в живых, следующие свои плавания будете совершать при эксклюзивной спонсорской поддержке нашей фирмы. Пятое: вы должны...

– Ничего мы вам не должны, – сказал Сашка.

– Что?

– Пошел вон.

– Что?

– Саш, успокойся, – примиряюще проговорил Андрей. – Ну, дурак, что с него взять?

– Да что вы себе позволяете?! – вскипел представитель пивоваренной фирмы.

– Идите отсюда, – ласково посоветовал Андрей. – Вы находитесь на территории частного предприятия, и его владельцы не желают вас видеть. Все ясно?

Молодой человек вскинул подбородок и направился к выходу. У двери остановился, обернулся, прошипел, как выплюнул: «Идиоты!» – и гордо покинул мастерскую.

– Ну и ладно, – сказал Андрей, хлопнув друга по плечу. – Ну и черт с ним, давай думать, где деньги взять.

– Я знаю – где. Хотя не знаю, как ты к этому отнесешься.

– Принимаются любые предложения. Кроме продажи собственных органов. Можно, конечно, и продать – почку, там, или селезенку, но как-то, знаешь, не хочется.

– Давай продадим «газель».

²⁶ Особо прочная синтетическая ткань, почти не подверженная растяжению

Андрей прикинул, что они выгадают от продажи купленной в прошлом году машины, которую они гоняли и в хвост, и в гриву. Маловато выгадают.

– Ну... – начал он, но Сашка не дал ему договорить, перебил:

– И мастерскую.

Этого Андрей не ожидал.

– А ты как же?

– За меня не беспокойся. Вернусь в яхт-клуб. Столярничать буду, слесарить, паруса шить. На жизнь хватит. Андрей, это шанс! Профукаем – ни ты, ни я себе этого никогда не простим.

– Через четыре года будет новая гонка.

– А что будет с нами через четыре года? Кирпичи, вон, по-прежнему с крыш падают

– Да ну тебя!

– Я серьезно. Ни к чему наперед загадывать. Вернешься – начнем все сызнова. Руки есть, головы на плечах тоже, не пропадем.

– Сашка, ты – друг! – только и смог вымолвить Андрей.

Вырученных от продажи мастерской денег хватило с избытком. Андрей послал в Англию подтверждение о своем участии в гонке.

Оставалось одно препятствие – родители, которые не оставляли попыток отговорить сына от нелепой, почти что безумной затеи. Но в конце концов и этот бастион пал. Мама плакала, и уже ничего не говорила, только закатывала банки с огурцами – пусть сынуля в Атлантике полакомится. Отец хмурился, сушил ржаные сухари, щедро посыпал их солью и заворачивал в вакуумную пленку.

– Там черного хлеба днем с огнем не сыщешь, – говорил он. – А без черного хлеба русский человек не может.

Андрей не спорил, он был счастлив уже тем, что родители смирились.

За две недели до отплытия в Англию они распустили паруса «Северной птицы» и последний раз на пару вышли в Финский залив.

Яхта вела себя выше всяких похвал, аплодируя им парусами при смене галсов и уверенно выдерживая курс даже с отключенным авторулевым.

* * *

– Ах, ты, моя девочка! – сказал Андрей, когда еще одна волна скользнула под корму «Северной птицы».

Это неоспоримое достоинство своей яхты – держать заданный курс – Андрей в полной мере оценил только в Атлантике. На широте мыса Финистерре, самой западной точки Испании, ходко идущая в бейдевинд²⁷ «Птичка» вдруг словно споткнулась, возмущенно заполоскав парусами. Как выяснилось, напрочь стесалась зубчатая передача, а без нее авторулевой – всего лишь комбинация шестеренок и тяг, короче, никому не нужный мусор.

Андрей знал немало случаев, когда, лишившись авторулевого, яхтсмены-одиночки прерывали плавание, полагая его отныне сопряженным с неоправданными трудностями. А все потому, что их суда имели склонность к рысканью, что в свою очередь предполагает при отсутствии подруливающего устройства практически безотлучное пребывание спортсмена у румпеля или штурвала.

«Птичка» не обременяла своего капитана подобными заботами. Выставив курс, настроив паруса и закрепив штурвал растяжками, Андрей мог по часу, а то и более не прикасаться к нему. Однако в такой шторм, как сейчас, даже такая прекрасная яхта, каковой, без сомнения, была «Северная птица», требовала неусыпного внимания.

²⁷ Курс судна против ветра

А буря между тем распалялась все сильнее, точно дикий зверь, который жаждет крови, но никак не может заполучить причитающуюся ему добычу и насытиться ею. Волны превращались в утесы; впадины между ними сначала напоминали овраги, потом – ущелья.

«И это только начало!» – думал Андрей, оглядывая взбешенный его нежеланием отправиться на дно водный мир.

Он знал возможности «Северной птицы» и настолько уверовал в ее неуязвимость, что не сомневался: этот тяжелый экзамен она тоже выдержит с честью. Как выдерживала прежде, откупаясь от штормов самой незначительной и, в общем-то, обязательной данью: осыпавшимися пластинами аккумулятора, треснувшим гиком²⁸, порванным стакселем или тем же сло-манным авторулевым. Ничего страшного, у него была запасная аккумуляторная батарея в носо-вом отсеке, стаксель он зашил, на гик поставил металлические накладки, а без авторулевого он обойдется!

Свинцовый рассвет, пришедший на смену непроглядной тьме, застал его промокшим до костей. Для него и прежде не было секретом, что реклама непромоканца, изготовленного в Германии, беспардонная лажа, но чтобы так промокал!..

Когда руки коченели, Андрей стягивал перчатки и начинал тереть ладони друг о друга, потом изо всей силы колотил кулаками по палубе – только после таких упражнений и избиений к пальцам возвращалась чувствительность.

К девяти утра он был уже настолько измотан, что буквально заставил себя съесть несколько галет и сухарей, запив их чаем. Пачку мармелада он выронил, и ее смыло за борт. Жалко было до слез.

Ему было все труднее сражаться с бурей, но еще труднее – со сном. Ну, это ему не впер-вой... Андрей смежил веки. Это было короткое, не более минуты, падение в небытие. Он открыл глаза, оглядел такелаж, взглянул на компас. Все нормально. Можно еще поспать. Он закрыл глаза, чтобы снова проснуться через минуту. В таком ритме он провел следующие два часа. Даже в эти краткие минуты он видел сны. Видел Сашку.

* * *

– Когда подарочек вручать будешь? – спросил Андрей, глядя, как Сашка полирует «мель-ницу».

– Не терпится? Десять дней подождать не можешь? Между прочим, подарок тогда хорош, когда вручен вовремя – ни часом раньше, ни секундой позже.

– И когда же наступит сей благословенный миг?

– Думаю, в ночь...

– ...перед Рождеством.

– Перед отплытием. Пойдем примерим, как встанет. Но устанавливать я ее сегодня не буду, рано еще.

– Ага, не дорос, – хмыкнул Андрей.

Они отправились на причал.

У трапа стояли три человека. Двое в кожаных куртках озирались, очевидно, выглядывая хозяина яхты, а третий, мужчина в длинном плаще, смотрел прямо перед собой, глаз не отводил от «Северной птицы».

– Вот и они, – громко сказал один из озиравшихся. – Точно они. Мне про калеку гово-рили. Где калека, говорят, там и он.

Мужчина в плаще повернулся:

– Ты Горбунов?

– Ну, – подтвердил Андрей, готовый на хамство ответить тем же. – А ты кто такой?

²⁸ Горизонтальная балка, одним концом подвижно закрепленная на мачте; служит для растягивания нижней кромки грота

Накачанные парни в куртках, готовых лопнуть под напором мускулов, переглянулись и вынули руки из карманов. Но приказа не было, и кулаки разжались. Мужчина тем временем смерил Андрея взглядом глубоко посаженных глаз:

– Кудреватых моя фамилия. Слышал?

– Не довелось.

– А про Кудрю слышал?

– Так бы и говорил.

О Кудре он слышал. Видеть не видел, а слышал не раз. О нем все что-то знали, все краем уха слышали. Кудря «крышевал» много и многих. Ладил с ментами. Подкармливал политиков калибром поменьше и прессу тиражом побольше. Было дело, хотел попасть в Законодательное собрание, но тут уже не местная – московская власть уперлась. Так что остался Кудря простым бандитом, правда, с большим авторитетом.

– Ты, Горбунов, не налей. Ты скажи, когда должок вернешь?

Андрей сбавил тон и перешел на «вы»:

– Я у вас не одалживался.

– Да ну? А ты думал, мил человек, почему тебя мои мальчики не посещали? Ко всем в округе наведывались, а к тебе нет? Везунчиком себя считал, наверное. Нет, паря, ты мне по жизни должен, за спокойствие свое. Нюх у меня, понимаешь, редкий. Подсказало что-то: пригодишься еще. А я со своим чутьем не спорю. Да и чего спорить, чего упираться, если взять с твоей сраной фирмочки все равно было нечего, так, крохи. Вот почему вас не трогали, берегли, можно сказать, про запас. Теперь пришло время, пора расплачиваться.

– Поздно, – сказал Андрей. – Фирма закрылась. Мастерская продана. Деньги потрачены.

– Да не нужна мне твоя фирма. И деньги не нужны.

Бандит достал портсигар, золотом и крупинками бриллиантов сверкнувший на солнце. Телохранитель услужливо подскочил с зажигалкой.

– Ты вот за океан собрался. А что ж, пусть все знают, на что русский мужик способен. Хотя, конечно, дурь редкостная – головой своей попусту рисковать. Но это твое дело, потому что голова это твоя. А у нас как-никак демократия: хочешь со смертью в очко переброситься – пожалуйста. С ней многие играют, со смертью, да кое-кто заигрывается. Есть у меня один знакомый человечек, хороший парень, только больно горячий. Рассказывать, что он такого наделал, я не буду. Тебе это ни к чему, с тебя и того довольно будет, что хочется мне дружку помочь. Уехать ему надо за границу, потому как здесь жизни не будет. Легавые со статьей будто с цепи сорвались, ищут его, даром что на прикорме. И ведь поймают, суки рваные! А потом – что? Зашлют дружка моего на остров Огненный, где с пожизненным сидят, там он концы и отдаст. Лет через двадцать, парень-то он крепкий, жилистый. Ох, не хочется мне, чтобы ему такая судьба выпала. Что я, зверь? Пусть лучше на Канарах или в Греции пузо греет, меня добрым словом вспоминает. И тебя тоже.

– Не понял.

– А чего понимать? Ты его за границу и доставишь. У тебя остановка в Дании есть? Есть, я знаю. Там его на берег ссадишь. И плыви себе дальше к своей Англии, а потом хоть через Атлантику, хоть вокруг шарика. Теперь ясно?

– Почти. Один момент уточнить. Яхта у меня маленькая, куда я вашего товарища спрячу?

– Ну, это уже твое дело. Найдешь какой-нибудь уголок.

– Пограничники...

Кудря затянулся сигаретой, выпустил струю дыма, потом прищурился, отчего лицо его покрылось сеткой морщин:

– Ты, Горбунов, не мельтеши. Не люблю я этого. Погранцы твое корыто уже столько раз досматривали, что жопу рвать не станут. Да и герой ты у нас – без пяти минут, а героев по черному не шмонают. Так что ты не человека, слона провезти можешь, никто не чухнется.

– Я имел в виду датчан.

– С этими лохами вообще проблем не будет. Дружок мой плавает хорошо. Подойдешь поближе к берегу, и пусть плывет. Он – в одну сторону, ты – в другую. В общем, свободен, как говно в проруби.

– А зачем такие сложности? У нас границы не то, что прежде, не на запоре. Хочешь – в Финляндию с туристами, хочешь – с «челноками» в Польшу.

– Там какой-никакой, а риск. С тобой – никакого.

– Так уж никакого?

– Ну! Ведь ты молчать будешь и сделаешь все так, как велено. Потому что у тебя люди за спиной. Родители, инвалид этот... – Кудря показал глазами на Сашку. – Вякнешь – не жить им. У нас с этим просто.

Андрей сделал шаг, но качки в кожаных куртках заступили дорогу.

– Не чуди, Горбунов, – сказал Кудря. – Имей в виду, я к тебе пока с уважением. Сам приехал, сам говорю. Цени. Короче, сутки тебе на то, чтобы для дружка моего схрон на яхте подготовить. Завтра в это же время приеду – проверю.

Кудря бросил окуроч под ноги Андрею, повернулся и пошел по причалу, заплетая коленями полы плаща. Телохранители чуть помедлили, вероятно, ожидая от Горбунова какой-нибудь выходки, но тот стоял, не двигался, и парни в кожаных куртках последовали за своим хозяином.

Бандиты сели в стоявший в отдалении шестисотый «мерин». Колеса «мерседеса» взвизгнули, проворачиваясь, и автомобиль скрылся за углом здания яхт-клуба. Кудря, видимо, любил быструю езду. Как всякий русский по утверждению малоросса Гоголя.

– Шиздец, – сказал Андрей.

– Полный, – согласился Сашка.

– Что делать будем?

– В милицию надо сообщить. Пусть повяжут.

– А что мы им скажем?

– Все. Пусть приезжают завтра и вяжут.

– Кого?

– Кудрю и кореша его.

– Кудреватых один придет. Ну, с бугаями своими, конечно.

– Тогда пусть Кудрю берут. Он все скажет – и про себя, и про других. Пусть только возьмут.

– На каком основании? Если бы у ментов против него чего серьезное было, они бы его давно повязали. Нет, эту сволочь с поличным брать надо, с уликами и доказательствами. Тогда он, может, дружка своего и сдаст. Что тоже, между прочим, не факт. Дружок-то, видно, наследил изрядно, должно быть, пострелял кого, засветился, а со счетов его все равно не списывают. Фигура, наверное, не даром же Кудря о нем так печется.

– Тогда надо уступить, согласиться для вида, тайник этот устроить, предъявить его и удостоверить, что Кудря не передумает. А потом уже в милицию идти. Перед самым отплытием их и возьмут. Тепленькими. Тут тебе и обвинение и обвиняемые.

– И марш «Прощание славянки». Складно получается, а все-таки еще помозговать нужно. Ладно, давай на «Птичку» перебираться. Мы сюда чего пришли? «Мельницу» примерить. А нас всякими пустяками отвлекают.

Андрей привычно, как делал это десятки, сотни раз, подхватил Сашку на руки и перенес по трапу на борт «Северной птицы». Усадил в кокпите.

Сашка достал из сумки «мельницу», осторожно надел ее на торчащие из палубы шпильки, прихватил гайками.

– В самый раз.

– Красавица, – одобрил Андрей. – Малости не хватает.

– Чего?

– Дарственной надписи, мол, дорогому и ненаглядному учителю сей предмет преподносит с нижайшим поклоном его верный ученик в надежде на сохранение в веках их дружбы...

– Заткнись, а? – попросил Сашка. – Тоже мне, остряк выискался. Ты бы лучше тайником занялся. Может, в моторный отсек его засунем, дружка Кудрино?

– Ага, а в выпускном коллекторе дырок насверлим.

Андрей открыл люк, открывающий доступ к двигателю. Наличие его на «Северной птице» объяснялось необходимостью подзарядки аккумуляторов, так же он использовался при лавировке в порту и проходах по Неве. Мотор был компактный, слабенький, но надежный – шведского производства. Соответственно, и моторная ниша была более чем скромных размеров.

– Нет, – покачал он головой. – Здесь только лилипут поместится. Жаль, а то бы он у нас наглотался выхлопных газов. Придется гада в каюту пустить.

Андрей спустился под палубу, прошел в носовой отсек. Там хранился запасной аккумулятор, а все остальное пространство занимали мешки с парусами. Он оттащил мешки в сторону. Под сантиметровой толщины фанерой, служившей настилом, по идее было достаточно места, чтобы спрятать человека. Подняв фанеру, Андрей прикинул и убедился, что, действительно, может спрятаться. Если скрючится. Так ведь никто комфорта и не обещал.

Вернув фанеру на место, он поднялся на палубу. Сашка уже снял «мельницу» и убрал ее в сумку. Сказал:

– Мне в мастерскую надо.

Вечером Сашка выгравировал на боку «мельницы» два слова – «Ни пуха». И восклицательный знак поставил. Он желал Андрею удачи в смертельно опасном предприятии, каким и сорок, и тридцать, и десять лет назад являлась, каким является и сейчас трансатлантическая гонка яхтсменов-одиночек.

Сашка не знал, не мог знать, не дано это живущим, что его самого смерть настигнет уже завтра.

Глава 6

Штормовой стаксель придавал «Снежинке» такую прыть, что за ее кормой оставался бурлящий пенный след. Яхта начала рыскать. Говард отключил не справлявшийся с нагрузкой авторулевой и взялся в румпель.

Волны росли, набирая массу. Иногда Говарду не удавалось сделать упреждающий маневр, и тогда стаксель начинал оглушительно хлопать, а водяные валы перекатывались через палубу, снедаемые жаждой сначала подранить яхту, развернув бортом к волне, а потом добить ее, раскроив корпус.

Выдерживать курс было непросто, и вскоре Говард чувствовал себя так, будто побывал спарринг-партнером у чемпиона мира по боксу в тяжелом весе. И тот отделал его так, что живого места не осталось. Однако Говард держался, да и «Снежинка» старалась, одолевая волну за волной, не желая подводить безмерно уставшего рулевого.

На исходе шестого часа этой дикой скачки по пенным гребням, Говард услышал нарастающий рев, – так же страшно, наверное, в свое время ревели трубы Иерихона.

Он обернулся.

На яхту надвигалась бродячая волна-убийца!

Возникшая из сложениядвигающихся в разных направлениях водяных пиков, «бродяга» была раз в пять выше любой из волн, до того терзавших «Снежинку». Водяная машина взды-

малась за кормой яхты, грозя подмять и прессом в тысячи тонн раздавить, уничтожить это жалкое творение человеческого ума, вдруг возникшее на ее всесокрушающем пути.

Говард вцепился в румпель, удерживая яхту кормой к волне, и вжался спиной в стенку кокпита. Он смотрел, как вздымается волна-убийца. Будто замороженный, он не мог отвести глаз от этого кошмарного и одновременно чарующего зрелища. Вот она уже в пол неба, вот уже от неба ничего не осталось, ни единого лоскутка. Только вода, кружево пены и раздражающий барабанные перепонки грохот. Сейчас «убийца» обрушится...

И она обрушилась!

Говарда вышвырнуло из кокпита. Он барахтался в воде, не зная, где верх, где низ, и тут «Снежинка», дрожавшая будто в ознобе, стала всплывать. И всплыла, освободившись от мертвенных объятий океана.

На четвереньках пробравшись к румпелю, Говард попытался развернуть яхту, но это ему не удалось.

Волны с грохотом бились в ее борт. Изорванный стаксель полоскался в порывах ветра, не давая тяги.

Надо было срочно выбрасывать плавучий якорь²⁹.

Говорят, человеку неведом предел его прочности. А Говард и не собирался сдаваться. Он еще поборется, он еще поглядит, где она – та черта, за которой опускаются руки и смерть принимается, как избавление. Только бы яхта выдержала...

Он откинул крышку специального контейнера на корме и достал плавучий якорь. Он не успел закрепить его тросом, как услышал за спиной зловещий треск. Обернувшись и подняв голову, он увидел переломленную краспицу³⁰. Просвистел лопнувший ахтерштаг³¹. Через секунду мачта, как подрубленная, повалилась вперед.

«Снежинка» накренилась, Говард упал, выпустив плавучий якорь из рук. Тот кувыркнулся по палубе и улетел за борт.

В любой момент яхта могла перевернуться и затонуть. Говард выхватил нож – тот самый, «память об Англии». Он привык к нему и всегда держал при себе – на ремешке у пояса, естественно, не как сувенир, а как необходимейшую в плавании на паруснике вещь. Послушное пружине, отточенное до остроты бритвы лезвие спринг-найфа выскочило из ручки, и Говард стал кромсать сплетенные из синтетических нитей снасти, удерживающие мачту возле яхты. Но против стальных жил нож был бессилен. Говард пустил в ход кусачки, тоже пристегнутые к поясу. Вот поддалась последняя жила, и, освободившись от непосильного груза, «Снежинка» заплесала на волнах, словно необъезженная лошадь, норовящая сбросить седока.

* * *

– Ты ковбой! – сказал Матти.

– Почему ковбой?

– Они все тупые.

– Это ты зря...

– Ладно, – кивнул Болтон. – Сумасшедшие. Тебе что, острых ощущений не хватает? Слетай в Лас-Вегас, спусти в казино тыщонку-другую, разогрей кровь. Не вдохновляет? Тогда мотани куда-нибудь в дебри – на Аляску, в Амазонию, в пустыню Калахари, на худой конец в Йеллоустонский национальный парк. Хочешь – с Мэри, а хочешь покурлесить напоследок перед свадьбой – прихвати девчонку посимпатичнее, покувыркайтесь там, пристрели пару оленей, поймай десяток лососей – и назад.

²⁹ Мешок конической формы с обручем, который выпускают на тросе с кормы; упираясь в воду, он удерживает судно перпендикулярно волнам

³⁰ Краспицы – перекладыны на мачте, через которые проходят тросы, своим натяжением придающие мачте прочность в поперечном сечении

³¹ Ахтерштаг удерживает мачту с кормы, бакиштаг – с носа

– Не хочу.

– Ну, чего тебе надо? Чего не хватает? Мэри достала? Так брось ее! Ты жених завидный, только мигнуть – налетят, облепят, вздохнуть не дадут. Работа? Побойся Бога! Где еще такую найдешь? Дом, машина, яхта – на все хватает с избытком. Через пару лет тебе обеспечено теплое местечко в правлении банка. И ты готов все это отправить псу под хвост? Ха! Кого ты пытаешься обмануть?

– Но я же объяснил!

– Что объяснил? Ты ничего не объяснил. Я сижу в этом проклятом Айдахо, разбираюсь с бумагами и кретинами из нашего филиала, и вдруг получаю послание по электронной почте. Мол, так и так, Его Величество Говард Баро имеет честь сообщить своему лучшему другу Матиасу Болтону, что он покидает банк и уезжает из Чикаго, потому что ему все надоело. И ты считаешь это объяснением? Я – нет. Я хватаю трубку, я звоню тебе, я спрашиваю, что случилось, а в ответ слышу какой-то детский лепет. О'кей, не все можно доверить компьютеру и мобильной связи. Я мчусь в аэропорт и лечу в Чикаго. В офисе тебя нет, но полным-полно слухов, что ты затеваешь какой-то бизнес на стороне, но делаешь это в строжайшей тайне, пичкая окружающих сказочками о сладости безделья. В это, разумеется, никто не верит. Я тоже не верю, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы принять весь этот бред за чистую монету. Я отправляюсь в «Эльдорадо» и нахожу тебя здесь со стаканом «Чивас Ригал» в руке. Я спрашиваю, что стряслось, что произошло такого-эдакого за время моего отсутствия. И что же? Вместо правды ты несешь околесицу.

– Но, Матти, я ухожу из банка не для того, чтобы открыть собственное дело. Просто ухожу. Буду жить, ходить на яхте...

Друг поставил стакан на стол – так, что виски выплеснулось, а кусочки льда возмущенно звякнули.

– Это я уже слышал. Значит, продолжаешь темнить... Ну, допустим, все так и есть. Ты уходишь... А что скажет об этом Мэри? Думаешь, она обрадуется, что отныне ты не будешь делить свое внимание между без пяти минут супругой и работой, а принадлежать ей и только ей? Учти, она девушка здравомыслящая, практичная, ей твое решение может оказаться не по вкусу. Ладно, не будем о Мэри. За ее будущее можно не беспокоиться, папаша Хиггинс купается в миллионах, и любимую дочурку без опеки не оставит. Не будем и о твоей матери, женщине состоятельной, хотя так волновать ее на старости лет жестоко. С этим-то ты согласен? Но не будем о них. Поговорим обо мне. Ты вспомнил о своем верном друге Матти, когда заявлял руководству о своем уходе? Ты хоть понимаешь, что кидаешь меня на растерзание хищникам? Я не такой умный, как ты, я на двадцать ходов вперед просчитывать не умею. Все, что у меня есть, это наша дружба, твоя поддержка плюс чуть-чуть врожденного обаяния, на котором, увы, далеко не уедешь! Это ведь твоя заслуга, что я оказался рядом с тобой. Кем я был? Сержантом, в подчинении у которого был не самый худший солдат американской армии Говард Баро. Мы вдвоем глотали кувейтскую пыль, мы пили мерзкую, обеззараженную таблетками воду из пустынных колодцев, чей привкус до сих пор на моих губах. Когда ты вывихнул ногу, и я тащил тебя на загривке по пескам, я не рассчитывал на благодарность. Но три года спустя ты нашел меня, ты уговорил меня уйти из армии, ты оплатил мою учебу в колледже, прельстив радужными перспективами. Наконец, ты взял меня в банк. За твоей спиной мне было так спокойно, что я даже перестал беспокоиться о будущем, оно казалось радужным. И вот ты уходишь... Да ты понимаешь, Говард, что через неделю после твоего официального ухода от меня и косточек не останется? Сожрут и не подавятся. И что дальше, что меня ждет? У меня пока нет ни достаточного опыта, ни веса, ни имени, чтобы найти работу не хуже той, с которой меня выставили. И у меня нет такого счета в банке, как у тебя. Я не могу позволить себе побездельничать год-другой, тихо-мирно ожидая, когда судьба вознаградит меня золотым слитком за терпение и покорность. Я должен работать и зарабатывать на жизнь! Но это ты, Говард, приучил меня

к дорогим винам, хорошим машинам и хорошеньким женщинам, клубной карте и гаванским сигарам по 60 долларов за штуку. Ты виноват в том, что я не хочу возвращаться назад, к уличным проституткам, малолитражкам и «Лаки страйк» без фильтра. Назад мне путь заказан! Ты приручил меня, а теперь бросаешь.

– Извини.

Одним глотком Матти Болтон допил виски, встал и бросил зло:

– Засунь свои извинения в зад!

– Пстой, – сказал Говард. – Я расскажу тебе о сестре.

– О какой сестре?

– О Кристине.

– Оставь. Нечего приплетать сюда сестру. У тебя нет сестры!

– Уже нет.

– И не было. Хочешь темнить – развлекайся. Но без меня!

Матти резко повернулся и направился к выходу. На ходу он кивнул бармену, который с непроницаемым лицом протирал за стойкой пузатые бокалы. Можно было не сомневаться, сегодня же подробности разговора двух приятелей, двух бывших приятелей, станут достоянием всех членов клуба «Эльдорадо».

Говард достал сигарету и закурил. Он думал о том, почему раньше не говорил Матти о Кристине. Почему он вообще никому о ней не говорил? Наверное, потому что это было очень личное. Бесценное и хрупкое, как пережившая века книга с откровениями древних. Прикосновение чужих пальцев могло повредить страницы, перелистывать их мог только он, Говард Баро, лишь у него было такое право.

Умолчал он и о том, что сегодня последний день, когда он может с полным правом пребывать во владениях «Эльдорадо». Играть в гольф отныне ему предстоит на другой площадке, пить виски в другом заведении. «Снежинку» правление предписало увести от причала клуба в течение недели.

И о своих планах на будущее – настоящих, он тоже не сказал Матти. По той же причине: это его дело, только его! Кто знает, с какими трудностями ему придется столкнуться. Не исключено, что это окажется самым опасным предприятием в его жизни. Хотя и не должно, но может. Конечно, бывший сержант армии США Матиас Болтон не трус, что не раз доказал во время «войны в заливе», но разве это основание, чтобы подвергать друга риску?

* * *

Риск был велик и теперь, когда мачту отбросило от яхты. Упустив возможность перехлестывать через борта «Снежинки», волны облизывали их с недовольным жадным шипением. И оно было зловещим и многозначительным, это злобное шипение.

Говард понимал: если появится еще одна «убийца» – яхта не устоит, ее опрокинет, и «Снежинка» отправится на дно. И он вместе с ней. Если, конечно, будет вот так сидеть, сжимая в руке кусачки, и ждать у моря погоды. Не дождется.

– Дьявол!

Оскальзываясь и хватаясь за снасти, Говард пробрался в кокпит и поднял пластиковую крышку, оберегающую панель приборов от брызг. Указательным пальцем коснулся кнопки стартера....

Правилами гонки категорически воспрещалось, помимо парусов, пользоваться любым другим двигателем. Если он воспользуется мотором, чтобы развернуть покалеченную яхту носом к волне, это будет автоматически означать, что для него гонка закончена. Он не пытался победить, но все равно обидно. Хотя без мачты ему так и так не на что рассчитывать. И вообще, речь уже не о гонке, не о спорте или реноме яхтсмена, речь о выживании...

Он надавил на кнопку.

Пару раз чихнув, мотор уверенно набрал обороты. Говард перевел рычаг в нижнее положение и, почувствовав вибрацию винта, развернул яхту.

Не желая утяжелять и без того перегруженную «Снежинку», Говард взял на борт столько топлива, сколько было необходимо для подзарядки аккумуляторов и работы питающейся от генератора рации. Другими словами, в его распоряжении семь-восемь часов хода под мотором, а этого явно недостаточно, чтобы очутиться за границами этого пекла.

Если бы уцелел гик! Тогда он мог бы, превратив его в мачту, поднять какой-нибудь парус. Увы, рангоут «Снежинки» бултыхался сейчас где-то справа по борту. Или слева... Впрочем, втащить гик на яхту при таком волнении ему вряд ли по силам. Попробовать, разумеется, можно, тем более у него есть лебедки, но ведь рангоут сначала надо найти в этих чертовых волнах, а это то же самое, как найти блоху под хвостом у пуделя. Нереально.

Что еще? Роль мачты-карлицы может сыграть рей³² спинакера, сейчас закрепленный на палубе, но чтобы установить его, растянув вантами³³ и штагами, нужен если не штиль, то хотя бы временное перемирие в океанских пределах. На такую милость со стороны Атлантики, впрочем, лучше не рассчитывать.

Идея с реем спинакера показалась Говарду все же достаточно перспективной, но это дело будущего. Пока же надлежит экономить горючее, а добиться этого можно лишь выбросив плавающий якорь и выключив двигатель. Но проблема в том, что, сломавшись почти у самого основания, мачта зацепила и утащила с собой контейнер со спасательными жилетами и запасным плавучим якорем. И еще она напрочь снесла спутниковую тарелку.

Говарду понадобилось двадцать минут, чтобы соорудить из двух алюминиевых труб и спального мешка жалкое его подобие. Брошенное в воду, это убогое изделие все же не позволяло «Снежинке» развернуться бортом к волне, и Говард, удовлетворенно вздохнув, остановил мотор. А потом вздохнул с горечью. Эта штуковина за кормой долго не продержится. Придется опять запускать двигатель, сжигая драгоценное топливо, которое кончится раньше, чем кончится шторм. И тогда у него будет столько проблем, что не останется времени подумать о всяких глупостях вроде прощального поцелуя, которым красавица награждает героя, прежде чем он даст дуба. Но пока у него есть время.

Говард подумал о Мэри.

* * *

– Я так не могу.

Это было противно ее сущности. Легкомыслие казались Мэри Клариссе Хиггинс грехами столь же тяжкими, как гордыня и ложь. Ее жених оказался порочным человеком. Какой ужас!

Естественно, она осудила его безответственный поступок, заявив, что не может, не имеет права связывать с ним судьбу. Неизвестность, неопределенность – это не тот фундамент, на котором она готова строить семейные отношения.

– Прощай, Говард!

Для него это было как удар в челюсть, вышибающий мысли и зажигающий звезды перед глазами. Несколько дней Говард ходил сам не свой, а когда к нему вернулась способность рассуждать здраво, он взглянул на свои отношения с несостоявшейся миссис Баро под другим углом и понял, что ему здорово повезло. Ведь он и Мэри совершенно разные люди, а значит рано или поздно все равно бы распрощались, пройдя через изматывающую процедуру развода. Так уж лучше раньше... Придя к такому выводу, он вдруг успокоился, а успокоившись сделал еще один шаг, задумавшись, а что, собственно, привлекло его в свое время в этой длинноногой, как кукла Барби, и такой же голубоглазой блондинке? А вот это и привлекло – платино-

³² Балка, одним концом закрепленная на палубе или мачте; предназначена для растягивания нижней кромки больших передних парусов – обычно спинакера, но иногда генуи

³³ Снасти стоячего такелажа, с помощью которых крепятся мачты к бортам

вые локоны и точеная фигурка. Плюс тщеславие собственника-самца. С Мэри было приятно появляться на публике: мужчины бросали на него завистливые, а на нее – жадные взгляды. А он, идиот, пыжился при этом от удовольствия. Ну как же – мое!

Теперь больше ничто не удерживало его в Чикаго. Говард продал дом с видом на озеро Мичиган и перегнал яхту в Атлантику, найдя убежище для «Снежинки» и жилище для себя в Портсмуте, не том индустриальном, что в Виргинии, а маленьком и словно отутюженном городке Новой Англии, расположенном на самой границе штата Мэн.

После шумного грязного мегаполиса тихий прилизанный Портсмут показался ему раем земным. Никаких потрясений, темп жизни иной – размеренный. И люди другие: ни салонных острословов, ни припадочных брокеров и подозрительных клиентов, ни вдохновенных прожектеров и платиновых красавиц... Вокруг чопорные потомки первых поселенцев, сдержанность которых обещала существование, не отягощенное досужим любопытством и плохо скрываемым недоумением по поводу его нетипичного, вызывающего поведения. Изъясняясь приземленным языком, чихать жители Портсмута хотели на Говарда Баро, и Говарда это устраивало.

Каждое утро, если не ночевал на яхте, он выходил из дома, где купил небольшую двухкомнатную квартиру, окна которой смотрели на ухоженный садик, спускался к городской набережной и шел по ней к гавани, где его ждала «Снежинка».

Океан звал его. Плавая до того по Великим Озерам, Говард и не предполагал, что бескрайний водный простор может так зачаровывать. Он побывал на Ньюфаундленде и Бермудских островах, в Коста-Рике, дважды плавал на Багамы и трижды во Флориду. Разумеется, в одиночку, что вовсе не говорило о том, что он стал законченным мизантропом с вечно кислым выражением лица. Говард был завсегдатаем пирушек, устраиваемых яхтсменами. Он любил посидеть в экзотических портовых кабачках за кружкой пива со случайным собеседником. Замыкался он лишь тогда, когда визави вдруг принимался толковать о том, что жить надо так-то и так-то. Эту проблему Говард хотел решить без посторонней помощи. Так говорила Кристина... В советчики он был согласен взять только Атлантику.

У него было достаточно средств, чтобы год за годом плавать по южным морям, но он возвращался в Портсмут. Его жизнь только со стороны казалась безоблачным существованием убежденного гедониста, готового вкушать лишь радости бытия. У него была тайна, в которую, помимо него, был посвящен лишь один человек – Нельсон Хьюэлл.

С этим чернокожим гигантом Говард работал в одном банке. Хьюэлл трудился в вычислительном центре и слыл бунтарем-анархистом. В банке о своих взглядах он не распространялся, но тот факт, что Хьюэлл периодически оказывался в полицейском участке, говорил о многом. Нельсон участвовал во всех маршах протеста, кто бы их ни организовывал, потому что он был против... против правительства, против внешней и внутренней политики США, против всех войн на планете Земля будь они трижды освободительными, против загрязнения окружающей среды и закрытия предприятий, против безработицы и ограничений на ввоз дешевой иностранной рабсилы.

Он был против! Это было его неотъемлемое конституционно право, и он пользовался этим правом на все сто процентов, готовый отстаивать его всеми возможными способами вплоть до кулаков. А учитывая размер кулаков Нельсона Хьюэлла, совсем не удивительно, что полицейские с завидной периодичностью пытались упрятать его за решетку. Однако руководство банка вносило залог, оплачивало адвоката, и Нельсон возвращался к своим прямым обязанностям системного программиста. Очень хорошего программиста, можно сказать, бесценного. Такими специалистами не бросаются, таких специалистов берегут, холят и лелеют, закрывая глаза на их большие и маленькие прегрешения, даже на вольнодумство.

После похорон Кристины прошло около недели, и Говард убедился, что сам справиться с задуманным не сможет, хоть ночуй перед компьютером, не та квалификация! И он отправился к Хьюэллу.

– Нельсон, не позавтракать ли нам вместе?

Негр, а если говорить политкорректно – афроамериканец, оторвался от монитора. Посмотрел спокойно и безразлично.

– Мистер Баро, я завтракаю там, где не ступает нога белого человека.

– Тогда я буду первопроходцем.

Хьюэлл его испытывал, и делал это умело. Кафе, адрес которого он назвал, Говард насилу нашел. От банка – два шага, а кажется – другой мир. Закопченные стены давно закрытых скотобоен, описанных в одном из романов знаменитым «разгребателем грязи» Эптоном Синклером. Мусор на мостовой. Старухи в плетеных креслах у подъездов. На баскетбольной площадке подростки в безразмерных штанах и вязаных шапочках лениво стучат мячом об асфальт. А другие юнцы, кучкуясь на углах, готовы снабдить каждого желающего дозой чистейшего «крэка», по сравнению с которым героин – чупа-чупс на палочке. И ни одного белого! Африка!

Говард остановил машину у входа в кафе и с тяжелым сердцем запер ее, отнюдь не уверенный, что к его возвращению «мустанг» будет стоять на этом месте.

Когда он вошел в кафе, там установилась тишина. Десятка полтора афроамериканцев с неприязнью разглядывали его. Пришельцев здесь не любили. Этот район, это кафе, все кварталы вокруг – это «черная» территория!

Один из посетителей у стойки, в темных очках и зеленом пиджаке поверх красной шелковой рубашки, сполз с высокого табурета и направился к Говарду. На ходу он небрежно откинул полу пиджака, демонстрируя рукоять пистолета, засунутого за пояс.

– Это ко мне, Джимми, – раздался властный голос.

Хьюэлл выступил из угла и поманил Говарда.

– Здравствуйте, Нельсон, – сказал Говард, усаживаясь за столик.

Программист скрестил руки на груди.

– Ну?

– Я предлагаю вам работу. Необычную работу...

Говард рассказал все, почти все. Выслушав его, Хьюэлл пробасил:

– Вы предлагаете мне это, потому что не можете без меня обойтись.

– Не совсем так, Нельсон, хороших электронщиков много. Только, боюсь, не всем это дело придется по вкусу.

– А во мне, значит, вы уверены.

– В вас уверен. И не хочу ошибиться.

Программист взял гамбургер, откусил сразу половину и стал задумчиво жевать. Проглотив, обтер губы тыльной стороной ладони и сказал:

– Сколько, по вашему, это займет времени?

– Не знаю, – честно ответил Говард.

– Как вы вообще это представляете?

– В смысле?

– Вы не сможете платить мне столько же, сколько я получаю сейчас.

– Не смогу. Но я и не призываю вас последовать моему примеру. Вы, должно быть, слышали, что я ухожу из банка?

– Нет.

– Странно. А меня сложилось впечатление, что все только об этом и говорят. Да, я ухожу. Более того, я уезжаю из Чикаго. Знаете, Нельсон, я уже почти ненавижу этот город.

– Он мало кому нравится.

– Я еду в Портсмут, куплю там квартиру. Что касается вас, то, полагаю, исключительно в свободное от службы и... – Говард улыбнулся, – общественной деятельности время вы могли бы попробовать на зуб мою задачку. Естественно, не безвозмездно.

Хьюэлл помолчал, подвигал широкими губами, потом произнес задумчиво:

– Денег я не возьму. Воздаяние негодяю должно быть бескорыстным. Лишь тогда оно справедливо.

– Значит, беретесь?

– Берусь. Однако, мистер Баро, сказанное мной вовсе не означает, что у вас не будет расходов. Мне понадобится специальное оборудование, также вы будете оплачивать мои поездки в Портсмут. Сообщать о проделанной работе я буду при личных встречах. Тогда же мы будем обговаривать следующие этапы операции.

– Но существует мобильная связь. Есть электронная почта... Это вполне надежно.

– Разумеется. Но личные контакты – мое категорическое условие. К тому же, это обойдется вам много дешевле, нежели почасовая оплата программиста моей квалификации.

– И все же я не понимаю.

– Все просто, мистер Баро, проще некуда. Думаете, вам одному хочется сбежать отсюда? Мне тоже здесь душно. Меня тоже тянет на волю. А тут такая возможность...

Говард рассмеялся:

– Принимается. Только, пожалуйста, предупреждайте загодя о своих визитах. Я не собираюсь сидеть в четырех стенах. Подозреваю, что большую часть времени я буду проводить на яхте. Звоните на мобильный телефон или на спутниковый, присылайте «мыло» – и я в вашем распоряжении. Кстати, жить в Портсмуте вы можете у меня. Опять же экономия.

– Вы, белые, так расчетливы, что это не внушает уважения. – Хьюэлл ухмыльнулся, давая понять, что шутит.

Час спустя Говард вышел из кафе, провожаемый неприязненным взглядом негра, то бишь афроамериканца в зеленом пиджаке. Машины у тротуара не было.

– Жалко? – спросил Хьюэлл, появляясь в дверях. – Автомобиль вам вернут. Об этом я позабочусь, в конце концов мы теперь партнеры.

Программист подозвал к себе паренька, сосредоточенно поглощавшего чипсы около тележки мороженщика, и что-то ему сказал. Паренек скрылся за углом, и через минуту оттуда появился «мустанг» Говарда.

– Чикаго, – сказал Нельсон Хьюэлл. – Тут свои законы.

Говард сел за руль. Он был доволен. Он не ожидал, что его план, казавшийся сырым, хлипким и в силу этого трудноосуществимым, так быстро начнет обретать стройность. Он даже начинал верить в то, что ему удастся выполнить задуманное.

* * *

Атлантика взбесилась. Волны взлетали вверх, ветер неистовствовал, молнии полосовали небо, и ни конца, ни края этому безумию видно не было. Но смешной – в голубой цветочек, еще Мэри подарок, – спальный мешок оберегал «Снежинку» от самого худшего. До поры.

Говард спустился в каюту. Спутниковый телефон без тарелки – груда дорогого железа, и он подсел к рации. Надев наушники, Говард еще раз взвесил все «за» – их было много, и «против», которых практически не нашлось, потом повернул рукоятку включения, подумав, что проигрывать тоже надо уметь и что он таким умением похвастаться не может.

Он хотел подать сигнал «SOS». Но, конечно, не сейчас, чуть погода, когда альтернативы не будет. А пока надо проверить, как работает рация.

Судьба распорядилась по-своему, избавив человека от терзаний нелегким выбором. Рация безмолвствовала.

Говард проверил питание – ток шел. Снова покрутил верньеры настройки – тишина. Отогнув пружинные пластины, он ухватился за хромированные скобы по бокам рации, потянул... Тяжелая металлическая коробка нехотя вывернулась из обклеенного пористой резиной углубления, и Говард увидел стальной стержень, насквозь пропоровший стенку рубки и изуродовавший заднюю стенку рации. Откуда он взялся, оставалось лишь догадываться. Ничего даже

отдаленно похожего Говард на «Снежинке» не встречал. Вот, пожалуйста, еще один фокус океана, еще одна загадка, на которые он такой мастак.

Яхта накренилась, рыскнула в сторону и, соскользнув с волны, получила сильный удар в левый борт. Говард еле устоял на ногах, тем не менее пять секунд спустя он был в кокпите. Да, так и есть: сорвало плавучий якорь. Прощай, ткань в цветочек.

Говард снова завел движок. Развернул яхту. Готовый в любой момент кинуться к румпелю, он смотал трос, нацепил на раму парусиновый чехол от генуи и бросил импровизированный якорь в воду. Тот исчез в волнах, вынырнув далеко позади «Снежинки». Канат натянулся, тормозя и удерживая яхту кормой к волне. Говард остановил двигатель.

Что ж, мистер Баро, пора воспользоваться бумом, находящимся на спасательном плоту и в автоматическом режиме подающем сигнал бедствия.

Уже не теша себя иллюзиями, что сможет самостоятельно справиться с проблемой выживания, Говард включил буй.

* * *

Хьюэлл был фантастически талантливым электронщиком. То, перед чем спасовал Говард, для него оказалось сущим пустяком. Еще до отъезда в Портсмут Говард знал о Джозефе Марлоу больше, чем все государственные органы Соединенных Штатов. Потому что из-за ведомственных распрей они утаивали добытые сведения вместо того, чтобы делиться ими. Как заправский хакер Нельсон Хьюэлл взломал пароли, обошел ловушки и проник в базы данных. Там он основательно покопался, кое-что скопировал и представил первые результаты своего труда Говарду. Ознакомившись с информацией, тот пришел к выводу, что ранее выбранный путь – единственно верный, но долгий и трудный.

Желание отомстить Марлоу, который, если вдуматься, был истинным виновником гибели его сестры, возникло у Говарда сразу же после смерти Кристины. Но как это сделать?

Убить...

Убить, конечно, можно. Даже, наверное, не очень сложно. Все-таки не президент США или компании «Дженерал Электрик», вокруг которых телохранителей больше, чем трески у берегов Ньюфаундленда. Более того, смерти Джозеф Марлоу явно заслуживал, а Говарда Баро, вот же удача, в свое время из желторотого юнца превратили в неплохого снайпера. На деньги американских налогоплательщиков, между прочим, превратили. В Форт-Брэгге³⁴ этими фокусами давно занимаются. И с успехом.

Да, убить можно. Одной тварью на земле станет меньше. Но где гарантия, что стрелка не арестуют? Не так уж беспомощна полиция, как об этом пишут газеты и кричит телевидение. Благородный мститель, естественно, будет доказывать, что его руками вершился суд божий, однако суд земной, что тоже естественно, оставит это заявление без внимания и вклеит срок. А Говарду совсем не улыбалось неопределенно долго видеть небо исключительно в клеточку.

И еще момент. Одно дело – убивать на войне, пусть даже такой странной, какой была «война в заливе», и совсем другое – хладнокровно послать пулю в человека, вкушающего утренний кофе на террасе собственного дома или выходящего из машины посреди мирного города. Даже если этот человек подонок, каких поискать, это совсем другое дело.

Значит, убийство не проходит. Значит, нужно сделать так, чтобы Джозефа Марлоу покорило правосудие, до сей поры относящееся к нему неоправданно лояльно.

Говард не сомневался, что у Марлоу такой криминальный багаж, такое бурное прошлое, что на пятьдесят лет без права помилования хватит с избытком. Он виновен перед людьми и перед Господом! Надо лишь найти доказательства его вины.

Все, решено. Но с чего начать? Отправиться на Западное побережье и примерить личину частного детектива? Но это не дело для дилетантов. Его тут же вычислят и на совершенно

³⁴ Американская военная база по подготовке так называемых «зеленых беретов»

законных основаниях привлекут к ответственности за вмешательство в частную жизнь. Нет, благодарю покорно, ему уютнее в тени.

Но с чего-то же надо начинать!

Говард подсел к компьютеру и выудил из «всемирной паутины» все, что в ней имелось касательно предпринимателя из Калифорнии Джозефа Марлоу.

Выяснилось, что сей добропорядочный американец, владелец сети придорожных закусочных, субсидирует научные изыскания в области нейрохирургии, перечисляет деньги в университетскую библиотеку и фонд защиты дельфинов, содержит детскую бейсбольную команду и, будучи убежденным консерватором, активно участвует в политической жизни штата.

Это было его «официальное» лицо. Что же касается истинного, то в Сети имелись несколько старых газетных заметок, авторы которых с большей или меньшей степенью прозрачности намекали на связь Марлоу с криминальным миром. Одна статья, видимо, та самая, о которой говорила Кристина, и вовсе содержала ничем не прикрытые обвинения. Говард «пролистал» электронную версию газеты, и вскоре обнаружил некролог со слезными восхвалениями талантов попавшего в автомобильную катастрофу журналиста. Других примеров профессиональной честности, за которую поплатился автор разгромной статьи, он не нашел. Надо полагать, урок, преподанный Джозефом Марлоу пишущей бартии, пошел впровод.

Еще Кристина говорила о подозрениях полиции. Об этом в прессе вообще не было упоминаний. Видимо, сестра воспользовалась какими-то особыми источниками информации, может быть, позвонила кому-то из давних знакомых, с кем когда-то хипповала в коммуне под Сакраменто.

Три вечера подряд Говард, как слепой котенок, тыкался в электронные двери различных учреждений, и всякий раз они оказывались замкнуты паролями, и ни с его дилетантским умением было пытаться отодвинуть эти засовы. Тут нужен был специалист!

...Хьюэлл дождался, когда Говард отложит распечатки, и сказал:

– Пока порадовать вас нечем. Не замешан, не привлекался... Так, мелкие прегрешения, которые покрылись плесенью от срока давности.

Говард убрал бумаги в кейс:

– Вы сказали «пока», Нельсон. Какие у нас шансы?

– У нас?

– Вы же сами назвали нас партнерами.

– Назвал. Вы не собираетесь отступаться, мистер Баро?

– Нет.

– Это мне нравится. А вот Джозеф Марлоу мне, напротив, очень не нравится. Очень! И не только из-за истории, которую вы мне поведали. Чем больше я сидел в Сети, чем больше узнавал о Марлоу, тем отвратительнее для меня становился этот тип. Ваша сестра – не единственная его жертва. На его совести много загубленных душ. Я согласился помочь вам отчасти из интереса, теперь же это и для меня дело чести. И я не отступлюсь, даже если вы пойдете на попятную.

– Повторяю, об этом можете не беспокоиться.

Хьюэлл помолчал, потом продолжил:

– Не уверен, совсем не уверен, что нам удастся привлечь Марлоу к ответственности за уголовно наказуемые дела.

– Контрабанда оружия к ним относится, – заметил Говард. – И я не сомневаюсь, что он продолжает этим заниматься.

– У меня тоже нет сомнений. Но Марлоу осторожен. Времена, когда он сам нанимал курьеров и расплачивался с ними, наверняка канули в прошлое. Сейчас он птица высокого полета. У него есть люди, которую выполняют всю «черновую» работу.

– Да, скорее всего. Но что же тогда...

– Скажите, мистер Баро, что для вас главное – чтобы Марлоу сел в тюрьму за контрабанду или чтобы он просто сел в тюрьму?

– Второе. За что он будет отбывать срок, это не так важно.

– Я тоже так думаю. Поэтому я вспомнил, как прищучили Аль Капоне. Этого мафиози смогли повязать и отправить в тюрьму Алькатрас, на остров в бухте Сан-Франциско, не за убийства, подпольную торговлю спиртным и организацию преступного сообщества, а за неуплату налогов. Улавливаете? Чем не вариант? Вы же толковый финансист, мистер Баро, тут вам и карты в руки.

– Но я никогда не занимался налоговым законодательством. В колледже нам давали лишь основы.

– Придется овладеть. Я буду поставлять данные, а вы анализируйте их, сводите воедино. Этот подонок не может играть честно. Где-то, в чем-то он мошенничает, подправляет цифры, ведет двойную бухгалтерию. А его показная благотворительность на то и направлена, чтобы отмыть грязные деньги. Ваша задача – подцепить Марлоу на крючок, а потом мы «сольем» информацию кому следует. Правда, все это займет много времени.

– Временем я располагаю, – успокоил собеседника Говард. – К тому же, я считал бы себя последним негодяем, лишив вас возможности навещать славный город Портсмут.

Нельсон Хьюэлл хмыкнул одобритительно:

– Такой исход меня бы огорчил. Когда вы уезжаете?

– Через два дня. Как обустроюсь, вернусь в Чикаго за яхтой. Когда мы встретимся снова?

– Полагаю, уже в Портсмуте. Залезть в компьютеры Марлоу будет потруднее, чем в архивы налоговиков. Не знаю, сколько мне на это потребуется, но быстрых успехов не обещаю.

Говард кивнул:

– Что ж, в Портсмуте так в Портсмуте. Там спокойно, тихо. Хотя, признаться, я уже начал привыкать и к этому месту наших встреч.

Он поднял голову и встретился глазами с афроамериканцем в зеленом пиджаке. Тот явно был местным завсегдатаем. Говард улыбнулся, и афроамериканец улыбнулся ему в ответ. Говард улыбнулся еще шире.

– Не обольщайтесь, – осадил его Хьюэлл. – За своего вас тут пока не приняли. Для этого нужно тут жить и, желательно, сменить цвет кожи. Но за свой «мустанг» вы можете не беспокоиться.

Так и оказалось, автомобиль теперь спокойно дожидался своего владельца. Говард попрощался с Хьюэллом и отправился домой. Надо было проследить за грузчиками, пакующими вещи.

Через неделю он уже был жителем Портсмута, а еще месяц спустя встречал там Хьюэлла.

– Добро пожаловать, Нельсон.

Хьюэлл поселился у него. Вечер они посвятили разбору привезенных из Чикаго бумаг и просмотру файлов. Как он их добыл, откуда выудил, в такие мелочи программист не вдавался, памятуя о малой компьютерной продвинутости своего партнера.

Информации было с избытком, предстояло ее упорядочить.

– Разберусь, – уверенно сказал Говард.

– А я буду подбрасывать работенки, – пообещал программист. – Яхту свою покажете?

Оказалось, Хьюэлл разбирается в крейсерских яхтах, поэтому его высокая оценка «Снежинки» не могла не порадовать Говарда. Единственное, что вызвало недоумение программиста, это румпель вместо штурвала. Как-то совсем несовременно, старомодно...

– В этом-то и прелесть, – не слишком внятно объяснил Говард.

Тем не менее, Хьюэлл ответом удовольствовался.

Они вышли в море. Хьюэлл умело управлялся со шкотами. Говард был на руле. Напарники!

Программист уехал на следующий день, пообещав дать о себе знать через месяц, а Говард отправился в свое первое дальнее одиночное плавание.

Так и повелось. Хьюэлл приезжал в Портсмут, вручал Говарду очередную порцию документов, скачивал файлы, и они отправлялись в гавань.

Потребовалось больше года на то, чтобы Говард нащупал в защите Джозефа Марлоу уязвимые места. Еще несколько месяцев кропотливой работы, и они были готовы предоставить инспекторам налоговой полиции целый пакет уличающих недобросовестного налогоплательщика сведений. Господину Марлоу предстояло изрядно поволноваться. Потому что это Америка, в ней могут простить многое, но никогда – обман государства!

– Когда? – спросил Нельсон Хьюэлл.

– Завтра. Нам удастся сохранить анонимность?

– Обижаете, мистер Баро. Никто не будет знать, откуда поступили сведения. Мы остаемся в стороне.

– Это хорошо. Но вот о чем я подумал. Не сомневаюсь, что Марлоу окружит себя самыми лучшими адвокатами, а те посоветуют клиенту вовсе использовать его имидж щедрого спонсора. Не заняться ли нам разрушением этого образа джентльмена?

– То есть соответствующим образом подготовить общественность?

– Именно. Мы накопили на Марлоу столько, что с этим не будет проблем. Правда, ни одно из обвинений, кроме утаивания налогов, у нас ничем не подкреплено, однако с вашими способностями...

– Вы предлагаете мне превратиться в некое подобие спамера, – догадался Хьюэлл. – Только они забивают электронные почтовые ящики рекламным мусором, а я должен буду наспиговать компьютеры калифорнийцев компроматом на Марлоу. Что-то отфильтруется, но что-то обязательно пролезет... Забавно. Полагаю, пользователям будет небезынтересно узнать, что этот господин был гуру у одурманенных зельем юнцов, участвовал в оргиях с малолетками и на заре своей карьеры приторговывал краденными автомобилями. Что ж, можно попробовать.

Хьюэлл попробовал, и у него получилось.

Говард с интересом следил за тем, как в Калифорнии разгорается нешуточный скандал.

Против Джозефа Марлоу было выдвинуто обвинение в уклонении от уплаты налогов.

Вступившиеся было за своего благодетеля ректор университета и тренер бейсбольной команды вскоре пожалели об этом. Они бледнели и краснели, когда журналисты, почуяв запах жареного, стали насаждать на них в каверзными, но безупречными с точки зрения стиля вопросами: «Вы полагаете уместным пополнять библиотеку на средства человека, потворствовавшего наркоманам?» или «Как вы относитесь к педофилии?»

В общем, Марлоу приходилось несладко. И это еще мягко сказано. Дело, впрочем, обещало быть долгим, поскольку, как и предвидел Говард, денег за юридическую защиту Джозеф Марлоу не жалел. Однако в результатах разбирательства Говард не сомневался. Вопрос был лишь в том, сколько в конечном счете Марлоу достанется лет заключения. К этому наверняка добавятся годы, которые бывший гуру получит за соращение малолетних. Соответствующие иски были поданы. Заявители, прежде не надеявшиеся на успех, почувствовали, что Джозеф Марлоу уже не так силен, как прежде, что он уязвим, что сейчас с него можно кое-что требовать, скажем, тысяч двести долларов, а то и триста.

Говард мог торжествовать и ждать финала. Вместе с тем он вдруг почувствовал какую-то пустоту. Дело, которому он посвящал все свои мысли, оставило после себя лакуну, которую ему нечем было заполнить.

– Знаете, Говард, – сказал во время очередного приезда Хьюэлл. – Не знаю, как вы, а я себя чувствую так, будто меня поманили и обманули. Будто чего-то не хватает.

– Мы в одинаковом положении, Нельсон. Были... Потому что я придумал, чем себя занять.

– И чем же?

– Я подал заявку на участие в гонке одиночек через Атлантику.

– Та-а-к. Но, сколько я понимаю, «Снежинку» для этого надо доставить в Англию.

– Правильно понимаете.

– Пойдете своим ходом или отправите яхту сухогрузом?

– Своим, конечно. Времени у меня достаточно.

Хьюэлл запустил пятерни в свои курчавые волосы, сощурился и сказал:

– Я вот думаю, не смотаться ли и мне на берега Туманного Альбиона.

– А как же банк?

– Надоед! Изю дня в день одно и то же, и все во славу фирмы и ее правления. Я мирился с этим, но вы, мистер Баро, все испортили. Так всегда у белых с неграми. Сбили меня с пути истинного. Вы – искуститель!

– Тогда уж не я, а Джозеф Марлоу. Если бы не он...

– Пусть так, – программист перестал терзать шевелюру. – Но и ваша вина тут есть. А загладить ее вы можете лишь одним...

Говард сообразил, что последует дальше, но прерывать программиста не стал.

– Берете меня с собой в Англию? Или как?

– Должен признаться, Нельсон, я и сам гадал, как бы поделикатнее предложить вам участие в этом приключении.

– Чего же тянули? Это занятие для настоящих мужчин! Только представьте: шторм, мачта сломана, в корпусе пробоина, еды нет, воды нет... А нам хоть бы что!

* * *

Нечаянное пророчество Хьюэлла он не раз вспоминал в эту ночь. И чертыхался. Нельсона бы сюда! Сам накаркал, пусть сам и расхлебывает.

За ночь якорь срывало еще три раза, так что Говарду приходилось снова ломать голову над тем, что натянуть на алюминиевый каркас, и вновь запускать двигатель. Стрелка, показывающая уровень топлива, угрожающе клонила влево.

Утро не принесло успокоения ни океану, ни человеку: ураган и не думал стихать, а тревога – покидать измученного бессонницей Говарда. До ближайшего берега не одна сотня миль, горячее на нуле... ну, почти на нуле. Правда, у него в достатке и продуктов, и пресной воды. Только бы шторм стих, а там он сможет дрейфовать хоть месяц, хоть два. Глядишь, Северное пассатное течение передаст его с рук на руки Северному экваториальному и то вынесет его к Антильским островам. Или какой-нибудь корабль повстречается. Но еще вернее – его найдут, ведь радиобуй «Снежинки» скликает на помощь все радиофицированное человечество.

Последняя конструкция плавучего якоря оказалась удачной, и Говард позволил себе немного поспать, тем более что шторм, похоже, все-таки сжалился над ним, чуть пригладив волны и умерив силу ветра. В каюту, однако, путь ему был заказан, поскольку Говард не доверял до конца ни творению своих рук, ни природе. Он остался в кокпите – и заснул.

Пробуждение было внезапным. Какое-то настойчивое дребезжание вплеталось в привычную какофонию, состоящую из куда более громких звуков: скрипа, свиста, плеска, шипения, гула. И все же не было ничего удивительного, что он среагировал на столь незначительное добавление к общему шуму: его сознание, даже будучи погружено в сон, фиксировало малейшее изменение обстановки.

Дребезжание доносилось из ящичка под румпелем, который яхтсмены, по примеру автомобилистов, называют «бардачком». Там лежал фонарик, ракетница, тайваньский приемник... Говард откинул крышку ящичка, сунул в него руку и вытащил «воки-токи» – портативный передатчик, которым так любят пользоваться рыбаки, водители-дальнобойщики и яхтсмены, маневрирующие перед заходом в марину. Он совсем забыл о нем! А даже если бы помнил, никогда не поверил, что «воки-токи» еще работает, ведь его аккумуляторы он зарядил еще в

Плимуте, и при такой влажности они должны были давным-давно сесть. А поди ж ты, звонит, дрожит от нетерпения, требует ответа.

Говард нажал клавишу приема.

Глава 7

К полудню шторм устроил перерыв на ланч.

Ветер поутих, волны стали более пологими. В то же время с яхтой происходило что-то непонятное, она вроде как огрузла... Андрей закрепил штурвал растяжками и спустился в каюту.

По стенам стекали ручейки конденсата. Иллюминаторы затянуло мутной пленкой, а колпак над штурвалом-дублером так запотел, что об управлении из рубки можно было забыть. Что до былого порядка – от него осталось лишь воспоминание. Запоры платяного шкафа не выдержали, дверцы распахнулись. Одежда валялась на полу, соседствуя с ложками и вилками, вылетевшими из специальных гнезд над обеденным столом, и рассыпавшимися на страницы книгами.

Еще дома, подозревая, что где-нибудь на широте Канарских островов, в штиль, когда яхтсмену не остается иного, как по примеру моряков минувших времен, свистеть и царапать ногтями мачту, вымаливая ветер, его навестит непрощенная гостья – ностальгия, Андрей решил подготовиться к ее посещению. Он сходил в магазин «Миллион мелодий» на Фонтанке и купил кассет с романсами и современным русским шансоном – в меру бездарным, однако умело выдавливающим слезу у странников, находящихся вдалеке от родных пенатов. Подумав, он добавил к этому набору диски «Машины времени», «Воскресения», «Чижа»... Побойтившись таким образом об уладе слуха, он отправился на книжный развал у Дворцовой набережной и задешево набрал там малоформатных томиков в пестрых мягких обложках, уже побывавших в чьих-то руках. Остановив свой выбор именно на них, Андрей руководствовался двумя соображениями. Во-первых, все равно выбрасывать – клееным корешкам влажность противопоказана, так зачем тратить на новые книги, не говоря уже о шедеврах полиграфии? Во-вторых, литературе серьезной, поднимающей глобальные вопросы, надо отдавать зимние вечера, когда за окном теплой комнаты воеет выюга, в дальнем же одиночном плавании уместнее щекочущая нервы беллетристика отечественного производства, позволяющая отвлечься и перенестись с безбрежных океанских просторов... Куда? Разумеется, домой, в Россию.

Весь переход к берегам Англии опоясанные резиновым бинтом книжки простояли в неприкосновенности на полке над койкой. Только в Атлантике, когда «Северная птица» попала в полосу штиля, у Андрея нашлось время на то, чтобы ознакомиться с их содержанием. Устроившись в кокпите, включив магнитофон с записями «Зоопарка» и откупорив банку «пепси», он открыл кроваво-красный томик, прочитал две страницы, пролистал еще двадцать и швырнул книжку в океан. Открыл следующую – и следующая отправилась туда же.

Андрею потребовалось не больше часа, чтобы проредить свои книжные запасы. Потому что он не хотел, а таких «покетов» было большинство, и не мог читать о царящих в стране криминальном беспределе и коррупции. Причем с примерами, преподанными в самых натуралистических красках. Какая уж тут тоска по Родине! Из такой страны, погрязшей в дерьме и насилии, впору бежать без оглядки, и проклясть ее перед расставанием у некогда священных рубежей.

«Но раньше-то мог! – урезонил он себя и себе же ответил: – Да, раньше мог. Читал – и не без интереса, щекотал нервы. А сейчас не могу. Потому что не знал, какая она страшная – мирная жизнь».

* * *

Кудря опаздывал.

– Может, он пошутил? – спросил Сашка, сидевший в своей коляске на безлюдном по причине непогоды причале и надзиравший за тем, как Андрей регулирует авторулевой. – Может, он шутит так?

– Ага, – Андрей посмотрел на друга. – Есть у него такая гадостная привычка – шутить не по делу. Ему больше заняться нечем, как разъезжать по яхт-клубам и смущать порядочных спортсменов предложениями нарушить кодекс. Уж и не знаю какой именно – уголовный, административный...

– Ты-то что хохмишь? – рассердился Сашка. – Дело, между прочим, серьезное.

– Кто бы спорил. А кому от этого плохо? Сам не напрягаюсь, других не напрягаю.

Андрей выпрямился и... напрягся. К яхте шел верзила в кожаной куртке – один из тех, что вчера состоял в свите Николая Евгеньевича Кудреватых.

– Вот и пожаловали. – Сашка тоже увидел телохранителя Кудри.

Бандит подошел к трапу и стал оглядываться. Ничего не спросив, он постоял, зыркая по сторонам совиными глазками, потом потер то место, где у нормальных людей находится шея, а у него начиналась голова, словно припаянная к молодецкого разворота плечам, повернулся и зашагал обратно.

– Разведка, – сказал Андрей.

Из-за здания яхт-клуба, за которым давеча исчез шестисотый «мерин», выскочил аспидно-черный джип, утяжеленный хитрым переплетением хромированных труб у бампера. За джипом куда медленнее, с достоинством сознающего свою цену лимузина, показался «мерседес» Кудри.

Автомобили остановились метрах в десяти от «Северной птицы». Сначала от седоков освободился джип, явив на свет божий «разведчика» с бычьим загривком и его приятеля, столь же внушительных габаритов и тоже знакомого Андрею и Сашке по вчерашнему посещению. Телохранители подбежали к «мерину» и встали по бокам. Выждали несколько секунд, одновременно взялись за ручки и открыли дверцы.

Кудреватых был в том же длиннополом плаще. Он потянулся, разминая спину, и сказал что-то своему спутнику, вылезшему из машины с другой стороны, худощавому парню в джинсах и простеньком свитере-самовязе. Тот ответил и быстро взглянул на яхту, на Андрея, на Сашку, будто прикидывал...

Андрей знал этот взгляд, по Чечне знал. Был у них там специалист, приклад винтовки которого испещряли зарубки. Классный был снайпер, и взгляд у него был точь-в-точь такой же – оценивающий, прицеливающийся.

Кудреватых и парень в свитере неспешно подошли к трапу.

– Ну, Горбунов, показывай, что придумал.

Не стоило этого делать, нарываться, но Андрей не утерпел:

– Для начала – здравствуйте.

Кудреватых пошевелил губами, но ничего не сказал. У парня в свитере дернулась щека, и родинка, прижавшаяся к уголку его левого глаза, на долю секунды спряталась в складке кожи.

Андрей вытер ветошью испачканные смазкой руки:

– А говорили, что один приедете.

– Мало ли что я говорил. Сам слово сказал, сам назад взял. Моя воля. Вот его повезешь. Хочет дружок мой посмотреть, как ты его устраивать собрался.

«Надо было сразу в милицию бежать, – подумал Андрей. – Но кто же знал?..»

– Проходите, – нехотя посторонился он.

Бандиты поднялись на палубу.

– Сюда.

Ниша в носовом отсеке парня в свитере не впечатлила или, вернее, очень впечатлила, слишком. Не обращая внимания на Андрея, он повернулся к Кудре и проскрипел – такой у него оказался голос:

– Я в гроб не лягу.

– А тебя туда никто не загоняет. – Кудреватых пригнул голову, чтобы не расшибить лоб о притолоку. – Рано тебе еще откидываться, деревянный макинтош примерять. Только не в том ты, милый, положении, чтобы рожи корчить.

– Тут ни повернуться, ни «волыну» вытащить, – скривился парень, отчего родинка у глаза снова исчезла и снова появилась. – Гроб и есть. Гвоздями заколотит и ментам сдаст.

– Не сдаст. Что он, враг себе? А, Горбунов, ты себе враг?

– Я себе друг.

– Вот видишь. Он правильно мыслит. Да и лежать тебе здесь не часы длинные – минуты, пока погранцы не уберутся, провожалышки всякие. Потом из этого... карцера в каюту переберешься. Перекантуешься со всеми удобствами. И чтобы носа на палубу не высывал!

Парень в свитере упрямо повел головой:

– Не лягу.

– Еще как ляжешь! Наследить – это ты, значит, можешь, завсегда готов. Стрелок хренов! Тебе только по бутылкам шмалять. Наследил, так хоть молчи, пока другие за тобой подтирают. Ты что думаешь, тебе все всегда прощаться будет? Ляльку свою не забыл еще?

– Не забыл, – сказал парень и посмотрел так, что другой бы на месте Кудри отшатнулся, такой нехороший это был взгляд, злой.

– Не зыркай, не испугаешь. – Николай Евгеньевич Кудреватых был не из робкого десятка. – Змеюку на груди пригрел, вот она тебя и ужалила. Любовь, понимаешь! Это как напортачить надо было, чтобы такую простую вещь разжевать: нет бабам веры и не было никогда. Простили тебя тогда, я настоял, чтобы простили. Сказал, пригодишься ты еще, свое отработашь и суку эту из-под земли достанешь. Достал?

– Сбежала она. Все равно найду.

– Ищи. Такими обещаниями не бросаются. А до тех пор попридержи характер. Короче, так: не ляжешь – так сядешь! И не надолго – навсегда. Посчитай, сколько на тебе душ висит. Посчитал? А еще имей в виду, что таких, как ты, тех, что мусоров мочат, вертухаи тюремные так прессуют, что пожизненное для них годом-другим оборачивается.

– Базаришь много, – буркнул парень.

Кудря обернулся и смерил Андрея взглядом:

– Не слышал ты ничего, понял? А теперь иди отсюда!

Андрей выбрался из каюты.

Сашка, нахохлившись, сидел в своей коляске. Увидев друга живым и невредимым, облегченно улыбнулся. Лица телохранителей, стоявших рядом, оставались неподвижными и непроницаемыми.

Кудря и парень в свитере появились на палубе минут через десять. Видимо, о чем-то договаривались. Спустились по трапу на причал. Кудреватых поманил за собой Андрея.

– Вот что, Горбунов, нет у дружка моего в тебя веры. Гарантий требует.

– Я страховые полисы не выдаю.

– Вот-вот, потому и не верит, независим ты больно. Придется тебя малость укротить.

Андрей почувствовал на своих руках железную хватку бугаев в кожанках. Он дернулся, и тут же получил удар в солнечное сплетение справа и удар в челюсть слева.

– Оставьте его, – закричал Сашка и захлебнулся криком.

Кудря схватил Андрея за волосы, приподнял:

– Сюда смотри, безухий. И слушай. Дружок мой так думает, что ты его в ящик запакуешь и ментам сдашь. Я ему доходчиво объяснял, что у тебя багаж солидный – и родители, и урод

этот в коляске. Чем не гарантия? А он в ответ: об этом потом вспоминают, о родителях, о друзьях-товарищах, тогда и каяться начинают, что не уберегли, что поторопились. А уж не вернуть, понаделано дел, теперь только каяться... И вот о чем я подумал: а ведь прав он! Кто знает, что у тебя в голове сидит. Может, и впрямь заложить хочешь. И открутиться потом. Всяко может быть, так – тоже. А что это значит? Это значит, что ты плохо уяснил, о чем я тебе толковал. Или уяснил, но прикинул – пугаю я тебя, на понт беру. Так вот, Горбунов, запомни накрепко, Николай Кудреватых от слов своих отказывается – особенно по мелочи, это бывает, но от платы – никогда. Потому что, коли не отплатишь, ни чести тебе, ни уважения не будет. А чтобы ты не сомневался, что с твоими родными станется, если ты хвостом крутить вздумаешь, решил я тебе все наглядно показать. Ну, гляди, любезный, на друга своего.

Кудря повернул голову Андрея.

Парень в свитере стоял рядом с инвалидной коляской и полосовал ножом на ленты плед, которым Сашка укрывал свои неподвижные ноги. Сейчас Сашка и сам был неподвижен. Разбитые ударом, оборвавшим его крик, губы Сашки были красными от крови. Глаза закрыты. Он не сделал ни малейшего движения, когда парень стал привязывать его руки к подлокотникам.

– Смотри, безухий, смотри.

Андрей рванулся, но Кудря держал цепко, да и телохранители навалились, выворачивая суставы.

Парень в свитере затянул узлы, полюбовался, как получилось, ухмыльнулся, вновь заставив родинку на мгновение исчезнуть, передвинул рычаг ручного тормоза в горизонтальное положение и небрежно толкнул коляску ногой.

Она покатилась.

Колеса попали в трещину – и преодолели ее.

Еще на пути был бугорок из вспучившегося, небрежно уложенного асфальта. Андрей видел, как колеса накатывают на него, останавливаются в верхней точке...

Время тоже остановилось.

Сашка застонал, пошевелился, и этого оказалось достаточно, чтобы равновесие было нарушено. Колеса скатились с бугорка, прошелестели по оставшимся сантиметрам асфальта, и коляска сорвалась с пирса.

– Пусти, – прохрипел Андрей.

Кудря отпустил его волосы:

– Давай, Горбунов, спасай своего друга.

Телохранители разжали пальцы. Андрей упал. Тут же вскочил и прыгнул в воду.

В два отчаянных гребка он достиг дна. Завертелся на месте.

Коляска лежала на боку метрах в трех от него.

Андрей схватил ее за спинку и попытался всплыть.

Нет, не получится. Тяжело.

Грудь разрывало. Он ринулся вверх. Почти до половины выскочив из воды, схватил ртом воздуха, и снова нырнул.

Сколько прошло? Минута? Две?

Андрей стал распутывать путы, которыми были стянуты руки Сашки. Ткань пледа была плотной, а парень в свитере затянул узлы накрепко. Андрей трижды поднимался на поверхность и снова нырял, прежде чем ему удалось освободить одну руку Сашки. Со второй он справился быстрее – за два вдоха. Теперь и время, и сама жизнь измерялась вдохами.

Подхватив друга под мышки, он оттолкнулся от илистого дна.

С пирса в воду спускалась сваренная из арматуры лесенка. Андрей ухватился за ступеньку и перевел дух. Лицо Сашки было безжизненным.

– Помогите! – закричал-просипел Андрей.

Нет ответа.

– Кто-нибудь!

Как он выбрался на пирс, как втащил Сашку, этого Андрей не помнил. Но ведь смог как-то.

Причал был пуст – ни бандитов с их автомобилями, вообще никого. Только ветер качает мачты продрогших яхт.

– Сашка! Сашка! Сашка!

Он говорил, он звал, он пытался делать искусственное дыхание. Все напрасно. Друг умер. И с этим ничего нельзя было сделать. Это надо было принять. Андрей поднял лицо к беспросветному, затянутому низкими тучами небу и завыл от отчаяния.

* * *

Как бесили теперь Андрея возлюбленные герои авторов низкопробных поделок, все эти отважные «афганцы» и «чеченцы». Картонные, плоские. Они возвращались в родной город и становились «черными ангелами», вершащими суд скорый и праведный над всякой нечистью. Ни страха, ни малейших сомнений в своей правоте «ангелы» не испытывали, и своей «отморозченностью» мало отличались от тех, кого пачками и с удивительной изобретательностью отправляли на тот свет.

Бессмертные и всесильные, закаленные в горниле войны... Вранье! Андрей был на войне и знал, что это такое. Он стрелял, надеясь, что враг не успеет выстрелить первым. Он убивал, чтобы не быть убитым. И только. Сама по себе война ничему не учит, только искусству выживать. Но Андрей знал еще одну вещь: чувство мести может побороть инстинкт самосохранения. Хотя и при этом остаются искушение не делать то, что должно, и ужас перед будущим, призывающий спрятаться в норку и не высовываться оттуда.

Тогда, на причале, Кудря ему все доступно объяснил. Настолько, что, не подозревая о том, лишил его выбора. Это Божedomов может считать, что выбор есть всегда, на самом деле это не так. Выбора не было.

* * *

Логово Кудри он нашел без труда. Хотя какое же это логово, место по определению тайное, укрытое от чужих глаз? Особнячок в два этажа! С номером у железных ворот, почтовым ящиком на калитке. Такая вот симпатичная усадьба. Правда, с видеокамерами по периметру и коваными зубьями поверх глухого кирпичного забора.

Приватность свою Николай Евгеньевич Кудреватых защищал, но прятаться не собирался – ни от органов, ни тем более от прессы, чьи представители были частыми гостями в его хоромах. Человеком он был крутым, острым на язык, к политике всех масштабов, особенно городского, отношение имеющим самое непосредственное отношение. Многих подкармливал... Короче, интересный собеседник. А неявная, но общеизвестная принадлежность Кудри к миру криминала делала его еще привлекательнее.

Андрей влез в Интернет и уже через пять минут знал: где Кудря живет – в Комарово, недалеко от дома творчества литераторов; что он ест на завтрак – глазунью; чем запивает – цифиром по старой тюремной привычке; где более всего любит проводить часы вечернего досуга – на катере, ошвартованном тут же, у личного причала, рядом с рубленой топором банькой.

Какого-то конкретного плана, взвешенного в деталях и обеспеченного технически, у Андрея не было. В Комарово он поехал, полагаясь на удачу, отчего-то уверенный, что та не откажет ему в содействии. Должна же быть справедливость на свете!

Как похоронил Сашку, так и поехал.

На причале, рядом с телом друга, Андрей провел часа три. Кто-то вызвал «скорую». Кто-то из медиков вызвал милицию. Кто-то из появившихся на пирсе яхтсменов сам вызвался, нырнул, привязал к коляске веревку, и ее вытащили из воды.

Ему тем временем задавали вопросы. Андрей отвечал: «Нет, не видел... Не слышал... Не успел...»

Полосы, которыми были связаны руки Сашки, лежали у него в кармане. Следов на запястьях не осталось. На след от удара на шее внимания никто не обратил. Да и что приглядываться, когда дело ясное – несчастный случай.

Все закончилось так, как закончилось бы и в том случае, если бы Андрей не отмалчивался и не врал. Только быстрее. Потому что нет у него ничего против Кудри, кроме слов.

Андрей сразу понял, хотя соображал туго, смутно, что не прижать милиции Кудрю с такими шаткими обвинениями – без доказательств, без свидетелей. Опера и пытаться не станут, а если осмелятся, то под конец еще и извинятся, что побеспокоили, дескать, навет это был, как есть навет. Поэтому он сразу решил милицию сюда не приплетать, между собой и Кудрей не ставить. Без посредников обойдемся. Это будет его дело! Он сам – и прокурор, и судья, и палач. Но не адвокат.

Сашку положили на носилки и увезли в морг. Андрей поехал со «скорой». Брать его не хотели, но он настоял.

Патологоанатома, мужика с обезьяньими руками и одутловатым от пьянства лицом, ближе к вечеру вышедшего из прозекторской, Андрей спросил:

– Он сильно мучился?

Трупных дел мастер вытер руки о халат и сказал, дыхнув застарелым перегаром:

– А ты кто ему?

– Друг. Был другом.

– А родственники у него есть?

– Нет. Никого у него нет. Кроме меня.

– Так что же, ты тело забирать будешь?

– Я.

– Мы его подукрасить можем. Как живой будет выглядеть.

– Не нужно.

– Дорого не возьмем.

– Не нужно.

Патологоанатом огорчился, снова обтер ладони о халат:

– Зря. Лежал бы как младенец... – Ты вот спрашиваешь, мучился покойный или не слишком. Сколько работаю, столько диву даюсь: всех это интересует! Тебе от этого что, спокойнее будет? Спать будешь крепко?

Андрей не ответил, мрачняя, собирая пальцы в кулаки.

– Ладно, ладно, – предупредительно поднял руки патологоанатом. – Мне говорили, ты его спасти пытался.

– Не успел.

– И не мог успеть. Пустые у него легкие, я смотрел, я знаю. Он еще до того умер, как в воду попал. Сердце не выдержало, больное у него было сердце. У паралитиков это сплошь и рядом. Знал об этом?

– Он мне ничего не говорил.

– Беспокоить не хотел.

Андрей достал из кармана портмоне, вытащил оттуда пару купюр, протянул их врачу. Тот отвел руку:

– Я халяву не признаю. Я деньги зарабатываю. Так, значит, без макияжа обойдемся?

– Обойдемся.

– Ну, тогда я пошел. Меня еще один трупачок дожидается. С этого я точно наварю. Он, понимаешь, псих, с балкона сиганул. И мордой об асфальт. Тут без косметики никак, иначе родне на погосте и предъявить-то нечего будет.

Цинизм патологоанатома не покорбил Андрея. Не до того ему было, чтобы других судить. Он себя судил, хотя и не так строго, как несколько минут назад.

Похоронили Сашку через два дня на третий. Андрей все оплатил. В собес за вспомоществованием он обращаться не стал, да и вряд ли получил бы эти «похоронные» деньги. Кто он был Сашке? Друг. Никто, значит. С точки зрения гражданского кодекса. И так пришлось набегаться по разным кабинетам, поклоняться, прежде чем – за взятку, естественно, – ему позволили забрать тело из морга. А не кланялся бы, не совал «барашка» в потную чиновную руку, закопали бы его друга за казенный счет и табличку жестяную поставили: имя, фамилия, дата рождения, дата смерти и тире между ними – жизнь.

На кладбище, у могилы, было всего несколько человек. Андрей, его родители и соседи Сашки по коммунальной квартире. Они были искренне опечалены кончиной соседа, но, как люди молодые, думали не только о сущем, но и о будущем.

– А как же его комната? – улучив момент, спросил отец семейства. – Вы извините, Андрей, я, наверное, не вовремя, даже наверняка, но вы же понимаете, мы волнуемся, нас это касается. Кому комната достанется?

Андрей посмотрел тяжело, но сдержался:

– У меня претензий нет. Да и нет у меня на эту комнату никаких прав. Что мне дорого – фотографии, бумаги, – я забрал, вы же знаете. Дальше не я решаю – государство.

– А если мы... – начал отец семейства, но Андрей его оборвал:

– Конечно, попробуйте. Вас трое. Оснований достаточно. Пишите заявление, может, и удовлетворят. Во всяком случае я вам этого желаю.

– Спасибо. Но вещи...

– Я же сказал, кроме того, что я взял, мне ничего не нужно.

– А если мы вещи в церковь отвезем?

– Правильно сделаете.

– А если мы стол письменный себе оставим?

– Оставляйте.

Отец семейства перевел дух, видно, от сердца у него отлегло:

– Вы не волнуйтесь, Андрей, когда вас не будет, мы за могилой присмотрим.

– Когда меня не будет?

– Ну, вы же уезжаете, то есть в плавание уходите. Надолго. Саша нам рассказывал.

– А, вы в этом смысле.

– Только в этом, – испугался отец семейства и торопливо отошел в сторонку, к зареванной супруге, стоявшей рядом с родителями Андрея.

Гроб опустили в яму. По крышке застучали комья земли. Двое дюжих парней в заляпанных глиной спецовках насыпали холмик, примяли его лопатами, установили шалашиком два венка, связав их друг с другом траурными лентами и удалились, вскинув на плечи шанцевый инструмент. Карманы спецовок оттягивали бутылки честно заработанной водки.

– Мы пойдем, Андрей, – сказал отец.

– Да, идите. Я вас догоню.

Родители и соседи Сашки двинулись к выходу с кладбища.

– Ну вот, – тихо сказал Андрей. – Вот мы и снова вдвоем, друг.

Он не знал, что еще сказать. Поклясться, что не забудет что отомстит? Это прозвучало бы напыщенно, а Сашка не любил высокопарности. Поэтому Андрей ничего больше не сказал, повернулся и зашагал прочь.

– Эй! – окликнули его у конторы кладбища. – Горбунов!

Андрей поднял голову. У конторы стоял джип телохранителей Кудри. И они были тут же – два качка, сопровождавшие своего пахана в оба его приезда в яхт-клуб.

– Слышь, Горбунов, – с расстановкой проговорил один из телохранителей, подойдя к Андрею. – Тебе передать велено, что не хотел Николай Евгеньевич этого. Ну, смерти твоего кореша. Он в том не виноват, что у него сердце слабым оказалось.

– Ему и это известно.

– Ему все известно! Короче, Горбунов, извиняется Кудря. Учти, он это редко делает.

– Учту.

– И еще велено предупредить, чтобы ты глупостей не наделал. К ментам не ходил – и правильно сделал, и не ходи – не поможет. Ты не суетись, не дергайся, живи как жил и больше о себе думай, ну, и о родичах своих. Ущучил?

– Да.

– И напоследок: то, о чем вы с Николаем Евгеньевичем толковали, все в силе остается. Другого базара не будет. Жди, в общем, гостя. В ночь перед отплытием прибудет. На, держи!

Телохранитель достал из кармана пухлый конверт и протянул Андрею.

– Что это?

– Аванс. А ты что, думал Кудря тебя не отблагодарит за старание? – бандит усмехнулся. – На один страх понадеется? Да ты совсем лох, Горбунов. Деньги сильнее страха, это я тебе точно говорю. Здесь и за друга твоего плата... Кудря – человек с понятиями. За все платит. Бери, бери. Памятник поставишь. Чтобы все по-людски, значит.

Андрей сунул конверт в карман и пошел к стоянке, где его дожидалось такси.

– С кем это ты разговаривал? – спросил отец.

– Со знакомым.

– Странные у тебя знакомые. Прямо уголовники какие-то.

Мимо них, подняв веер брызг и окатив грязной водой толпившихся на автобусной остановке людей, промчался черный джип. Бандит за рулем курил сигарету и дергал подбородком. Наверное, в такт музыке. С нервами у него все было в порядке. Нервных в телохранители не берут.

Андрей проводил джип глазами, удивляясь: откуда у него столько сил? Но ведь выдержал! Не ввязался. А ведь он бы этих бугаев отметелил, он бы их заставил землю жрать. Не бойцы – рвань стероидная, им только ларечников мышцами пугать. Но Кудря после это неизвестно, как поступит, может и охрану усилить. А это ни к чему. Это все осложнит.

На следующий день Андрей отправился в Комарово. В электричке было полно народу. По вагонам ходили книгоноши, на все лады расхваливая свой товар:

– Новейший роман Александра Бушкова! Майор российского спецназа против международных террористов! Схватка не на жизнь, а на смерть! Крутое чтение для настоящих мужчин!

Пассажиры не спешили лезть за деньгами, и Андрея это порадовало.

* * *

Несмотря на строгий «цензорский» отбор, несколько купленных в Питере книжек Андрей все же сохранил, потому что их «убойные» названия не соответствовали содержанию, а были продиктованы издателями, у которых имелись свои воззрения, на что купится потенциальный читатель. Издатели оказались правы – Андрей, например, купился и купил.

Романы оказались о любви – с примесью психоанализа и толики приключений. Бездарные, выстроенные по шаблону, они все же годились на то, чтобы «убить время» и впоследствии быть использованными по иному назначению – в галюне, в сортире то есть.

Сейчас «бесценные» страницы этих книжонок устилали все вокруг. Кавардак взывал к уборке, но Андрею было не до того. Он разгреб безобразную кучу под ногами и открыл люк, врезанный в пол каюты.

В трюме была вода. Много воды.

Андрей кинулся обратно в кокпит, отщелкнул запоры, и стал судорожно дергать вверх-вниз рычаг ручной помпы. За борт из сливного отверстия в борту яхты стали выплескиваться струйки воды.

Откачив трюмную воду и вооружившись фонариком, он сунул голову в люк и сразу увидел, как из-под болтов, крепящих к корпусу яхты ее массивный киль³⁵, бьют веселые фонтанчики, похожие на те, что в давние времена устанавливали в парках для измученных жаждой горожан. Головки болтов ритмично поднимались и опускались, как клапаны на макете двигателя внутреннего сгорания.

Вооружившись накидным ключом, Андрей попытался затянуть болты, но не смог сделать и четверти оборота.

Он засек время. Часы показали, что угрожающего уровня, способного сказаться на устойчивости яхты, вода достигает за двадцать семь минут. «Вот тебе и график жизни, – констатировал он. – Теперь каждые полчаса, господин яхтсмен, извольте браться за ручку помпы и качать, качать...».

Хотя можно включить мотор и поручить этот сизифов труд механизмам. Как сразу-то не сообразил?

Когда пришел срок очередной тренировки бицепсов и трицепсов, которой позавидовал бы любой посетитель тренажерного зала, Андрей нажал кнопку стартера. Движок остался глух к его попытке.

Аккумулятор!

Пробравшись в нос яхты, Андрей ужаснулся. Волны, раскачивающие яхту, сорвали с места батарею и опрокинули ее. При падении вылетели пластмассовые пробки, и пролившийся электролит испятнал черными обуглившимися дырами мешки с парусами. Запасной аккумулятор тоже валялся на боку.

Так, приборы «Птички» остались без электропитания. Прискорбно. Даже более чем. Мотор... Ну, мотор можно завести с «ручника», есть такая опция.

Андрей выбрался на палубу, ходуном ходившую под ногами, откинул лючок, ведущий в моторный отсек. Черт, и здесь вода!

Спустив стаксель, Андрей бросил за борт плавучий якорь. Когда тот выбрал тридцать метров удерживающего его каната и уперся в воду, «Птичка» развернулась кормой к волне. Качка из боковой стала продольной. Андрей рассчитывал, что это отдалит момент, когда болты не выдержат нагрузки, и стальной плавник оторвется, устремившись в глубины океана. Тогда яхта перевернется, и за ее судьбу никто не даст выеденного яйца. А заодно и за судьбу Андрея Горбунова.

Он прыгнул в кокпит, и это его спасло. Вроде бы надежно закрепленный гик, оборвав удерживающие концы, пронесся там, где он только что стоял. Задержись Андрей на секунду, и его сбросило бы его за борт, причем наверняка с проломленной головой. И все, прости-прощай.

Андрей схватил бухту тонкого троса, соорудил скользящую петлю и после нескольких неудачных попыток заарканил мотающийся из стороны в сторону гик. Привязав его со всей мыслимой надежностью, он взялся за ручку помпы.

К вечеру сорвало один из двенадцати злополучных болтов. В два часа ночи – второй. В три – третий. Еще через полчаса – четвертый. На лицо была легко просчитываемая прогрессия.

Вода в трюме прибывала все быстрее.

Надо давать «SOS» и не корчить из себя героя.

Но – как? Связи-то нет. Спасибо аккумуляторам, что б их... Вся надежда на сигнальный буй спасательного плота. Снабженный встроенными элементами питания, буй был способен посылать в эфир сигнал бедствия в течение семидесяти двух часов с радиусом действия в 200 миль.

³⁵ Тяжелая, обычно металлическая пластина, прикрепленная к днищу; препятствует поперечному дрейфу и обеспечивает устойчивость яхты, не позволяя опрокинуться под воздействием ветра и волн

Андрей включил радиобуй, на корпусе которого послушно замигал красный проблесковый маячок. Обольщаться, правда, не стоило, «Северная птица» находилась вдалеке от путей активного судоходства и авиационных трасс: ведущие к Антильским островам, они пролегают севернее, к Южной Америке – южнее. Может быть, товарищи по гонке услышат его? Или какой-нибудь сейнер, направляющийся на промысел в антарктические воды. Или военный корабль, ошестившийся пушками и ракетами. Всякое может случиться. Если повезет. В любом случае, надеяться надо. А без надежды – куда?

Тут сорвало еще один болт.

«Птичка» явно сдавала. И не Сашкина в том вина. Андрею хотелось думать, что и не его тоже. Просто океан оказался сильнее. В конечном итоге он всегда побеждает, указывая неразумному человечеству на его скромное место. Сидите на своих материках и не рыпайтесь!

Запаленно работая на помпе, Андрей внушал себе, что даже если его сразу услышат, иллюзий насчет быстрого спасения быть не должно. Как бы ни были совершенны нынешние средства обнаружения терпящих бедствие, найти среди бушующих волн яхту – задача сверхсложная. Так что шторм надо пережить, не уповая на кого-то со стороны. Разве что на Бога.

Обессиленный, Андрей спустился в каюту посмотреть, что там с килем. Оставшиеся в гнездах болты теперь напоминали кнопки у трубы, которые нажимали и отпускали единственно для того, чтобы опять нажать, пальцы невидимого музыканта.

Андрей заставил себя съесть ржаной сухарь, запив его крепчайшей чайной заваркой. Все, надо идти качать.

Взгляд его упал на продолговатый кожаный футляр в зажимах над штурманским столом. А что, чем черт не шутит, пока Бог спит? Ересь, конечно, чистой воды ересь. Но...

Он достал «воки-токи».

– Всем, кто меня слышит. Говорит Андрей Горбунов, яхта «Северная птица».

Лишь треск и шорохи в ответ.

Его попытка была сродни стремлению утопающего ухватиться за соломинку, и все-таки он повторил, громко и отчетливо произнося слова:

– Всем, кто меня слышит. Говорит Андрей Горбунов, яхта «Северная птица». Мне нужна помощь!

– Зачем так кричать? – поинтересовался мужской голос. – Я не глухой. Здравствуй, Андрей. Это Говард Баро.

– Ты где? – только и спросил растерявшийся от неожиданности Андрей.

– А ты выгляни наружу.

Андрей высунулся из рубки и увидел метрах в двадцати по правому борту изувеченную штормом яхту. Вместо мачты из палубы торчал пенек с рваными краями; носовые релинги сметены. В кокпите «Снежинки» сидел Говард и махал ему рукой.

– А я зову, зову, – крикнул американец. – Подумал, ты спишь.

– Какой уж тут сон! – Андрей тоже поднял в приветствии руку. – Говард, тебе не кажется, что мы здорово вляпались?

Глава 8

– Всем, кто меня слышит...

Слышно было великолепно настолько, что Говард машинально огляделся. Вот это номер! Не далее полукабельтова³⁶ от «Снежинки», то поднимаясь на волнах, то срываясь в ложбины между ними, качалась «Северная птица».

Он поднес передатчик к губам.

³⁶ Кабельтов – мера длины: 0,1 морских мили, то есть 185,2 метра

– Андрей! Это я, Говард.

Нет ответа.

– Андрей, отзовись!

Его не слышали. Говард отложил «воки-токи», сложил ладони рупором и закричал:

– Эй, на борту! Андре-е-ей!

Палуба «Северной птицы» оставалась пуста. А передатчик между тем снова заговорил голосом русского: «Всем, кто меня слышит...».

– Что за бред? – возмутился Говард и внезапно сообразил, почему он Андрея слышит, а тот его нет. Идиот! Не нажал клавишу «отзыв».

Происходящее не располагало к веселью, однако Говард не удержался, с насмешкой сказав в микрофон:

– Зачем так кричать?

* * *

– Зачем так кричать? – обиженно спросил приятный женский голос.

– Плохо слышно.

– Это вам плохо слышно, а мне – прекрасно.

«Хамит, – подумал Говард. – Распустились, однако. При мне строже было».

– Так что вы хотели? – поинтересовался женский голос.

– Это банк?

– Да.

– Соедините меня с мистером Болтоном.

– По какому вопросу?

– По личному. Это Говард Баро.

Он корил себя за то, что подвел Матти, и позвонил, чтобы еще раз извиниться, рассчитывая, что старый товарищ уже остыл.

– Простите...

– Должно быть, вы недавно работаете в банке.

– Это неважно. Так как вас представить?

– А вот так и скажите – Говард Баро.

В трубке запиликала песенка Мадонны. Потом опять объявилась телефонистка:

– Алло? Вы слушаете? Мистер Болтон на совещании.

Так любезны секретарши бывают, когда им приходится лгать по поручению начальства.

– Понятно. И сегодня в банк он уже не вернется, – продолжил Говард. – Пожалуйста, когда Матиас появится, скажите ему о моем звонке. И попросите его связаться со мной. Мой номер телефона...

Звонка от Матти не было ни завтра, ни в последующие дни. Значит, не простил... Что ж, тут помочь может лишь время. Оно все сглаживает, есть у него такая особенность.

Зато позвонил Хьюэлл. Должен был приехать через неделю, а вместо этого позвонил и сказал, что прибудет самолетом уже этим вечером.

– У меня новости, – сказал программист.

– Плохие или хорошие?

– Всякие.

Заинтригованный, Говард отправился встречать Хьюэлла в аэропорт.

– Привет, Нельсон. Рад тебя видеть.

Они сели в машину и отправились в Портсмут. Всю дорогу Говард рассказывал, как идет подготовка яхты к трансатлантическому рейсу. Хорошо идет. Поэтому точно в срок они поднимутся на ее борт, и «Снежинка», вся в белых парусах, как невеста в подвенечном платье (как Мэри в давних мечтах Говарда) выйдет в море.

Он ждал, что Хьюэлл перебьет его и вывалит то, что привез с собой: новости хорошие, новости плохие. Однако программист помалкивал. Нет, конечно, он живо реагировал на рассказ Говарда, но с собственными откровениями не спешил.

Нарушил кодекс молчания он в придорожном кафе, где они перехватили по чизбургеру с «колой».

– Нас ищут, – сообщил Хьюэлл. – И это плохая новость. Быстро им нас не найти. И это новость хорошая.

– А поподробней? – попросил Говард.

Подробней это выглядело так. Любая компьютерная операция – вещь обоюдоострая. Посылая компромат на Джозефа Марлоу, Хьюэлл, как они с Говардом и договаривались, позаботился об анонимности, для чего выстроил сложную схему, в которую втянул половину компьютерных сетей мира. Таким образом, прежде чем попасть в объятия калифорнийских налоговиков, информация в закодированной форме побывала и в Африке, и в Азии, и в Австралии. Что касается спама, тут Нельсон был не так аккуратен. Он поступил просто и элегантно, тайно подключившись к базе данных известных спамеров из Небраски, рассылающих кому ни попадя миллионы рекламных сообщений. Задав программное условие, что его интересуют лишь пользователи в Калифорнии, Хьюэлл «пристегнул» свою информацию к их, после чего обрубил «концы», думая, что тем надежно обезопасит свое инкогнито. Однако все оказалось сложнее...

– Очевидно, Марлоу связал повышенный интерес к его персоне со стороны налоговой полиции и появление в компьютерах рядовых граждан красочных рассказов о его преступном прошлом и неприглядном настоящем. И сделал вывод, что появились эти сведения, как крапленые карты, из одного рукава. Естественно, ему захотелось выяснить, кто имеет против него зуб. Судя по качеству и оперативности работы, берусь предположить, что он привлек к своему расследованию каких-нибудь электронных умников из Силиконовой долины. Эти яйцеголовые³⁷, правда, не смогли проследить путь компромата, попавшего в полицию, зато в два счета вышли на спамеров из Небраски. Марлоу выдвинул против них обвинение в клевете. Спамеры, разумеется, все отрицают и пока хранят свои компьютеры в неприкосновенности. Но вы же знаете, Говард, как сейчас относятся к спамерам. Того и гляди их деятельность станет уголовно наказуемой. В общем, на сочувствие со стороны органов дознания им рассчитывать не придется. Проволочки, конечно, неизбежны, но в конце концов их прижмут к стене и в судебном порядке заставят предъявить к осмотру свои электронные анналы. А там много чего имеется, не предназначенного для чужих глаз. Чтобы не допустить соглядатаев в святая святых, спамерам, по сути, не остается иного, как самим разобраться в том, кто залез в их «мозги». Сдав меня, они выведут себя из-под удара.

– У них получается?

– Пока не очень. – Хьюэлл ухватил губами трубочку, торчащую из стакана с «колой», и со свистом втянул в себя остатки содержимого. – Но это вопрос времени.

– Сколько?

– Не знаю. Но ребята они ушлые, умелые.

– И чем нам это грозит?

– А это смотря кому они будут меня сдавать. Если судебским, это еще полбеда, а вот если напрямую Марлоу... Причем второе вероятнее. Потому что прежде всего они заинтересованы в том, чтобы Марлоу отозвал свое исковое заявление. Так он и поступит, ведь сами по себе спамеры ему без надобности. Ему нужен я. И вы.

Говард вытер губы:

– И что дальше?

³⁷ Так иронически американцы называют снобов-интеллектуалов

– Дальше... – Хьюэлл тоже принялся полировать губы салфеткой. – Все зависит от того, насколько Марлоу разъярен и есть ли у него привычка решать подобные вопросы силовым путем, минуя закон. Насколько я успел его узнать, такая привычка у него есть.

– Получается, – сказал Говард. – Рано или поздно мне предстоит познакомиться с ним лично. Или с его посланцами.

– Сначала они придут ко мне. С вопросами. Я, разумеется, буду отпираться. Но пользы от моего упрямства будет немного, потому что вычислить вас им и без моих признаний труда не составит. Методика отработана. Выяснят, куда я с такой регулярностью отбываю из Чикаго, с кем веду беседы по телефону, и сделают вывод.

– Да. – Говард закурил. – Так не проще, чем врезать кулаком по физиономии, но эффективность та же. И какие у нас шансы избежать соприкосновения с этими типами?

– В сущности, нам остается надеяться, что налоговики окажутся расторопными и прижмут своего подопечного до того, как спамеры выйдут на меня. Надо думать, после этого Марлоу будет не до удовлетворения своего законного чувства мести. И поиски сами собой заглохнут.

– Тогда будем надеяться. – Говард ввинтил недокуренную сигарету в пепельницу и встал. – Раз ничего другого не остается.

– Почему ничего? – Хьюэлл тоже поднялся. – Еще можно бежать. Например, за океан. Скажем, в Англию.

– Нельсон, вы гений!

– Я знаю.

Больше о Марлоу и возможных грядущих неприятностях они не говорили. У них были темы поважнее – «Снежинка» и океан.

* * *

Волны не грохотали как прежде, сталкиваясь друг с другом и швыряясь пеной. Подушав, они лишь злобно шипели, накатывая на израненные яхты.

После того, как они с Горбуновым обменялись приветствиями, Говард вытащил на палубу плавучий якорь и с помощью двигателя приблизился к «Северной птице» на расстояние, при котором уже не было нужды вопить что есть мочи.

– Что у тебя?

Русский обрисовал ему положение, в котором оказался. Положение было аховым.

– А у тебя?

Положение Говарда было немногим лучше.

Вместе с тем, благодаря встрече, вероятность которой в этих просторах была так ничтожна, что ее с полным основанием можно было причислить к списку необъяснимых чудес, у них появилось решение общей проблемы. Из двух яхт, одна из которых не имела рангоута, а другая грозила опрокинуться, они вполне могли создать «боеспособную единицу».

Андрей колебался, и Говард не торопил его. Бросить яхту, тем более построенную своими руками, отличное судно, которое служило тебе верой и правдой, – это тяжелое испытание для моряка, некоторые считают даже – непростительный грех. Но сохранить «Северную птицу» было невозможно: за время их разговора сорвало еще один болт крепления кия.

Наконец Горбунов сокрушенно опустил голову.

Говард сократил расстояние между яхтами до трех метров. В любой момент шальная волна могла ударить «Снежинку» и «Северную птицу» друг о друга, поэтому Говард внимательно отслеживал обстановку, удерживая румпель одной рукой, а другую положив на рычаг управления мотором.

Андрей готовился к эвакуации. Он вновь и вновь спускался в каюту, вытаскивая наружу то, что считал нужным забрать с собой.

– Подводи!

Говард подвел «Снежинку» еще ближе и, на миг оторвавшись от румпеля, принял радиостанцию «Северной птицы». Его аккумуляторы плюс рация Горбунова – и вот уже у них снова есть связь с миром. За радиостанцией последовали сумка с документами, навигационные приборы...

– Остальное потом, – распорядился Говард. – Давай гик.

Андрею стал отвязывать гик. Они сделают из него мачту, поднимут паруса, и даже если спасатели, они же спасители, их не услышат...

Океан, вроде бы прismsиревший, неожиданно напомнил о себе. Еще одна волна-бродяга подбросила «Снежинку» и швырнула ее на яхту Горбунова. Борта чиркнули друг о друга. Затаив дыхание, Говард смотрел, как все сильнее кренится «Северная птица». Ее мачта нависла над ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.